

**Министерство внутренних дел
Российской Федерации
Нижегородская академия**

Проблемы юридической науки в исследованиях адъюнктов и соискателей

**Выпуск 28
Сборник статей**

**г. Нижний Новгород
2022**

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АДЪЮНКТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ

Выпуск 28

Сборник статей

Под редакцией
кандидата экономических наук О. Л. Морозова;
кандидата юридических наук И. М. Пшеничнова

Нижний Новгород
НА МВД России
2022

УДК 001.8

ББК 67

П78

Рецензенты:

кандидат юридических наук *Д. С. Соколов*
(Краснодарский университет МВД России);
кандидат юридических наук, доцент *И. В. Ботвин*
(Барнаульский юридический институт МВД России)

П78 Проблемы юридической науки в исследованиях адъюнктов и соискателей : сборник статей / под ред. О. Л. Морозова, И. М. Пшеничникова. — Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2022. — Вып. 28. — 269 с.

В сборник включены научные статьи адъюнктов, соискателей и молодых ученых. Работы отражают современные и перспективные проблемы развития российского права, в них затрагиваются многие нетрадиционные и оригинальные подходы к совершенствованию правовой сферы.

Ознакомление с материалами сборника будет полезно специалистам в области юриспруденции, а также всем, кто интересуется проблемами развития российского права.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	6
<i>Абдулханьянов И. А.</i> Критические заметки на полях диссертации, посвященной фикции в уголовном праве	7
<i>Алымова А. С.</i> Анализ основных подходов к появлению и определению неформальной занятости	20
<i>Балалаева Ю. С.</i> К вопросу о внедрении искусственного интеллекта в сферу отправления правосудия (swot-анализ).....	28
<i>Баранова Л. В.</i> Современное состояние предприятий электроэнергетической отрасли в условиях санкционного давления	38
<i>Бардовская А. Ю.</i> Уголовно-правовой анализ основных составов преступлений, посягающих на неприкосновенность частной жизни	47
<i>Бражин Ю. Ю.</i> Идеи криминализации общественных отношений в сфере реализации национальных проектов (на примере национального проекта «Здравоохранение»)	59
<i>Гунченко Д. О.</i> Историко-правовой аспект становления института государственной защиты	66
<i>Долгова О. С.</i> Статистика применения статьи 80 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации	74
<i>Дубов Е. И.</i> «Свежие» мысли о криминализации незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности.....	81
<i>Дубова М. Е.</i> Противодействие дискредитации органов внутренних дел в условиях политической нестабильности революционной, постреволюционной и современной России: сравнительное исследование	93
<i>Канонеров Д. Г.</i> Об отдельных аспектах, учитываемых при организации и осуществлении расследования контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов	101
<i>Количенко А. А.</i> Отдельные аспекты проверки электронных доказательств в уголовном процессе	107
<i>Кузнецов М. С.</i> Проблемы законодательной регламентации уголовно-правовых норм о мошенничестве	117

<i>Легчило Д. Е.</i> Специфика производства эксгумации при производстве предварительного следствия.....	123
<i>Леднев А. Е.</i> Преступления, совершаемые в условиях чрезвычайных обстоятельств. Способы борьбы с преступностью при чрезвычайных обстоятельствах (чрезвычайных ситуациях).....	129
<i>Макарова Ю. С.</i> Оценка риска налоговой проверки организации путем расчета показателей «налоговая нагрузка» и «рентабельность»).....	138
<i>Николаев И. С.</i> Опыт уголовно-правового противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в странах бывшего СССР	147
<i>Простякова Д. П.</i> К вопросу о проблемах квалификации незаконной банковской деятельности: теоретический и практический аспекты	156
<i>Ржевский Н. П.</i> Социально-экономические основания криминализации мошенничества с использованием электронных средств платежа	165
<i>Ростов Д. В.</i> Комплексный анализ проблем института приостановления производства по уголовному делу	173
<i>Сентякова А. Е.</i> Современное состояние экономической безопасности в Российской Федерации	186
<i>Сигурова О. Ю.</i> Авторский набор показателей для оценки уровня коррупции в регионе на основании проведения антикоррупционного мониторинга	193
<i>Сидельников В. О.</i> Роль цифровых валют в расширении мировой финансовой системы	201
<i>Сысоева А. С.</i> Общетеоретические основы назначения и отбывания наказаний, связанных с лишением свободы, в отношении женщин в Российской Федерации	209
<i>Тимошкина В. А.</i> Отдельные вопросы, касающиеся правового регулирования механизмов контроля за исполнением меры пресечения «запрет определенных действий».....	216
<i>Умярова Р. Р.</i> Особенность судебного контроля, связанного с ограничением конституционных прав на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений	224

<i>Храмцов Е. С.</i> Общая характеристика преступлений против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	235
<i>Хутиев Р. В.</i> Проблемы назначения комплексной судебно-медицинской экспертизы при расследовании ятрогенных преступлений	241
<i>Черкасова А. М.</i> О некоторых проблемных вопросах применения порядка и исчисления сроков компенсации морального вреда реабилитированному	249
<i>Щекалева К. С.</i> Возможность реализации алгоритма выявления лиц и пресечения их незарегистрированной предпринимательской деятельности	259

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БВС РФ – Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

НПА – нормативный правовой акт

ОВД РФ – органы внутренних дел Российской Федерации

ОРД – оперативно-розыскная деятельность

ОРМ – оперативно-розыскные мероприятия

Подразделения ЭБиПК – подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции

РГ – Российская газета

РФ – Российская Федерация

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации

СМИ – средства массовой информации

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФЗ «О полиции» – Федеральный закон «О полиции»

ФНС России – Федеральная налоговая служба Российской Федерации

ФССП России – Федеральная служба судебных приставов

**И. А. Абдулханьянов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России**

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ *А. П. Кузнецов*

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ДИССЕРТАЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ФИКЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Становление исследователя-юриста, человека, способного на самостоятельную созидательную деятельность, оценку политико-правовых, социально-экономических и культурно-исторических явлений, представляет собой долгий, трудоемкий, комплексный процесс. Он реализуется в ходе осуществления творческой системной работы – написания диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук и включает множество этапов, в рамках которых у соискателя формируются различные навыки, характеризующие его научную и профессиональную зрелость (состоятельность). Одним из таких важных исследовательских качеств является умение критично воспринимать содержание трудов других исследователей, имеющих отношение к разрабатываемой им проблеме.

Под критикой (от фр. *critique* — искусство разбирать, суждение) в филологических источниках понимают «разбор, обсуждение чего-либо с целью дать оценку; указание недостатков» [1, с. 594–595].

Она способствует развитию науки, своевременному ее обновлению, в то время как отсутствие критики, по меткому вы-

ражению профессора В. М. Сырых, уподобляет научное сообщество болоту, в котором тонет любое движение к совершенствованию [2, с. 430].

Критика предстает самостоятельной процедурой научного познания, одной из форм исследовательской деятельности реализуемой соискателем. Она помогает оценить существующие знания по предмету исследования и сформулировать собственную позицию, являясь незаменимым гносеологическим инструментом молодого ученого [2, с. 413], однако складывается впечатление, что соискатели стараются избегать данный вид творческой работы и крайне редко используют жанр рецензии для опубликования основных положений своей будущей диссертации. Это обусловливается неуверенностью в собственных знаниях, невлаждением соответствующими приемами и методами оценки, неумением формулировать объективное, конкретное и обоснованное мнение о несоответствии какого-либо научного труда или его отдельных частей логическим, методологическим, доктринальным и другим требованиям.

Отдельные ученые утверждают, будто оценивание молодым исследователем состоявшегося и принятого научным сообществом произведения (защитенной диссертации) да еще и в отдельной публикации не вполне корректно, непрофессионально, дерзновенно, с чем, однако, следует не согласиться.

Солидаризируемся с мнением Г. Ч. Синченко, полагающего, что критическое сравнение авторских результатов с ранее полученными относится к одному из обязательных квалификационных требований, которым должен соответствовать соискатель [3, с. 166–167]. Они должны учиться приемам и правилам ведения научной дискуссии, усваивать принципы ее осуществления, ведь даже далеко не все уважаемые исследователи обладают способностью аргументированно, с соблюдением норм научной этики оценить труды коллег или соискателей: проявляют неуважение к автору научного произведения, высказываемые ими замечания не обосновываются, не соответствуют требованиям конкретности и предметности.

Сегодня критика в гуманитарной науке, в частности юридической, все чаще используется в качестве инструмента провокации для привлечения внимания к персоне самого рецензента, смещается с оценки полученных научных результатов на автора исследования или его научного руководителя, является элементом конъюнктурных «политических» конфликтов в научной среде. В связи с чем предпримем попытку дать объективную оценку исследованию, предмет которого — юридическая фикция, представляет немалый интерес для автора публикации — соискателя, чьи научные интересы теснейшим образом связаны с ним. Речь пойдет о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, подготовленной В. В. Тарасенко, на тему «Презумпции и фикции в современном уголовном праве России».

Актуальность выбранной В. В. Тарасенко темы исследования бесспорна: проблема повышения качества законодательства, в том числе уголовного, его юридико-технического оформления составляет авангард современной юридической науки, привлекающий пристальный взгляд ученых и практиков. Построение правового государства немыслимо без надлежащей уголовно-правовой охраны наиболее значимых общественных отношений, в процессе которой используется множество разнообразных правовых инструментов. Юридическая презумпция и фикция представляют собой широко применяемые субъектами правотворческой и правоприменительной деятельности средства юридической техники, способствующие повышению эффективности правового регулирования, оптимизирующие правовую систему в целом, делая ее целостной и непротиворечивой.

Сегодня уже не столь остро звучат слова профессора В. К. Бабаева о недостаточном внимании научной общественности к аксиомам, конструкциям, презумпциям и фикциям [4, с. 100], поскольку эти правовые явления всесторонне исследуются последние два десятилетия как представителями общей теории права, так и отдельных отраслевых юридических наук. Невзирая на это, до настоящего времени в доктрине нет

единства мнений по базовым, концептуальным аспектам содержания указанных феноменов, роли и значению в праве, соотношения друг с другом, что препятствует их осмыслению и продуктивному применению на практике.

Несмотря на множество диссертационных исследований, посвященных юридической презумпции и фикции в отдельных отраслях права, в уголовном праве им явно уделяется недостаточно внимания (уголовно-правовая презумпция была предметом исследования Ю. Г. Зуева [5] в 2000 г., а уголовно-правовой фикции посвящена кандидатская диссертация К. К. Панько в 1998 г. [6]). Как указывает В. В. Тарасенко, за время, прошедшее с момента написания данных работ, уголовный закон претерпел множество изменений, не осмысленных надлежащим образом в рассматриваемом дискурсе, что и обусловило актуальность проведенного им исследования.

Следует отметить, что результаты апробации выполненного В. В. Тарасенко исследования, выразившиеся в многогранном внедрении полученных научных выводов в практическую деятельность, в настоящий момент становятся все более редким явлением. Диссертационные исследования, связанные с развитием криминальных наук, априори носят теоретико-прикладной характер и следствием их написания должны стать рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, предлагаемые для внедрения в деятельность конкретных государственных органов федерального или регионального уровня. Соискатели и их научные руководители все чаще пренебрегают этим требованием и в противоречие п. 10 Положения о присуждении ученых степеней [7] в качестве практического применения результатов исследования указывают их обсуждение на профильной кафедре в образовательной организации, где готовилась работа, или выступления на конференциях и круглых столах.

Положительно характеризует рассматриваемую работу также количество опубликованных В. В. Тарасенко научных статей (35, из них 9 — в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных

научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата/доктора наук), свидетельствующих о глубине и всесторонности осуществленного исследования.

Не умаляя научного вклада В. В. Тарасенко, выразившегося в развитии теории юридической техники, правовой презумпции и фикции, обогащении доктрины уголовного права новыми знаниями, формулировании конкретных предложений по совершенствованию уголовного законодательства, следует отметить обнаруженные изъяны.

Во-первых, такой раздел введения, как «Степень научной разработанности темы исследования» традиционно содержит фамилии ученых, внесших значительный вклад в развитие исследуемой проблемы, имеющих труды, посвященные тем или иным ее аспектам. Он предназначен для описания разработанности заявленной темы исследования в текущем состоянии доктрины [8, с. 46]. Презюмируется, что автор при его составлении самостоятельно ознакомился с работами указываемых авторов и пришел к выводу о наличии в них знаниевых пробелов, противоречий, свидетельствующих о недостаточной теоретической и практической изученности выбранной им темы исследования [9, с. 138–139], лишней раз подтверждая необходимость написания своей диссертации. Кроме того, оценка состояния разработанности проблемы показывает степень компетентности соискателя, помогает овладеть изучаемой сферой, эволюцией ее разработки, четко поставить цель собственного исследования [3, с. 186]. Как правило, большая часть научных трудов по интересующей теме названных авторов используется в качестве научной основы для дальнейшего изучения проблемы [10, с. 415].

Изучение списка литературы в рассматриваемой диссертации показало, что В. В. Тарасенко пренебрег вышеуказанным методологическим требованием, насытив раздел «Степень научной разработанности темы» фамилиями ученых, на работы которых он не ссылается. Из 83 упомянутых уважаемых исследователей В. В. Тарасенко в диссертации использует труды лишь 57, по непонятным причинам игнорируя научные выводы

по исследуемой проблеме аж 26, отмеченных им самим ученых. Среди них, например, Л. А. Астемирова, М. Н. Бронникова, Е. А. Джазоян, Л. А. Душакова, Е. А. Нахова, С. В. Крашенников, Ю. А. Сериков, Д. М. Щекин, посвятившие свои диссертационные работы юридико-технической презумпции или фикции, имеющие непосредственное отношение к предмету исследования В. В. Тарасенко. Полученные ими знания, бесспорно, представляют немалый интерес для всех, кто занимается развитием проблем юридической техники, отдельных ее средств, в частности в уголовном праве.

Скудность теоретической базы, умышленное игнорирование значимых научных результатов предшественников ведут к недопустимым повторам, копированию положений других ученых, негативно сказываясь на значимости всего диссертационного исследования, ставя в конечном счете под сомнение его самостоятельность [11, с. 69].

Во-вторых, несмотря на то, что В. В. Тарасенко не использует в своей работе труды отмеченных им исследователей, он одновременно с этим в разделах «Степень научной разработанности темы исследования» и «Теоретическая основа исследования» не упоминает ученых, внесших весомый вклад в разработку проблем юридической презумпции и фикции. Среди них, например, В. И. Каминская [12], Т. В. Кашанина [13], М. Л. Давыдова [14] и другие исследователи, посвятившие диссертационные исследования и дальнейшие монографии данным правовым явлениям: О. В. Танимов [15; 16], И. В. Филимонова [17; 18], Р. К. Лотфуллин [19], Л. Р. Саркисян [20].

К методологическому изъяну относится забвение В. В. Тарасенко монографии А. В. Федотова, посвященной фикции «среднего» человека в российском уголовном праве [21]. В первой части указанного научного труда значительное внимание уделяется именно юридико-технической фикции в уголовном праве, проводится ее сравнение с презумпцией, определяются роль и значение в механизме правового регулирования.

Несправедливо проигнорирована и научная деятельность М. П. Прониной, затрагивающей проблемы юридической пре-

зупмции и фикции в уголовном праве [22; 23; 24]. В начале 2021 г. увидела свет ее монография, посвященная юридической технике в уголовном законодательстве [25]. Отдельные параграфы данного комплексного научного сочинения посвящены исследуемым В. В. Тарасенко средствам правотворческой техники и содержат немало интересных выводов и предложений, которые он никак не отразил в работе.

Таким образом, В. В. Тарасенко искажил представление о степени научной разработанности темы своего диссертационного исследования, грубо обеднил ее, проигнорировал результаты научной деятельности более десятка ученых, не использовал последние научные достижения, непосредственным образом связанные с рассматриваемой им проблемой.

В-третьих, одним из ключевых структурно-содержательных элементов диссертационного исследования являются положения, выносимые на защиту, представляющие собой наиболее значимые научные результаты, полученные при проведении работы. В них отражаются важные выводы, обладающие научной новизной, теоретической и практической значимостью, позволяющие присудить соискателю ученую степень [26, с. 19]. Именно они позволяют в полной мере оценить вклад в науку, характеризуют концептуальную составляющую научного труда, его комплексность, системность, логичность.

Положения, выносимые на защиту, должны формулироваться исходя из целей и задач исследования, свидетельствовать о творческом характере, отличаться оригинальностью, аргументированностью, отражать сущность научной позиции его автора [9, с. 139–140].

В исследовании В. В. Тарасенко наблюдается отступление от упомянутых выше общепризнанных методологических установок, в частности в положениях, выносимых на защиту, не нашло отражения решение сформулированных им задач № 1 и 2 («показать социально-правовые предпосылки использования презумпции и фикции в правотворчестве и уголовном законодательстве на современном этапе их развития»; «модернизировать теоретические и методологические подходы

к пониманию значения основных элементов содержания презумпции и фикции как средств правотворческой техники, оказавших влияние на формирование и развитие уголовного права России» [27, с. 7]).

В положениях, выносимых на защиту № 1 и 2, содержатся дефиниции уголовно-правовой презумпции и уголовно-правовой фикции, что коррелирует с поставленной задачей № 3. Одновременно с этим первый параграф первой главы «Уголовное правотворчество: сущность и особенности» не соответствует ни одной из поставленных задач и ни одному положению, вынесенному на защиту, в связи с чем возникает вопрос о целесообразности его существования в структуре диссертационного исследования.

Вызывает сомнения новизна содержащихся в нем научных результатов, поскольку описываются общеизвестные в юридической науке факты: создание уголовно-правовых актов, как правило, продолжительный процесс; правотворческая процедура включает совокупность средств, приемов и правил; до сих пор на законодательном уровне не принят документ, определяющий порядок создания и модернизации НПА, что препятствует выработке единых требований к содержанию правотворчества; большую дискуссию в науке вызывает статус постановлений Пленума ВС РФ, которые формально до сих пор носят рекомендательный характер, однако фактически общеобязательны в правоприменительной деятельности, и некоторые другие [27, с. 22–24].

Таким образом, в работе В. В. Тарасенко наблюдается нарушение структурно-логической увязки некоторых ключевых разделов исследования и его результатов: поставленные задачи, положения, выносимые на защиту, и отдельные параграфы основной части работы не согласованы между собой, не взаимосвязаны, существуют как бы сами по себе.

В-четвертых, к другому выявленному недостатку положений, выносимых на защиту, следует отнести их бессистемность, не позволяющую увидеть конкретную позицию автора по ключевым проблемам исследования. Это связано с тем, что большая

часть положений, выносимых на защиту, представляет собой описание отдельных уголовно-правовых презумпций и фикций без привязки их к какому-либо критерию, классификационному основанию, в связи с чем непонятно, исчерпывающий ли перечень норм уголовного закона и положений постановлений Пленума ВС РФ, сконструированных при помощи данных средств правотворческой техники, приводит В. В. Тарасенко. Например, рассуждая об Особенной части УК РФ, он пишет лишь об одной норме (примечание к ст. 131 УК РФ), сконструированной при помощи юридической фикции, с чем трудно согласиться.

Полагаем, что В. В. Тарасенко следовало бы прежде обосновать, почему именно такой перечень норм УК РФ он рассматривает в своем исследовании и как с юридико-технической точки зрения они соотносятся между собой. Отсутствие ответов на данные вопросы лишает работу стержневой идеи, концепта и делает ее похожей скорее на компиляцию статей, написанных автором в разное время.

К другой допущенной в рассматриваемом диссертационном исследовании ошибке, широко распространенной в правовой доктрине и правоприменительной практике, относится неправильное использование цифровых обозначений статей УК РФ. Зачастую в научных публикациях, процессуальных и иных юридически значимых документах статьи УК РФ, принятые после его вступления в законную силу, имеющие цифровой индекс (например, ст. 801, 1042, 1593, 2004, 2055 УК РФ) пишутся как 80.1, 104.2, 159.3, 200.4, 205.5 УК РФ. Эта порочная традиция глубоко укоренилась в юридическом мировоззрении отечественных правоведов и в настоящий момент практически никем не рассматривается в качестве проблемной и имеющей какое-либо практическое значение, однако, как показало изучение научной литературы, есть ученые, которые доказывают обратное, актуализируют этот вопрос, проводя экспертные исследования в рамках расследования реальных уголовных дел [28, с. 214–216].

Профессор А. П. Кузнецов в рамках исследуемых им материалов уголовного дела обосновал, что применение в про-

цессуальных и иных юридических документах статьи с цифрой 200.3 является неправомерным, противоречащим тексту официальных источников, в которых публикуются законодательные акты [28, с. 216]. Все это дало возможность признать возбуждение уголовного дела по ст. 200.3 УК РФ в отношении В.А.Ж. грубым нарушением уголовного и уголовно-процессуального законодательства, с чем согласился и суд.

Помимо этого, в методических рекомендациях по юридико-техническому оформлению законопроектов, подготовленных группой правовых управлений государственных органов, говорится о том, что вновь вводимые в законодательный акт структурные единицы (раздел, глава, статья) должны обозначаться дополнительно цифрами, помещаемыми над основными цифровыми или буквенными характеристиками. По этой причине следует признать юридически некорректным написание В. В. Тарасенко в диссертации и автореферате всех статей УК РФ с подобного рода цифровыми обозначениями через точку (например, ст. 76.1, 80.1, 82.1, 104.1, 151.1, 158.1, 171.4, 215.3, 228.1, 261.4 и др. [29]).

Правильное указание номера раздела, главы и статьи НПА имеет принципиальное, юридически важное значение, характеризует правовую грамотность пишущего лица, в то время как многочисленные примеры их ошибочного употребления в научных трудах и юридических документах заслуживают пристального внимания научного сообщества и могут стать предметом отдельного исследования.

Следует помнить, что ценность научного произведения определяется его соответствием совокупности теоретических, практических, методологических, логических, филологических требований, выработанных и признанных научным сообществом.

Описанные в статье изъяны не умаляют научной значимости проведенного В. В. Тарасенко исследования, сформулированных им выводов и предложений по совершенствованию правовой доктрины и уголовного закона. Выявленные недостатки носят потоковый характер, являются типичными

для значительного количества диссертационных исследований по уголовно-правовым наукам.

Оценка допускаемых ошибок в подобного рода научных публикациях не имеет цели дискредитировать автора их допустивших, а представляет собой элемент научной дискуссии, посредством которой возможно дальнейшее развитие юридической науки, отдельных ее отраслей. Кроме того, осознанный критический взгляд на форму и содержание диссертационных исследований является своеобразной мерой по недопущению выявленных недостатков в научных трудах последующих исследователей, в том числе автора настоящей статьи.

Примечания

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Москва; Санкт-Петербург, 1997.

2. *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. Т. 2. Логика правового исследования. Москва, 2004.

3. *Синченко Г. Ч.* Логика диссертации: учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 2019.

4. *Бабаев В. К.* Правовая система общества // Общая теория права / под ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993.

5. *Зуев Ю. Г.* Презумпции в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000.

6. *Панько К. К.* Фикции в уголовном праве: в сфере законотворчества и правоприменении: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1998.

7. О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 // СЗ РФ. 2013. № 40, ст. 5074.

8. *Черных Е. Е., Пишеничнов И. М., Афанасьев А. Ю.* Подготовка диссертационных исследований адъюнктами, иностранными адъюнктами и соискателями на базе Нижегородской академии МВД России: методические рекомендации. 2-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород, 2020.

9. *Кузнецов А. П.* Научные исследования в области уголовного права: методологические ошибки и юридико-технические изъяны // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 2.

10. *Баранов В. М., Васильев П. В.* Доктринальные методологические и методические рекомендации по составлению обоснования темы диссертационного юридического исследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48).

11. *Кузнецов А. П., Краснов А. Д.* Критический анализ диссертационных исследований, посвященных таможенным преступлениям // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2009. № 2 (11).

12. *Каминская В. И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / отв. ред. Н. Н. Полянский. Москва, 1948.

13. *Кашанина Т. В.* Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. Москва, 2013.

14. *Давыдова М. Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград, 2009.

15. *Танимов О. В.* Юридические фикции и проблемы их применения в информационном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004.

16. *Танимов О. В.* Теория юридических фикций: монография / отв. ред. Т. В. Кашанина. Москва, 2017.

17. *Филимонова И. В.* Фикции в досудебном производстве: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007.

18. *Филимонова И. В.* Основы современного учения о юридических фикциях в праве России: монография. Москва, 2013.

19. *Лотфуллин Р. К.* Юридические фикции в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008.

20. *Саркисян Л. Р.* Юридические фикции: логико-доктринальный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018.

21. *Федотов А. В.* Фикция «среднего» человека в российском уголовном праве: в 2 т.: монография / под науч. ред. д.ю.н., проф. А. Э. Жалинского. Москва, 2012.

22. *Пронина М. П.* Правовые фикции как средство юридической техники в системе уголовно-правового регулирования // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33).

23. *Пронина М. П.* Средства юридической техники в уголовном законодательстве // Общество и право. 2017. № 1 (59).

24. *Грузинская Е. И., Пронина М. П.* Презумпции и фикции как средства юридической техники в уголовном законодательстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3 (38).

25. *Пронина М. П.* Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование: монография. Москва, 2021.

26. *Резник С. Д.* Как защитить свою диссертацию: практическое пособие. 5-е изд., перераб. и доп. Москва, 2020.

27. *Тарасенко В. В.* Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021.

28. *Кузнецов А. П.* Экспертное независимое доктринальное заключение по материалам уголовного дела № 1-87/2019 (№ 11702220006000053), возбужденного по части 2 статьи 200.3 УК РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47).

29. *Тарасенко В. В.* Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021.

А. С. Алымова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
к.э.н., доцент *О. М. Елфимов*

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ПОЯВЛЕНИЮ И ОПРЕДЕЛЕНИЮ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Осуществление экономической деятельности, приносящей доход, регламентировано множеством нормативных актов, однако не все участники современного рынка строго следуют существующим правилам. Трудовые отношения, возникающие в этих условиях, приобретают неформальный статус. Такой вид занятости опасен и для экономики страны и для самого работника.

Ввиду отсутствия закрепления трудовых отношений в договоре или контракте человек теряет предусмотренную законом возможность защиты своих прав, лишается социальных гарантий (пенсионного обеспечения, оплаты больничного листа и т. д.). В то же время работодатель не платит налогов и не производит прочих отчислений за неофициально трудоустроенных сотрудников. Бюджет страны из-за этого недополучает огромные суммы.

Изучение феномена неформальной занятости началось в середине XX в. Международная организация труда провела несколько миссий для его исследования. По итогам первой из них, осуществленной в Кении, появилась концепция неформального сектора в экономике. В докладе «Занятость, доходы и неравенство: стратегия роста продуктивной занятости в Кении» говорится о том, что одной из причин появления та-

кого сектора стала трудовая миграция в центры, где требуется более квалифицированный труд, который оплачивается выше, при этом периферия оставалась малообеспеченной.

Ощутимое расслоение населения по доходам позволило выделить два сектора экономики: формальный и неформальный. В докладе, однако, содержится указание на то, что данные категории не предназначены для академического содействия, а носят вспомогательный характер для описания двойственности, присущей дихотомии традиционной и современной экономических систем [1, с. 504].

Стоит отметить тесную связь формального сектора с правительством. С одной стороны, предприятия зарегистрированы, их деятельность подотчетна и потому признана государством, с другой — предприятия формального сектора вправе воспользоваться всем спектром государственных привилегий, способствующих эффективному ведению бизнеса. Это и льготный обмен валюты, и получение разрешения для работы иностранных специалистов по неразвитым в стране специальностям, и доступ к кредитованию.

Для лиц, задействованных в неформальном секторе, государственная политика не предусматривает льгот и других элементов позитивной поддержки, в то время как ограничения их касаются в полном объеме. Объяснялось такое отношение властей следующими предубеждениями, связанными с лицами, занятыми в неформальном секторе: в большинстве своем они не являются постоянными жителями городов, и некоторых из них можно было бы переубедить вернуться в сельские районы; такие лица являются занятыми лишь эпизодически, а потому не вносят значимого вклада в доходы городов. Кроме того, предполагалось, что любая попытка улучшения условий для неформального сектора приведет к дополнительной миграции.

Анализ сделанных в докладе выводов позволяет выделить *несколько характерных признаков неформальной деятельности*:

- легкий доступ к данному сектору экономики;
- использование в производстве примитивных подручных ресурсов;

— небольшой объем выполняемых работ без перспективы расширения;

— работники не имеют квалификации, подтвержденной документом об окончании учебного заведения формальной системы образования;

— осуществляется в условиях конкурентных и нерегулируемых рынков [2, с. 19].

В 1973 г. британский антрополог К. Харт опубликовал результаты исследования в Западной Африке, где обнаружил то, что не укладывается в западную теорию экономического развития. Он столкнулся с ситуацией, что достаточно широкий пласт населения находится в промежуточном положении между занятыми и безработными. С одной стороны, эти люди не были наемными работниками, с другой — все же осуществляли деятельность, приносящую постоянный доход.

Для описания этой ситуации К. Харт использовал категорию «неформальная занятость», подразумевая под ней разнообразную деятельность жителей городских трущоб в развивающихся странах. Иными словами, автор разделил экономическую систему на две части: «богатый» формальный сектор и «бедный» неформальный. Первый складывался из наемных рабочих, а второй — из так называемых самозанятых. Примечательно, что К. Харт обратил внимание и на содержание деятельности неформально занятых. Он отметил, что она носит как законный характер, так и противоправный. Последний включает оказание запрещенных услуг, например, проституцию, азартные игры, наркоторговлю.

Таким образом, К. Харт и исследователи из Международной организации труда пришли к схожим результатам, однако исследования и дискуссии о неформальной занятости продолжались. Вопросы, подлежащие обсуждению, касались причин появления этого сектора, его связи с формальной занятостью, влияния на развитие экономики страны, а также способов его сокращения и регулирования.

Рассмотрим основные теоретические подходы к изучению неформального сектора [3, с. 217–219].

Дуалистический подход к неформальной занятости, сформировавшийся в рамках Кенийской миссии Международной организации труда, заключается в четком разделении секторов экономики на формальный и неформальный, каждый из которых обладает набором признаков, обратных для другого сектора. Например, в то время как неформальный сектор опирается исключительно на собственные ресурсы, формальный может пользоваться привлеченными. В неформальный сектор войти гораздо проще, тип предприятий, как правило, семейный, а при производстве используются трудоемкие технологии. Уровень образования у лиц, занятых в формальном секторе, выше, что подтверждается наличием у них документов о прохождении обучения в официальных учреждениях.

В рамках дуалистического подхода рассматриваемые секторы экономики не конкурируют друг с другом. Формальный сектор обладает определенными преимуществами, имеет доступ к дополнительным ресурсам, как материальным, так и человеческим. Результаты экономической деятельности предприятий формального сектора доступны более широкому кругу потребителей, располагающих разным уровнем дохода [4, с. 14–30].

С. Сузермен выделил еще одно различие между этими секторами. По его мнению, предприятия формального сектора стремятся совершенствоваться технологически и занять свою нишу на рынке, существовать на протяжении долгого времени. Неформальные предприятия преследуют цель быстрого извлечения прибыли. Стратегическое планирование, инвестирование в собственное развитие и создание рабочих мест не входит в круг их интересов [5, с. 189].

Д. Мазумдар обращает внимание на степень защищенности прав участников экономической деятельности в обоих секторах. Как уже было отмечено, государство поощряет занятость в формальном секторе, не только предоставляя льготы, но и обеспечивая защиту нарушенных трудовых прав, предоставляя социальные гарантии [6, с. 655–679].

Дуалистическая теория подвергается критике ввиду примитивности, логических противоречий используемых крите-

риев неформальности, однако многие исследователи опираются на нее.

Структурный подход к неформальной занятости заключается в отнесении к таковой мелкотоварного производства, то есть деление на формальный и неформальный секторы проводится исходя из видов деятельности, осуществляемых фирмой. Структуралисты не отрицают взаимодействие этих двух секторов, а настаивают на их прочной взаимосвязи. Считается, что крупные капиталистические предприятия эксплуатируют мелкотоварные производства для снижения расходов.

В рамках структурного подхода разграничивается формальная, неформальная и теневая экономика. Для этого используются три основных критерия: тип производства, конечный продукт и способ реализации, каждый из которых рассматривается с позиции легальности.

Формальная экономика отличается легальной характеристикой всех критериев, а нелегальная — наоборот. Неформальная же экономика дает легальный товар при полулегальном или нелегальном типе производства и способе реализации.

М. Кастелс и А. Портерс [7, с. 405–406] выделили основные функции неформальной экономики:

- обеспечение выживания отдельных предпринимателей и домохозяйств за счет производства для собственных нужд, а также продажу примитивных товаров и услуг;

- обеспечение управленческой гибкости для крупных предприятий, а также сокращение расходов на персонал за счет взаимодействия с неформальными фирмами или внештатного найма работников;

- рост малых предприятий.

Итак, в отличие от дуалистов структуралисты подчеркивают прочную взаимосвязь формального и неформального сектора, отмечают значимость последнего для экономического роста мелких предприятий, повышения гибкости и сокращения расходов в крупных фирмах.

Неоинституциональный (легалистский) подход заключается в раскрытии природы неформальной занятости через

осознание несовершенства государственного регулирования экономики. Сложные бюрократические процедуры, высокие входные барьеры, непосредственное вмешательство государственных органов в деятельность предприятий привели к ее формированию.

Основоположник данного подхода Э. Сото говорил о невозможности победы в борьбе с неформальным сектором экономики в существующих условиях правовой регламентации ведения бизнеса. Получается своего рода замкнутый круг.

Не выдерживая административного давления, предприниматели делают сознательный выбор в пользу неформального ведения бизнеса, пытаясь переложить ответственность на формальный сектор, государство усиливает контрольную и регулирующую функции. Таким образом, число формальных предприятий сокращается, увеличивая количество неформальных [8, с. 235]. Чтобы разорвать этот круг, необходима корректировка законодательства, повышение прозрачности экономики, снижение барьеров.

Сторонники легалистского подхода сходятся во мнении со структуралистами, говоря о неформально занятых лицах как о человеческом капитале, который необходим для экономического роста. Облегчение процедур входа в бизнес и снижение административного давления представляются тем самым стимулом, который необходим для подъема.

Основная идея *волюнтаристского подхода* заключается в сознательном и добровольном выборе предпринимателем неформального вида занятости. Иными словами, речь идет не о вынужденном отказе от предусмотренных правовыми актами процедур регистрации и ведения бизнеса из-за труднодоступности формального сектора, а о стремлении избежать дополнительных расходов. К таким выводам пришел У. Мэлони по результатам исследований в Латинской Америке [9, с. 1159–1178]. По его мнению, неформальный сектор делится на неформально самозанятых и неформально нанятых. Первые определяют структуру этого сектора, так как представляют собой большинство лиц, в нем задействованных. С точки зре-

ния волюнтаризма неформальный статус предпринимателями рассматривается как конкурентное преимущество, способствующее снижению уровня издержек на начальном этапе.

Сторонники этого подхода не отрицают взаимосвязь формального и неформального секторов.

Приведенные подходы к происхождению и определению неформальной занятости (сектора, экономики) имеют как сторонников, так и критиков. Аргументация каждой теории во многом строится исходя из экономической системы, существующей на конкретной территории, где проводились исследования. Вместе с тем проблема неформальной занятости распространена по всему миру и, несмотря на предложенные исследователями позитивные функции, имеет негативный характер.

В России к лицам, занятым в неформальном секторе, относят:

- индивидуальных предпринимателей и лиц, работающих у них по найму;

- помогающих членов семьи в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников;

- работающих на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя;

- занятых в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена [10, с. 11–12].

Этот вариант определения неформально занятых вобрал в себя позиции сразу нескольких из предложенных подходов, однако, на наш взгляд, наиболее удачным является исключение из перечня тех субъектов, экономическая деятельность которых отражена в соответствующих реестрах.

Основным критерием отнесения предпринимателя или работника к неформальному сектору должно быть отсутствие регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица либо трудоустройство без заключения трудового договора или контракта.

Общей идеей, прослеживаемой во всех рассмотренных подходах, становится стимулирование развития формального

сектора, совершенствование нормативной базы, регулирующей предпринимательские отношения, снижение налогового и административного давления на бизнес. На наш взгляд, это действительно эффективные инструменты для снижения уровня неформальной занятости в стране.

Примечания

1. Employment, Incomes and Equality: A Strategy for Increasing Productive Employment in Kenya // International Labour Office. Geneva, 1972.

2. Измерение занятости в неформальной экономике: рекомендации по применению в статистической практике методологических положений по измерению неформальной занятости и занятости в неформальном секторе. Москва, 2018.

3. *Харт К.* Рынок и государство после холодной войны // Переосмысление неформальной экономики. Конкурсные рынки. Анализ идеологии, дискурса и практики. Москва, 1992.

4. *Некипелова Д. В.* Неформальная занятость в Российской Федерации: тенденции распространения и направления государственного регулирования: дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2020.

5. *Sethuraman S. V.* The Urban Informal Sector in Developing Countries: Employment, Poverty and Environment // International Labour Office. Geneva. 1981.

6. *Мазумдар Д.* Городской неформальный сектор // Мировое развитие. 1976. № 4 (8).

7. *Portes A., Haller W.* The Informal Economy / eds. N. Smelser, R. Swedberg // Handbook of Economic Sociology. New York, 2005.

8. *Сото Э. де.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. Москва, 1995.

9. *Мэлони У. Ф.* Новый взгляд на неформальность // Мировое развитие. 2004. № 32 (7).

10. Труд и занятость в России. 2021: статистический сборник // Росстат. Москва, 2021.

Ю. С. Балалаева,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *В. А. Толстик*

**К ВОПРОСУ О ВНЕДРЕНИИ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СФЕРУ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ
(SWOT-АНАЛИЗ)**

Не каждая перемена ведет к улучшениям, но, чтобы что-то улучшить, нужно сначала это изменить.

Георг Лихтенберг

Одной из наблюдаемых тенденций в развитии Российского государства и общества является проникновение процессов цифровизации практически во все сферы их жизнедеятельности. Президент РФ в выступлениях неоднократно делал прогнозы относительно масштабов цифровой трансформации России: она затронет «каждого человека, каждую семью, каждую отрасль экономики и социальной сферы, каждую организацию и каждый уровень власти, всю систему государственного управления» [1]. По словам главы государства, такая трансформация должна быть осуществлена в нашей стране в ближайшие десять лет.

Правовой основой цифровизации является Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2], в соответствии с которым была сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Сущность цифровизационных процессов заключается, в частности, во внедрении сквозных цифровых технологий в различные виды деятельности. Искусственный интеллект — одна из наиболее таких перспективных технологий, а точнее, комплекс технологических решений, ключевое преимущество которого заключается в упрощении анализа и обработки больших объемов информации. С такими объемами информации сегодня сталкиваются специалисты практически любой отрасли, что обусловлено особенностями эпохи информационного общества.

Исключением не являются и специалисты-юристы, чья повседневная деятельность предполагает обращение ко множеству НПА. В ней также присутствуют рутинные процедуры. Возможности искусственного интеллекта позволяют освободить от этих процедур путем автоматизации различных процессов.

Ярким примером автоматизации является новый порядок возбуждения и прекращения исполнительного производства по неуплаченным в установленный законом срок обязательным платежам. Соответствующие изменения были внесены в Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [3]: с 20 июня 2022 г. Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации (далее — ФССП России) может принимать решение относительно возбуждения и отказа в возбуждении исполнительного производства, а также его окончания, приостановления и прекращения в автоматическом режиме, то есть без участия должных лиц [4].

Новый механизм предусматривает, что основанием для автоматического возбуждения исполнительного производства служат данные, полученные из Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах о лицах, не уплативших в установленный законом срок денежные взыскания за нарушение законодательства РФ. В поиске и автоматическом списании денежных средств задействуются системы искусственного интеллекта.

Таким образом, новые технологии могут успешно использовать государственные органы, в деятельности которых присутствует необходимость принятия так называемых безуслов-

ных решений. Считаем важным подчеркнуть, что системы, о которых идет речь, функционируют на основе алгоритмов. Это так называемый слабый (узкий) искусственный интеллект, способный решать одну или несколько взаимосвязанных задач. Именно активное функционирование и внедрение слабого искусственного интеллекта мы можем наблюдать сегодня.

Полагаем, что наметившаяся тенденция к автоматизации и применению алгоритмизированных программ слабого искусственного интеллекта с целью оптимизации деятельности государственных органов и учреждений в дальнейшем будет интенсифицироваться. Так, возможность принятия решений в автоматическом режиме как никогда актуальна для судей. Это обусловлено, прежде всего, количеством дел, которые они ежегодно разрешают. Вопрос, касающийся судебной нагрузки, — один из самых больных в государстве, ведь с каждым годом она только возрастает. Согласно статистическим данным, опубликованным на официальном интернет-портале Судебного департамента при ВС РФ, за 2021 год судами было рассмотрено 39,23 млн дел, что на 1,05 млн дел больше, чем в прошлом году. Таким образом, прирост составил 2,5 % [5].

Полагаем, что предлагаемые сегодня ВС РФ меры по снижению загруженности судебной системы носят временный и несистемный характер, в связи с чем будут неэффективны в долгосрочной перспективе. Необходима масштабная трансформация судебной системы, цифровая трансформация. Очевидно, что такая трансформация — процесс длительный, который будет выражаться не только в технологических изменениях. Как совершенно справедливо отмечает Н. Ю. Волосова, внедрение цифровых технологий в систему отправления правосудия следует рассматривать как системную и всеобъемлющую реформу, которая, помимо технологических, включает правовые, организационные, культурные и этические аспекты [6, с. 79–80].

Отдельные элементы цифрового правосудия уже функционируют в нашей стране, к примеру, государственная автоматизированная система «Правосудие» позволила «существен-

ным образом ускорить документооборот, ознакомление участников процесса с движением дела, упростило расчет государственной пошлины и т. п.» [7, с. 66].

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что можно идти дальше и освободить судей от рассмотрения дел, содержание которых составляют бесспорные требования, путем внедрения технологий искусственного интеллекта. Это дела, разрешаемые в порядке приказного производства. Анализ положений Гражданского-процессуального кодекса РФ [8], а также Арбитражного процессуального кодекса РФ [9], регламентирующих указанную процедуру, позволяет сделать вывод о приемлемости передачи полномочий по разрешению таких категорий дел алгоритмизированным системам. В делах о выдаче судебного приказа роль судьи сводится к проверке:

- а) формы и содержания заявленного требования;
- б) оплаты заявленного требования государственной пошлиной;
- в) наличия документов, обосновывающих позицию лица, подавшего заявление, подтверждающих правомерность последнего.

На их основании и выносится решение о выдаче судебного приказа, то есть без судебного разбирательства и без вызова сторон.

Полагаем, что автоматизация разрешения рассматриваемой категории дел не должна лишать граждан права на обжалование принятого решения. Соответствующая процедура должна быть предусмотрена законодателем, как была она предусмотрена в результате принятия нового порядка вынесения решений ФССП России (ч. 1.1 ст. 22 Кодекса об административном судопроизводстве Российской Федерации [10]).

Думаем, что автоматизация принятия решений о выдаче судебного приказа положит начало внедрению технологий искусственного интеллекта в сферу отправления правосудия, поскольку существуют и другие направления оптимизации судебной деятельности. Способность искусственного интеллекта анализировать большие объемы информации и формировать

на основе этого анализа соответствующие суждения и умозаключения позволяет, на наш взгляд, использовать его, к примеру, в обобщении судебной практики. Последнее представляет собой один из ключевых векторов судебной деятельности, сложную аналитическую работу, нацеленную на совершенствование правоприменительной деятельности, а также обеспечение единства судебной практики.

Характеризуя значение единства судебной практики, П. В. Коршунова отмечает, что «это способ достижения конституционных принципов правового государства, средство обеспечения определенности принимаемых судами решений» [11, с. 26]. В своей статье указанный автор обращает внимание на правовые средства достижения единства судебной практики, в том числе их совершенствование.

Полагаем, что с развитием и внедрением искусственного интеллекта мы можем вести речь и о технических средствах такого достижения, которые, на наш взгляд, будут не менее эффективны, чем правовые средства.

Использование технологий искусственного интеллекта представляется весьма привлекательным и в гражданском судопроизводстве. На это, в частности, обращают внимание С. В. Крыгин и С. Ю. Кропачев. По их мнению, искусственный интеллект может существенно облегчить процесс судебного разбирательства путем автоматического установления процессуальной категории спора, вопросов, входящих в предмет доказывания, а также анализа практики рассмотрения схожих дел и заготовки судебного решения [12, с. 92].

Есть перспектива внедрения рассматриваемых технологий и в сферу осуществления правосудия по уголовным делам. Одно из направлений — прогноз повторного совершения преступления. Полученные данные могут учитываться судьей при вынесении приговора и назначении наказания. Примером реализации указанного направления является американская программа *PredPol*.

Для осуществления качественного стратегического планирования внедрения искусственного интеллекта в сферу отправления правосудия может быть использован метод *SWOT*-

анализа. Его суть заключается в выявлении факторов внутренней и внешней среды, которые оказывают влияние на развитие того или иного объекта.

К факторам внутренней среды относятся сильные (*strengths*) и слабые (*weaknesses*) стороны, которые имеются у самого объекта. Сильные стороны помогают его развитию, слабые — вредят.

Внешние факторы находят выражение во внешней среде и включают возможности и угрозы. На эти факторы анализируемый объект не имеет прямого влияния, но они могут положительно (*opportunities* — возможности) или отрицательно (*threats* — угрозы) на нем отразиться.

Изначально метод *SWOT*-анализа использовали исключительно в бизнесе для оценки текущего состояния и перспектив развития хозяйствующего субъекта. Сегодня этот метод применяют в различных сферах, и его объектом выступает не только хозяйствующий субъект.

Объектом нашего *SWOT*-анализа является модель сферы правосудия с функционирующими в ней технологиями искусственного интеллекта по обозначенным нами выше направлениям.

Для осуществления *SWOT*-анализа целесообразно использовать следующую таблицу (см. рисунок).

	Помогают развитию	Мешают развитию
Внутренние факторы	Сильные стороны	Слабые стороны
Внешние факторы	Возможности	Угрозы

Шаблон таблицы для осуществления *SWOT*-анализа

SWOT-анализ внедрения искусственного интеллекта в сферу отправления правосудия выглядит следующим образом.

1. Сильные стороны:

- снижение судебной нагрузки;
- помощь судье в процессе судебного разбирательства и при вынесении решения (своеобразная система поддержки);
- обеспечение гарантий прав и свобод граждан, что способствует укреплению авторитета судебной власти в обществе, повышению уровня доверия граждан к системе правосудия;
- создание условий для дальнейшей цифровой трансформации судебной системы.

2. Слабые стороны:

— техническая составляющая: ни одна из систем искусственного интеллекта не застрахована от сбоев и ошибок в работе, что может привести к нарушению прав и свобод граждан и таким образом подорвать авторитет судебной власти;

— этическая составляющая: анализ опыта функционирования искусственного интеллекта демонстрирует его склонность к принятию решений, которые носят дискриминирующий характер (предвзятость), что также может формировать негативное отношение к судебной власти, несмотря на то, что вердикт искусственного интеллекта носит рекомендательный характер и окончательное решение остается за судьей-человеком. Отдельные авторы замечают, что «хотя судьи не ограничены в своих решениях мнением машины, прогноз искусственного интеллекта часто влияет на их решения» [13];

— придание процессу отправления правосудия некой шаблонности, «риск возобновления детерминистских доктрин в ущерб доктринам индивидуализации наказания» [14, с. 80].

3. Возможности:

— наличие поддержки со стороны государства в рамках национального проекта «Цифровая экономика» и реализации Стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г.;

— наличие положительного зарубежного опыта функционирования технологий искусственного интеллекта в судебной сфере (например, программа *Electronic judge*, цифровое право-

судие в Китае, возможность принятия судебных решений по определенным категориям дел в Германии и Финляндии и др.).

4. Угрозы:

- отсутствие комплексной системы правового регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере развития и внедрения технологий искусственного интеллекта;

- низкий уровень доверия граждан к новым технологиям, опасения замены человека машиной;

- недостаточность экспертных знаний в соответствующей предметной области, необходимых для создания оснащенной искусственным интеллектом программы, способной делать умозаключения на основе анализа первичных данных.

Полагаем, что проведенный нами *SWOT*-анализ модели сферы правосудия, оснащенной искусственным интеллектом, позволит оценить необходимость и возможность ее реализации. По нашему мнению, такая модель имеет весьма неплохие перспективы. Ожидаемая разгрузка судебной системы выступит ключевым катализатором процесса внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу отправления правосудия. Учет слабых сторон и угроз будет способствовать максимально мягкой адаптации судебной системы к изменениям и, возможно, позволит устранить отдельные негативные факторы.

Проводя общий сравнительный анализ двух групп факторов, мы можем заметить, что, во второй группе указано больше тех факторов, которые могут препятствовать внедрению искусственного интеллекта в деятельность органов судебной власти. По нашему мнению, это обусловлено тем, что искусственный интеллект до сих пор остается достаточно новым явлением, возможности указанных технологий продолжают исследоваться, поэтому угрозы пока перевешивают возможности. Полагаем, что со временем именно результаты данных исследований позволят их минимизировать, что, в свою очередь, повлечет образование новых возможностей.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что сфера отправления правосудия — одна из наиболее перспективных для внедрения технологий искусственного интеллекта. Это обу-

словлено процессами цифровизации судебной системы, которые уже запущены. Цифровизацию невозможно представить без функционирования искусственного интеллекта, поэтому рано или поздно судьи будут использовать данную технологию в своей деятельности. Мы надеемся на это.

Примечания

1. Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10172635> (дата обращения: 08.10.2022).

2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // РГ. 2008. 9 мая.

3. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // РГ. 2007. 6 октября.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 417-ФЗ // РГ. 2021. 27 декабря.

5. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2021 год. URL: <https://pravo.ru/story/239027/> (дата обращения: 08.10.2022).

6. *Волосова Н. Ю.* Цифровое правосудие: мировые тенденции и возможность использования // Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей): сборник материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, посвященный X Всероссийскому съезду судей: в 2 ч. Ч. I / под ред. В. И. Поправко, Ю. В. Журавлевой, Р. В. Ярцева. Новгород Новгород, 2022.

7. *Левицкая Е. А., Пасикова Т. А.* Перспективы внедрения искусственного интеллекта при осуществлении правосудия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство и управление. 2020. № 7 (122).

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // РГ. 2002. 20 ноября.

9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // РГ. 2002. 27 июля.

10. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // РГ. 2015. 11 марта.

11. *Коришупова П. В.* Единство судебной практики и правовые средства ее обеспечения // Общественные науки. Право. 2019. № 2 (50).

12. *Крыгин С. В., Кропачев С. Ю.* Цифровизация судебной системы: проблемы и перспективы // Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей): сборник материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, посвященный X Всероссийскому съезду судей: в 2 ч. Ч. I / под ред. В. И. Поправко, Ю. В. Журавлевой, Р. В. Ярцева. Нижний Новгород, 2022.

13. *Kehl D., Guo P., Kessler S.* Algorithms in the Criminal law system: assessing the use of risk assessments in sentencing, 2017. URL: <http://cyber.harvard.edu/node/99985> (дата обращения: 08.10.2022).

14. *Волосова Н. Ю.* Цифровое правосудие: мировые тенденции и возможность использования // Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей): сборник материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, посвященный X Всероссийскому съезду судей: в 2 ч. Ч. I / под ред. В. И. Поправко, Ю. В. Журавлевой, Р. В. Ярцева. Нижний Новгород, 2022.

Л. В. Баранова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
к.э.н. *А. А. Софьин*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Электроэнергетика является одной из самых востребованных, но одновременно проблемных отраслей российской экономики. Электроэнергия стала неотъемлемой частью жизни современного общества. По итогам 2021 г. электростанциями было выработано 1 114,55 млрд кВт/ч при потреблении 1 090,44 млрд кВт/ч. В сравнении с показателями предыдущего года наблюдается положительная динамика: рост на 4,8 %.

Потребителем электроэнергии выступает как отдельный человек, так и предприятие в целом. Являясь заказчиком услуг по обеспечению электроэнергией, предприятие нацелено на достижение выработки максимальной мощности при минимизации своих затрат, поэтому в данном контексте наиболее важна стоимость оказываемой услуги.

По сравнению с зарубежными странами в Российской Федерации тарифы на электроэнергию довольно демократичны: на 2022 г. крупной сбытовой компанией электроэнергии ПАО «ТНС Энерго» тариф установлен в диапазоне от 1,47 до 4,57 рублей за кВт/ч в пределах социальной нормы потребления [1]. К примеру, тарифы на электроэнергию в странах Европы варьируются в пределах от 21,07 до 28,51 рублей за кВт/ч.

В рамках изучаемого вопроса целесообразно обозначить основные аспекты устройства электроэнергетического рынка РФ. На первый взгляд данный вопрос кажется довольно простым для потребителей. Электричество расходуется в течение месяца, счетчик фиксирует общее количество потребления, показания передают в сбытовую компанию, в следующем месяце в соответствии с установленными тарифами приходят квитанции с выставленным к оплате счетом. Потребителю необходимо лишь совершить платеж, и сделка купли-продажи электроэнергии совершена. Если углубиться в специфику функционирования рынка электроэнергетики, то перед нами открывается сложный многоэтапный процесс снабжения конечного потребителя услугой. Знакомство с организацией оптового рынка электроэнергетики следует начать с правовых основ.

Субъекты экономических отношений исследуемой сферы, совокупность правовых норм, правила регулирования экономических отношений органами власти законодательно закреплены в Федеральном законе от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее — ФЗ «Об электроэнергетике») [2]. Нормами обозначенного закона утверждается создание единой энергетической системы России, интегрирующей все электроэнергетические системы страны в единое пространство.

Субъектами, представленными на оптовом рынке электрической энергии и мощности, непосредственно выступают потребители и поставщики электроэнергии, совет рынка, коммерческий оператор, а также иные организации, занимающиеся обеспечением жизнедеятельности технологических структур рынка.

Поставщиком услуги выступают генерирующие компании. Их роль в рамках единой энергетической системы сводится к выработке электричества с помощью генераторов на электростанциях с последующей транспортировкой потребителю. ПАО «Россети», ПАО «Интер РАО», ПАО «Т Плюс», ПАО «РусГидро» являются крупнейшими представителями генерирующих компаний.

Покупателем услуги выступают сбытовые компании, крупные потребители и гарантирующие поставщики.

Деятельность энергосбытовых компаний направлена на приобретение особого товара — электричества на оптовом рынке электроэнергетики у генерирующих компаний с последующей передачей его конечному потребителю, например семьям или предприятиям. На территории РФ представлены следующие крупнейшие энергосбытовые компании: ПАО «ТНС Энерго», ООО «Русэнергосбыт», АО «Татэнергосбыт» и др.

Необходимо обозначить понятие сетевой организации. Вырабатываемое генерирующей компанией электричество совершенно непригодно для использования ее обычными гражданами ввиду высокого уровня напряжения. Для снижения данного уровня и подачи электричества конечному потребителю для использования, например в бытовых делах, необходимо принятие технического решения. Одним из таких решений стала установка трансформаторных подстанций, которые, как правило, устанавливают между линиями электропередач. Обслуживанием данных сооружений занимаются сетевые компании.

К категории потребителей также относятся гарантирующие поставщики. Они выступают участниками рынка, обязанными предоставить услугу в рамках заключенного договора любому обратившемуся потребителю в пределах зоны обслуживания (например, сбытовая компания также может получить статус гарантирующего поставщика, пройдя процедуру конкурса).

Особой категорией субъектов рынка электроэнергетики выступает Ассоциация «Некоммерческое партнерство “Совет рынка по организации эффективной системы оптовой и розничной торговли электрической энергией и мощностью”» (далее — Совет рынка). Совет рынка был утвержден в результате преобразований электроэнергетической сферы. Данная структура обеспечивает определенное единение всех участников электроэнергетического рынка, поддерживая общие правила и принципы построения экономических отношений.

Правовой статус коммерческого оператора как субъекта экономических отношений также определен ФЗ «Об электро-

энергетике». Он выступает организатором процедуры заключения сделки купли-продажи, а также обеспечивает последующий контроль за их исполнением.

Состояние рынка электроэнергии напрямую зависит от деятельности субъектов экономических отношений, прежде всего генерирующих, сбытовых, сетевых компаний и конечных потребителей электричества. Общее количество вырабатываемого электричества должно потребляться в полной мере для обеспечения бесперебойного процесса снабжения электроэнергией. Данная необходимость обусловлена особенностями рынка.

Электричество как особый товар не имеет свойства накопления. Его невозможно выработать в избытке, складировать в помещении и продавать по мере увеличения спроса. В связи с этим субъектам экономических отношений необходим постоянный мониторинг состояния рынка с целью определения равновесия между спросом и предложением.

Для оценки современного состояния рынка электроэнергетики необходимо обратить внимание на общий объем выработки и потребления электроэнергии за пять лет (см. рис. 1) [3].

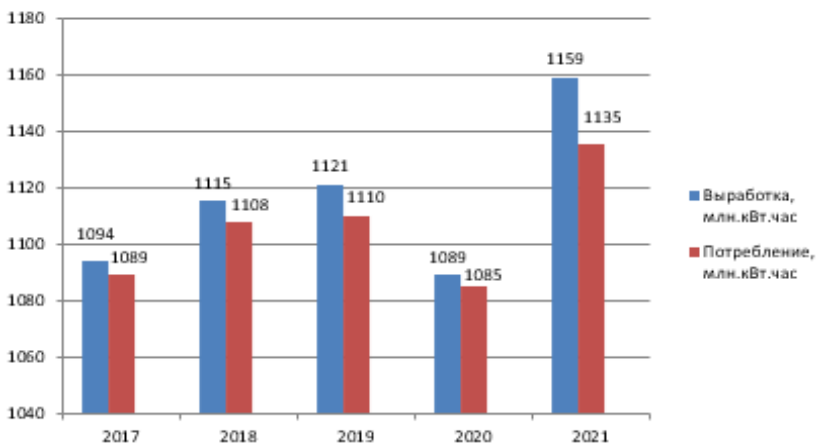

Рис. 1. Общий объем выработки и потребления электроэнергии в Российской Федерации

Оценка общей динамики показывает незначительный рост объема производства и потребления электричества генерирующими компаниями, однако 2020 г. трудно назвать показательным, так как пандемия коронавируса не обошла стороной ни одну сферу жизнедеятельности.

Период локдауна характеризуется временным приостановлением деятельности многих крупных потребителей электроэнергии, вследствие чего наблюдается общий спад выработки и дальнейшего снабжения потребителей особым товаром. Электроэнергетический рынок, будучи достаточно устойчивым к ограничениям в российской экономике, реабилитировался в 2021 г., принеся прирост в 6,43 %.

Несмотря на постоянное наращивание объемов выработки производства электричества, РФ занимает четвертое место в мировом рейтинге стран по количеству выработанной электроэнергии за год. По сравнению с лидером рейтинга, Китайской Народной Республикой, российскими поставщиками электричество вырабатывается в 7,37 раз меньше.

Анализируя экономическое состояние компаний в сфере электроэнергии, невозможно оставить без внимания вопрос влияния санкционных мер. Несмотря на абсолютную независимость российского производителя от импорта сырья для его преобразования в электричество, российский рынок коснулись ограничения, требующие соответствующего преодоления путем импортозамещения или государственного вмешательства. Например, генерирующие компании столкнулись с проблемой устаревания технологического оборудования для преобразования энергии в особый товар, возникшей вследствие применения санкционных мер, согласно которым вводится запрет на экспорт оборудования и технологий, необходимых для функционирования электростанций. Наиболее экспортируемым товаром были европейские газовые турбины большой мощности. Общая сумма импорта составляла порядка 5,9 млрд рублей за турбины средней и большой мощности и 4,5 млрд рублей — за турбины малой мощности и гидротурбины [4]. Газовые турбины применяются на парогазовых установках, используемых

современными тепловыми электростанциями. Наибольшее количество вырабатываемой энергии российскими производителями приходится на функционирование ТЭЦ — 60,7 % от общего объема. Перед генерирующими компаниями возник вопрос, касающийся продления сроков службы оборудования, а также повышения его износостойкости. По данным экспертов, российские компании будут обеспечены импортными газовыми турбинами ближайшие 2–2,5 года. В дальнейшем при сохранении условий экономических отношений с санкционными странами стоит обратить внимание на отечественного производителя, осуществляющего импортозамещение, или азиатского поставщика генераторов (Китайской Народной Республики).

Влияние санкционных мер скажется и на деятельности сетевых компаний, чье финансовое благосостояние напрямую зависит от действующих тарифов на электроэнергию. Ценовой диапазон регулируется государственными органами, поэтому доводы жителей о том, что тарифы односторонне повышаются снабжающими компаниями, не обоснованы. Зачастую сетевые компании не покрывают расходы, связанные с технологическим присоединением, ввиду установления невыгодной планки тарифов. В результате у компаний образуются выпадающие доходы, то есть доходы, которые были не получены не по ее вине.

Политика государственных органов направлена на сдерживание роста цен на электроснабжение, что отрицательно сказывается на финансовом состоянии сетевых компаний. Как именно санкционная политика влияет на их деятельность?

В условиях международных ограничений инфляция в РФ по итогам 2022 г. составит порядка 12 %. Вполне логично, что ее влиянию подвергнется и электроэнергетическая отрасль, однако согласно рассмотренным ранее принципам ценообразования на рынке электроэнергетики, тарифы на электричество подвергаются жесткому государственному регулированию и сдерживанию, что приведет к финансовым потерям сетевых компаний. В тематике данного вопроса специалистам компаний необходимо осуществлять бесперебойный мониторинг доходной и расходной частей имеющегося в распоряжении компании бюджета, в част-

ности, лучшей тактикой действий при решении данной проблемы будет четкое планирование затрат с приближением фактических их результатов к плановым показателям. Проработки требует и вопрос, касающийся технологического присоединения в удаленных регионах, обладающих льготными условиями. Сетевые компании также несут убытки. Решение проблемы можно найти в государственной поддержке сетевых компаний в виде возмещения убытков или предоставления льгот самой компании.

Российская Федерация — крупнейший мировой экспортер. За 2021 г. объем экспорта составил 31 трлн рублей, при этом объем экспорта электроэнергии составил 22,9 млрд кВт.ч на общую сумму 84,6 млрд рублей. В условиях санкционной борьбы страдает и экспортная политика. Российская сторона прекращает поставки электроэнергии в страны Прибалтики и Финляндию. Резервы под этот экспорт были созданы в количестве 1,8 ГВт мощности и должны быть оплачены. Например, поставки электроэнергии в Финляндию в январе 2022 г. по сравнению с январем 2021 г. выросли на 277 %; с апреля 2022 г. наблюдается обратная тенденция, а с июня поставки электроэнергии прекратились (рис. 2) [5].

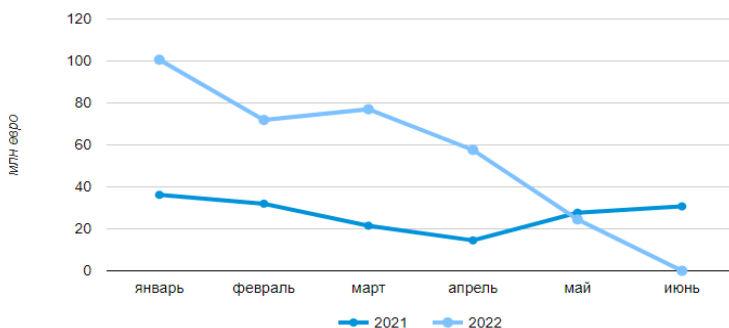

Рис. 2. Экспорт электроэнергии из Российской Федерации в Финляндию, январь — июнь 2022 г.

Европейский союз в рамках борьбы с негативными изменениями климата вводит углеродный налог. Его суть сводится

к введению ограничений содержания углерода в топливе. За превышение содержания CO₂ предусмотрен штраф. Как известно, электроэнергия вырабатывается путем преобразования не только потребляемых источников, таких как газ, нефть, уголь, но и возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ). К таким ресурсам, в частности, относится солнечная энергия, энергия ветра, гидроэнергия, биотопливо.

Единая энергетическая система предусматривает выработку электроэнергии посредством использования ВИЭ в следующем процентном соотношении к общему количеству электроэнергии:

- солнечными электростанциями — 0,2;
- ветряными электростанциями — 0,3;
- гидроэлектростанциями — 18,9.

Значительная часть приходится на выработку тепловыми и атомными электростанциями — 80,6 %. Безусловно, стремление к увеличению использования ВИЭ — положительная тенденция, однако на данный момент российский генератор преимущественно использует тепловые и атомные электростанции, что грозит денежными потерями в виде уплаты углеродного налога.

Проанализировав общую ситуацию на рынке электроэнергии, можно сделать вывод, что изучаемый сектор в основном ориентирован на внутреннее снабжение, однако невозможно полностью нивелировать влияние санкционных ограничений, так или иначе они найдут отражение в итогах года. Задача единой энергетической системы заключается в разработке методики нейтрализации негативных последствий путем тесного взаимодействия с государственным регулятором и передачи обязанностей иностранных инвесторов и поставщиков отечественному производству.

Примечания

1. Таблица тарифов «ТНС Энерго Нижний Новгород». URL: <https://nn.tns-e.ru/population/tariffs/tariff-table/> (дата обращения: 12.10.2022).

2. Об электроэнергетике: федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (ред. от 11 июня 2022 г.). Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.10.2022).

3. Электробаланс и потребление электроэнергии в Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения 12.10.2022).

4. Дзядко Т. Эксперты оценили зависимость от импортных газовых турбин. URL: <https://www.rbc.ru/business/01/08/2022/62e7793f9a7947a9cdbbab12> (дата обращения 13.10.2022).

5. «Санкционное давление уже начинает сказываться». Директор «Сообщества потребителей энергии» Василий Киселев о спросе на электроэнергию, иностранных турбинах и санкциях. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5469465> (дата обращения 13.10.2022).

А. Ю. Бардовская,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., доцент *И. В. Ильин*

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ОСНОВНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПОСЯГАЮЩИХ НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ
ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ**

Наличие в действующем российском законодательстве гарантий соблюдения права гражданина на неприкосновенность частной жизни является одним из необходимых условий формирования правового статуса человека в нашем государстве. Ю. А. Дунаева правильно отметила, что по тому, насколько качественно в конкретном государстве защищена частная жизнь человека, можно судить, как оно относится к каждому отдельно взятому гражданину, поскольку именно это право имеет широкое гуманитарное и социальное значение [1, с. 4].

В сфере правовой защиты частной жизни имеется ряд проблем. В первую очередь она разграничена с внешней средой, и посягательства зачастую возникают не во внешней среде, а в самой сфере частной жизни, поэтому их зачастую сложно предупредить. Кроме этого, к сожалению, в настоящее время наблюдаются утрата уважения граждан к правовым нормам и правовой нигилизм, выраженный в недоверии населения к государству и праву в целом ввиду высокого уровня коррупции в органах власти, что сказывается и на гарантиях безопасности частной жизни. Из этого следует,

что вопросы охраны неприкосновенности частной жизни граждан, в том числе уголовно-правовыми методами, в настоящее время требуют пристального внимания теоретиков и практиков.

Нормы уголовного права регулируют основания уголовной ответственности за наиболее общественно опасные посяательства на частную жизнь гражданина. В первую очередь к таковым относят ст. 137 УК РФ о нарушении неприкосновенности частной жизни человека [2]. Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, охраняющие частную жизнь как благо, гарантированное Конституцией РФ. Содержание данного понятия вызывает у правоведов большое количество дискуссий, но, обобщив их все, можно прийти к выводу, что к частной жизни следует относить ту часть жизни человека, которую он хочет скрыть от других (подобного мнения придерживается М. В. Баглай [3, с. 181]). В качестве примера Г. Б. Романовский приводит внутрисемейные отношения человека, его убеждения, способы проведения досуга и т. д. [4, с. 63].

Объективная сторона преступления представлена рядом альтернативных действий, среди которых:

1. Неправомерное собирание сведений о частной жизни лица. Сюда будут отнесены любые действия, в результате которого виновный получил соответствующую информацию, причем неважно, имел он к ней какой-либо доступ по службе или нет. Сбором сведений, например, может быть признано их похищение или копирование информации с флеш-накопителя.

Важно помнить, если такая информация была получена в общественном месте в результате совершения действий в интересах общества (например, при видеозаписи на стадионе), то это не будет считаться сбором сведений о частной жизни лица [5, с. 42].

2. Неправомерное распространение сведений о частной жизни лица, то есть доведение их до сведения определенного или неопределенного круга лиц. К распространению будут относиться как действия по сообщению информации одному

знакомому виновного, так и по размещению их в общем доступе.

3. Распространение сведений о частной жизни лица в публичном выступлении, произведении, которое демонстрируется публично, или в СМИ.

Уголовную ответственность не влекут действия по сбору вышеуказанной информации, совершенные в рамках законодательства об уголовном судопроизводстве или ОРД.

Обязательным признаком объективной стороны является отсутствие согласия лица, частной жизни которого касаются собранные или распространенные сведения: при наличии такого согласия состав преступления отсутствует.

Состав анализируемого деяния является формальным, поскольку преступление будет считаться оконченным уже в момент, когда субъект совершил указанные в диспозиции действия. В свою очередь субъект рассматриваемого преступления является общим, поскольку законодатель не предъявляет к нему никаких дополнительных требований.

Квалифицированный состав преступления предполагает его совершение лицом, использующим свое служебное положение. Постановление Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 не определяет, кого следует относить к таковым [6], однако анализ судебной практики показывает, что обычно данная норма применяется к лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческих и иных организациях, а также к должностным лицам.

Субъективная сторона нарушения неприкосновенности частной жизни представлена виной в форме прямого умысла. Сформулировать умысел можно следующим образом: лицо осознает, что неправомерно собирает либо распространяет сведения о частной жизни другого лица без согласия последнего, а также распространяет их в публичном выступлении, произведении или СМИ и желает совершить эти действия.

Несколько слов следует сказать об особо квалифицированном составе, который характеризуется особыми признака-

ми предмета преступления: им является информация о несовершеннолетнем (до 16 лет) потерпевшем по уголовному делу, а также информация о перенесенных таким лицом нравственных и физических страданиях. Помимо этого, по ч. 3 ст. 137 УК РФ будут оценены также действия виновного, в результате совершения которых здоровью несовершеннолетнего причинен вред, либо у этого лица наступило тяжелое психическое расстройство или другие тяжкие последствия.

Анализ материалов судебной практики позволяет сделать вывод о том, что ч. 2 и 3 ст. 137 УК РФ применяются достаточно редко, и действия виновных лиц обычно содержат признаки основного состава преступления. В качестве примера можно привести уголовное дело, рассмотренное в 2020 г. в г. Смоленске.

Обвиняемый А., как следовало из материалов дела, нашел на улице сотовый телефон и понял, что его потеряла П., являющаяся его знакомой. Ранее А. и П. состояли в отношениях, однако впоследствии расстались. А. решил посмотреть, какие сведения хранятся в телефоне П., и из мести за инициированное ею расставание сообщить эти сведения другим. Он с помощью известного ему пароля от телефона П. получил информацию о том, кому П. звонила в последнее время, а также сфотографировал на свой телефон ее переписку с Ф. и журнал звонков. Эти действия суд признал получением информации о частной жизни лица, что составляет личную тайну. После этого А. с использованием своего телефона переслал сделанные фотографии своей знакомой, что суд правильно признал распространением вышеуказанных сведений. Действия А., таким образом, были квалифицированы по ч. 1 ст. 137 УК РФ, однако уголовное дело прекращено в связи с примирением сторон [7].

Следующим составом преступления, который следует рассмотреть, является состав, признаки которого содержатся в ст. 138 УК РФ. Данная статья устанавливает уголовную ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, соот-

ветственно. Объектом преступления будут признаваться общественные отношения, которые охраняют право человека на вышеуказанные виды тайны. Это право предполагает возможность и способность человека сохранять в тайне как содержание своего общения с другими людьми посредством различных средств связи (телефона, телеграфа, почты и т. д.), так и сами факты коммуникаций.

Предметом преступления будут выступать переписка человека, телефонные переговоры, почтовые отправления, телеграфные и иные сообщения.

Указание в ст. 138 УК РФ на иные сообщения как предмет преступления, на наш взгляд, вполне обоснованно, поскольку ввиду научно-технического прогресса и стремительного развития информационных технологий вполне возможны ситуации, когда будут появляться новые виды связи, и законодатель успеет оперативно среагировать на нововведения, предусмотрев их в нормах УК РФ. Примером иных сообщений выступают также СМС или ММС-сообщения, электронные письма, видеозвонки, на что указывает Пленум ВС РФ в уже упоминаемом нами постановлении.

К предмету преступления, помимо содержания переписок и иных коммуникаций, следует относить сведения, касающиеся телефонных переговоров, почтовых переписок и пересылки иных сообщений.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, составляют действия, связанные с нарушением тайны гражданина на коммуникацию определенного вида, при этом диспозиция статьи является простой и не раскрывает содержания незаконных деяний. В то же время Пленум ВС РФ разъясняет, что преступными следует признавать поведение лица, связанное с осуществлением доступа к переписке, переговорам или сообщениям, на который потерпевший не давал согласия. Состав преступления отсутствует и в том случае, когда сведения получены на законных основаниях (например, в рамках санкционированного судом ОРМ или следственного действия).

Поскольку состав данного преступления также сконструирован по типу формального, то преступление считается оконченным с момента, когда лицо получило доступ к сведениям о коммуникациях другого лица. На квалификацию не влияет наличие или отсутствие в таких сведениях информации о частной жизни лица.

Законодатель не предъявляет специальных требований к субъекту преступления, поэтому он является общим, однако в квалифицированном составе субъект (по аналогии со ст. 137 УК РФ) специальный: лицо, использующее свое служебное положение.

Субъективная сторона нарушения тайны коммуникаций представлена виной в форме прямого умысла.

М., обвиняемый одним из районных судов г. Екатеринбурга по ч. 2 ст. 138 УК РФ, являлся продавцом-консультантом в розничном магазине Теле2 и был уполномочен на обслуживание абонентов. Неустановленное лицо попросило у него незаконно за денежное вознаграждение получить доступ к сведениям о телефонных соединениях А. без ее согласия, и передать ему, на что М. согласился. На своем рабочем месте он открыл специальную программу, после чего выгрузил информацию о соединениях А. и сохранил на жестком диске компьютера, а далее отправил неустановленному лицу. Таким образом, учитывая, что А. не давала согласия на разглашение сведений о ее переписке и телефонных звонках посторонним лицам, ее право на данный вид тайны было нарушено. При этом следователь, расследовавший уголовное дело, передал его в суд с ходатайством о прекращении дела и назначении М. судебного штрафа. Суд удовлетворил указанное ходатайство [8].

Следующим преступлением, посягающим на неприкосновенность частной жизни граждан, является незаконный оборот специальных технических средств, которые предназначены для негласного получения информации. Данная статья введена в УК РФ в 2011 г. и связана с ростом количества случаев нелегального производства и последующего сбыта устройств, с помощью которых можно совершить незаконное вторжение

в частную жизнь других лиц без наличия к тому законных оснований. Основания для использования таких технических средств присутствуют только у сотрудников силовых структур и исключительно в установленных законодательством случаях. Данное преступление, как верно отмечают В. А. Новиков и В. И. Шиян, высоколатентно: каждый год выявляется единичное количество подобных фактов [9, с. 62].

Объектом преступления являются общественные отношения, охраняющие законный порядок оборота технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Данные правоотношения регулируются НПА, преимущественно принятыми Федеральной службой безопасности, которая имеет в данной сфере наиболее широкие полномочия [10].

Предметом преступления в соответствии с примечанием к ст. 138¹ УК РФ являются устройства и приборы, с помощью которых можно проникнуть в помещение или в другие объекты, а также получить информацию с технических средств, где она хранится или обрабатывается, причем таким устройствам и приборам специально приданы свойства, позволяющие получать к информации доступ с сохранением тайны этих действий, предполагающей, что обладатель информации не обнаружит неправомерный доступ к ней. Кроме этого, как отмечено в постановлении Пленума ВС РФ, предметом преступления могут быть и технические устройства (например, смартфоны), которые доработаны виновным с целью придания им новых качеств, позволяющих получать какие-либо сведения негласным способом.

Объективную сторону преступления составляют альтернативные действия: производство, приобретение или сбыт вышеуказанных технических средств в нарушение действующего законодательства.

Субъект преступления — общий, субъективная сторона преступления представлена прямым умыслом. Важно помнить, если лицо принимало участие в незаконном обороте специальных технических средств, то только из этого нельзя делать вы-

вод о наличии в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 138¹ УК РФ: необходимо установить умысел, то есть выяснить, осознавало ли лицо общественно опасный характер своих действий, связанных с незаконным оборотом предмета преступления, и желало ли совершить эти действия. Возможна ситуация, когда лицо приобрело устройство для личных или семейных целей (например, весьма популярная сейчас установка в квартирах камер для видеонаблюдения за домашними животными в период отсутствия хозяев). В этом случае при отсутствии противоправных намерений по вторжению в частную жизнь других лиц состав преступления будет также отсутствовать ввиду отсутствия обязательного признака субъективной стороны.

Последним преступлением, которое будет нами рассмотрено, является незаконное проникновение в жилище, ответственность за которое установлена в ст. 139 УК РФ. Объектом преступления являются общественные отношения, охраняющие конституционное право человека на неприкосновенность жилища.

Существуют дискуссии по поводу того, чем в данном случае является само жилище: предметом преступления или местом его совершения, то есть признаком объективной стороны. Считаем, что более правильной будет вторая точка зрения, поскольку применительно к рассматриваемому составу следует также говорить о наличии потерпевшего, а именно человека, чье право нарушено незаконными действиями виновного.

Объективная сторона преступления, исходя из диспозиции статьи, — это незаконное проникновение в жилище в случае, если проживающее там лицо не давало на этого согласия. Такое проникновение может быть как физическим, когда виновный непосредственно зашел в жилище, так и совершенным с помощью технических средств, например установка камеры видеонаблюдения в квартире. Если потерпевший видел, что другое лицо зашло к нему в жилище, однако не был осведомлен о том, что оно поставило камеру, то состав преступления

также присутствует, поскольку согласия на установку технического средства получено не было.

В. И. Динека и С. И. Кириллов высказывают интересную точку зрения, согласно которой законодатель не просто так употребил слово «проникновение»: тем самым он акцентировал внимание правоприменителя на том, что виновный не просто вошел в жилище, а перед этим преодолел определенные препятствия, например, вскрыл замок, который хозяин предусмотрительно закрыл, не желая пускать посторонних [11, с. 108].

Местом совершения преступления, как мы уже сказали, является жилище, определение которого дано в примечании к статье. К жилищу может относиться, например, индивидуальный дом с входящими в его состав помещениями, причем они могут быть и нежилого назначения. Жилищем, разумеется, также признается квартира или комната в коммунальной квартире, а также другое строение, которое хоть и не относится к жилому фонду, но в нем можно временно жить (например, садовый домик).

На практике могут возникнуть затруднения с отнесением к жилищу строения, которое находится на земельном участке рядом с жилым домом, однако отделено от него, то есть не имеет общих стен (например, баня). Такое строение нельзя признавать жилищем. К жилищу также не относятся места, где люди в силу определенных обстоятельств временно находятся (например, купе в поезде).

В части 2 ст. 139 УК РФ содержится квалифицированный состав преступления, в объективную сторону которого входит незаконное проникновение в жилище, сопряженное с применением насилия или угрозой его применения. Такое насилие может применяться как в момент входа в жилище, так и после этого с целью нахождения в нем.

Субъект преступления — общий, если речь идет о простом и квалифицированном составе, однако особо квалифицированный состав предусматривает наличие у субъекта дополнительного признака, а именно служебного положения, о котором мы говорили ранее. Субъективная сторона преступле-

ния ввиду формальной конструкции состава представлена виной в форме прямого умысла.

Следует помнить, что в случае совершения кражи с незаконным проникновением в жилое помещение виновный фактически совершает преступление, предусмотренное ст. 139 УК РФ, однако оно полностью поглощается составом кражи как более тяжкого преступления, следовательно, квалифицируется лишь по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Иногда незаконное проникновение в жилище совершается в совокупности с иными преступлениями, например, как в уголовном деле, фигурантом которого являлся Ф.

Как установлено следствием и судом, Ф. в состоянии алкогольного опьянения незаконно проник в дом П., хотя она была против этого и устно потребовала от него покинуть ее жилище. Кроме этого, Ф. угрожал П. убийством. Он находился с ней в неприязненных отношениях, и, держа в руке отвертку, схватил П. и несколько раз высказал намерения убить ее, а П., в свою очередь, восприняла эти угрозы как реальные, поскольку у Ф. имелась возможность осуществить задуманное. Суд признал Ф. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 139 УК РФ, а также ч. 1 ст. 119 УК РФ [12].

Таким образом, преступления, посягающие на неприкосновенность частной жизни человека, составляют относительно небольшую группу, находящуюся в разделе, объединяющем преступления против прав и свобод личности.

Анализируемые преступления посягают на личную и семейную тайну, тайну коммуникации, жилища, а также порядок оборота технических средств, с помощью которых можно негласно получить информацию. Их составы являются формальными, то есть уголовная ответственность наступает вне зависимости от наступивших последствий. В то же время рассмотренные преступления характеризуются относительно мягкими мерами наказания, не превышающими двух лет лишения свободы, что, на наш взгляд, говорит о недостаточном осознании государством важности защиты конституционного права человека на частную жизнь.

Примечания

1. Дунаева Ю. А. Частная жизнь как объект антикриминальной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // РГ. 1996. 18 июня.

3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. Москва, 2009.

4. Романовский, Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. Москва, 2001.

5. Климанов А. М., Пешков Д. В. Некоторые вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9.

6. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 // БВС РФ. 2019. № 2.

7. Постановление от 15 июля 2020 г. № 1-222/2020 по делу № 1-222/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oluoVdCgR7VN> (дата обращения: 17.10.2022).

8. Постановление от 7 июля 2020 г. № 1-394/2020 по делу № 1-394/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RuMfZd2hMSxK> (дата обращения: 17.10.2022).

9. Новиков В. А., Шиян В. И. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138¹ УК РФ): состояние и актуальные вопросы квалификации // Вестник Академии права и управления. 2019. № 3 (56).

10. Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по лицензированию деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи специальных технических средств,

предназначенных для негласного получения информации: приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 29 декабря 2020 г. № 642. URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-fsb-rossii-ot-29122020-n-642> (дата обращения: 17.10.2022).

11. *Динека В. И., Кириллов С. И.* Неприкосновенность жилища: объективные и субъективные признаки // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7.

12. Приговор от 10 ноября 2021 г. № 1-384/2021 по делу № 1-384/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7c3BQYBoDsLC> (дата обращения: 17.10.2022).

Ю. Ю. Бражин,
преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., доцент *И. В. Ильин*

**ИДЕИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО
ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»)**

В аспекте изменения современного общества вопросы, касающиеся реализации приоритетных национальных проектов, с момента принятия решения о целесообразности их нормативного правового регулирования являются наиболее актуальными, поскольку вызывают интерес не только со стороны ученых и практиков, но и общества в целом. Согласно положениям ст. 7 Конституции РФ политика социального государства, направленная на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека, выступает в качестве главного вектора развития современной России. Во многом о смене курса модернизации страны свидетельствуют и многочисленные новации, нашедшие отражение в конституционной реформе и соответствующих поправках [1]. Принятые поправки, формирующие ядро социальных идей, ориентируют законодателя в дальнейшем при осуществлении им нормотворческой деятельности.

На особую важность комплексного развития страны, в том числе и в сфере здравоохранения, обращает внимание и Президент РФ, который в ежегодных посланиях Федеральному

Собранию, а также на заседаниях по стратегическому развитию отмечает, что наступательная реализация национальных проектов должна улучшить жизнь каждого гражданина [2]. В пункте 14 «новой» Стратегии национальной безопасности РФ указано, что в целях совершения прорыва в области социально-экономического состояния государства необходимо в первую очередь решить задачи, связанные с демографическим положением, а также здравоохранением [3].

С точки зрения уголовно-правовой оценки наибольший интерес для научного исследования представляет национальный проект «Здравоохранение», состоящий из восьми отдельных федеральных программ. Проектная деятельность в этом направлении в современной России ведется уже более десяти лет, однако опыт осуществления наглядно демонстрирует ее несовершенство и небезопасность и, как следствие, невозможность достижения поставленных целей.

Полагаем, основной причиной уязвимости исследуемой сферы является отсутствие необходимого инструментария уголовно-правовой охраны и системы предупреждения служебно-экономических преступлений, совершаемых в рамках национального проекта «Здравоохранение». Важно отметить и то, что юридико-техническое конструирование действующего уголовного законодательства препятствует осуществлению качественной квалификации общественно опасных деяний, направленных на хищение бюджетных средств, выделяемых на поддержку упомянутой выше деятельности. Справедлива позиция А. И. Бастрыкина, который отмечает, что «коррупционность чиновников, взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями, прямые хищения — основные преступления, препятствующие достижению общенациональных задач, поставленных в рамках проектной деятельности. В связи с этим активно осуществляется и реализуется комплекс мер уголовно-правового характера, направленных на обеспечение сохранности бюджетных средств» [4].

Таким образом, считаем возможным вести речь о разработке комплекса специальных норм уголовно-правовой охра-

ны общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», что обосновывается следующими аргументами.

Во-первых, квалификация преступлений, связанных с незаконным завладением бюджетных средств, по общим нормам о хищениях не охватывает всего многообразия преступных связей, тем самым существует вероятность избежать наказания отдельными субъектами криминальной сферы.

Во-вторых, материальный ущерб, который причиняется бюджетной системе, является более опасным, чем имеется в составах общих хищений: вред причиняется интересам всего государства, поэтому страдают общественные отношения в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» как одного из основных направлений деятельности государства. В результате совершения исследуемых преступлений подрываются жизнь и здоровье значительного количества граждан.

В-третьих, отсутствие специальной нормы об ответственности за хищение бюджетных средств в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» затрудняет противодействие всем деяниям, совершаемым в исследуемом секторе уголовно-правового регулирования. Опрошенные респонденты в 60,3 % случаев проголосовали за введение такой специальной нормы, 16,5 % не поддержали нашу инициативу и 23,2 % затруднились ответить.

В-четвертых, неприменение предлагаемого уголовно-правового запрета влечет коллизии в законотворческой и интерпретационной деятельности в области противодействия служебно-экономическим преступлениям в исследуемой сфере.

В-пятых, соглашаясь с позицией некоторых ученых, считаем, что курс переоценки объектов уголовно-правовой охраны является верным [5]. Мир и государство развиваются, встречаются с новыми угрозами, тем самым подталкивая и законодателя реагировать на смену ценностей:

— Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. от № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Рос-

сийской Федерации» была введена ст. 284⁴ УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» и ст. 201¹ УК РФ «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»;

— Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» введена ст. 285⁵ УК РФ и ст. 201² УК РФ «Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа».

Полагаем, что в аспекте основных направлений развития уголовной политики [6, с. 73–79] необходимо использовать положительный опыт законодателя и в рамках охраны общественных отношений в сфере реализации национальных проектов, в частности национальные проекты являются ядром социальных идей и основным способом решения не только внутренних, но и внешних проблем, которые стоят перед государством — от успеха их реализации зависят будущее России и состояние национальной безопасности.

В-шестых, в 2015 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, предусматривающий уголовную ответственность за незаконное изъятие государственного имущества: «Статья 285⁴ Хищение бюджетных средств». По мнению сенаторов, данные виды хищений должны расцениваться как преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Похожую позицию высказал и Президент РФ: «Как прямой удар по национальной безопасности надо рассматривать нецелевое использование или хищение бюджетных ассигнований...» [7]. Данный проект не получил полной поддержки среди органов исполнительной и судебной власти из-за отсутствия описания предмета преступлений и проведенных исследований по данной тематике.

Мы соглашаемся с позицией депутатов Государственной Думы по поводу определения объекта общественно опасных посягательств, которому причиняется вред в результате совершения хищений бюджетных средств, и полагаем, что в контексте нашего исследования существует реальная необходимость вернуться к вопросу внесения изменений в уголовный закон.

Таким образом, в рамках противодействия служебно-экономическим преступлениям в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» необходимо дополнить УК РФ специальными нормами следующего содержания:

«Статья 201⁴. Злоупотребление полномочиями в сфере реализации национальных проектов.

1. Использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, если это деяние повлекло причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества или государства в сфере реализации национальных проектов, — наказывается... (тяжкое преступление).

2. То же деяние:

а) совершенное организованной группой;

б) повлекшее тяжкие последствия, — наказывается... (тяжкое преступление).

Статья 285⁷. Хищение бюджетных средств при реализации национальных проектов.

1. Хищение бюджетных средств в сфере реализации национальных проектов наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, либо если это деяние повлекло причинение значительного ущерба, — наказывается... (преступление средней тяжести).

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в крупном размере, — наказывается... (тяжкое преступление).

4. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи:

- а) совершенное организованной группой;
- б) совершенное в особо крупном размере, —
наказывается... (тяжкое преступление).

Примечания. 1. Значительным ущербом в части второй настоящей статьи признается ущерб в сумме, составляющей не менее десяти тысяч рублей.

2. Крупным размером в настоящей статье признается сумма бюджетных средств, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным — один миллион рублей.

Статья 285⁸. Злоупотребление должностными полномочиями в сфере реализации национальных проектов.

1. Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства в сфере реализации национальных проектов, —

наказывается... (тяжкое преступление).

2. То же деяние:

- а) совершенное организованной группой;
- б) повлекшее тяжкие последствия, —
наказывается... (тяжкое преступление)».

Включение норм в гл. 23 и 30 УК РФ поддержали 57,4 % проанкетированных соискателем респондентов.

Полагаем, что в условиях напряженной геополитической обстановки существует потребность в модернизации наказания за преступления, связанные с хищениями бюджетных средств, злоупотреблениями полномочиями и должностными полномочиями в сфере реализации национальных проектов. Это будет способствовать повышению не только эффективности противодействия служебно-экономическим преступлениям в сфере здравоохранения, но также и степени защищенности бюджетной системы в целом.

Примечания

1. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с измен. одобренными в ходе всероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // РГ. 2020. 4 июля.

2. Владимир Путин в ежегодном Послании особое внимание уделил реализации нацпроектов. URL: <https://ysia.ru/vladimir-putin-v-ezhegodnom-poslanii-osoboe-vnimanie-udelil-realizatsii-natsproektov/> (дата обращения: 21.01.2022).

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

4. Председатель Следственного комитета России провел оперативное совещание в режиме видео-конференц-связи. URL: <http://sledcom.ru/news/item/16273071/?print=1> (дата обращения: 21.02.2022).

5. *Теунаев А. С.-У.* Теоретико-прикладное исследование преступлений, совершаемых в сфере субсидирования агро-промышленного комплекса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018.

6. *Александрова И. А.* Ориентиры новой уголовной политики противодействия преступности в сфере экономики (в условиях антироссийских санкций) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29).

7. В. Путин: нецелевое использование или хищение бюджетных ассигнований на ГОЗ — прямой удар по национальной безопасности страны. URL: https://vpk.name/news/122554_vputin_necelevoe_ispolzovanie_ili_hishenie_byudzhethnyih_assignovanii_na_goz_pryamoi_udar_po_nacionalnoi_bezopasnosti_strany_i.html (дата обращения: 21.02.2022).

Д. О. Гунченко,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
к.ю.н., доцент *С. В. Петров*

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ

Необходимость института государственной защиты участников уголовного судопроизводства, а также должностных лиц, выполняющих правоохранительные функции и функции правосудия, продиктована нормами действующего уголовно-процессуального законодательства. Согласно ст. 6 УПК РФ, в которой закреплено назначение уголовного судопроизводства, одним из направлений является защита правового статуса лиц и организаций, которые стали объектами совершенных в отношении них преступлений [1]. Действенной формой противодействия привлечения виновных лиц к установленной законом ответственности во все времена являлось психическое и физическое давление на очевидцев, свидетелей, должностных лиц, ведущих уголовное преследование, судей и других. В связи с этим необходимость в принятии мер обеспечения безопасности в отношении указанных выше лиц существовала всегда.

Исторически появление и становление института государственной защиты формально продиктовано развитием права в нашем государстве. По мнению А. В. Лукинского, развитие рассматриваемого нами института носит закономерный характер на основании норм, возникших в X–XI вв., обособляющих

участников уголовного судопроизводства и лиц, выполняющих доверительные полномочия от имени государства [2, с. 22].

Перед обозрением исторических этапов становления института государственной защиты необходимо рассмотреть подходы к его пониманию.

В узком смысле государственная защита представляет систему мер правового и социального характера, направленных на обеспечение защиты жизни, здоровья и собственности лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, а также их близких родственников. Данное участие должно быть продиктовано необходимостью осуществления правосудия в соответствии с действующим законодательством.

В широком смысле понимания данный институт предстает как комплекс мер, предпринимаемых государством в целях защиты лиц, которые выполняют административные и иные функции на благо самого государства. В первую очередь это будет проявляться в наличии и последующем принятии НПА, предусматривающих ответственность за совершение незаконных действий в отношении указанной категории лиц.

Древнейшим известным источником, содержащим некоторые элементы системы мер государственной защиты, стала *Русская правда* — один из первых кодифицированных сборников, являющихся памятником отечественного права. В данном документе содержатся нормы, предусматривающие ответственность за совершение убийства приближенных к правящей княжеской семье лиц, например управителей хозяйством. За убийство княжеского мужа или тиуна платилась высшая вира, которая составляла 80 гривен [3, с. 81]. В этом случае данные лица не являются участниками уголовного судопроизводства, а лишь наделены различными государственными функциями, возложенными на них в связи с занимаемой должностью в княжеской администрации. Для нас наиболее важен тот факт, что ответственность за совершение противоправного деяния (убийства) устанавливалась исключительно для лиц не знатного происхождения, а именно тех, кто выполнял различные государственные функции. На основании вы-

шеизложенного мы понимаем, что на данном этапе исторического развития отечественного права начинает формироваться комплекс мер государственной безопасности в отношении лиц, наделенных различными административными функциями, сквозь призму уголовно-правового подхода.

Развитие уголовно-правового подхода неразрывно связано со становлением судебной системы на территории Древнерусского государства. Наиболее четко это прослеживается в *Новгородской судной грамоте*, согласно которой предусматривалась ответственность за осуществление «наводок» в отношении лиц, осуществляющих правосудие [4, с. 312]. В настоящее время наиболее точно определить, что вкладывалось в данное понятие, мы не можем, однако возможно констатировать тот факт, что начинает формироваться институт правового статуса лиц, вовлеченных в осуществление правосудия. В рассматриваемой нами судной грамоте определяется круг лиц, которые способны и правомочны вести судебные разбирательства. Среди них были тысяцкий, архиепископ горда, тиун и посадник. Впервые устанавливались статус свидетелей и запрет на проведение расправы до суда над лицами, совершившими наиболее тяжкие преступления.

Сходные положения об обособленном статусе участников имеются и в *Псковской судной грамоте* [5, с. 356]. В статье 26 запрещалось «мучить и бить» ответчика при его задержании истцом, а на ответчика возлагалась ответственность за причинение смерти последнему. В данном нормативном акте описан порядок обеспечения безопасности в помещении, где должны были проводиться судебные слушания, тем самым создавались условия, при которых существенно сокращались риски получения каких-либо увечий либо причинения смерти кому-либо из присутствовавших.

Следующим источником, который представляет интерес для нашего исследования, является *Судебник 1497 года* [6, с. 56]. Помимо определения круга лиц, способных осуществлять правосудие, устанавливается ответственность за представление ложных свидетельств на судебном разбирательстве

и за неявку на него. Так, в ст. 9 говорится о том, что человек, совершивший оговор невиновного, подлежит преданию смертной казни. Анализируя описанное выше, мы можем констатировать факт расширения правового статуса данной категории лиц путем наделения их определенными обязанностями и установления юридической ответственности.

Впервые упоминание о принятии индивидуальных мер защиты в отношении участников уголовного судопроизводства содержится в *Соборном уложении 1649 года*. Это проявлялось не в проведении организационных мероприятий, направленных на обеспечение безопасности лиц, а в наличии специальных уголовно-правовых норм, объектом защиты которых являлась непосредственно жизнь данных людей.

Развитие института государственной защиты в аспекте социально-правовых гарантий начинается лишь в XIX в. Создаются нормы, согласно которым лицам, пострадавшим при исполнении служебных обязанностей или по поводу исполнения таковых, полагалось пенсионное содержание. Таким образом, государство создает системы мер социальной поддержки должностным лицам, которым делегированы определенные полномочия со стороны державы.

Подводя итог рассмотрения этого исторического периода, мы видим развитие института государственной защиты в уголовно-правовом аспекте и создание мер социальных гарантий чиновников (служивых лиц). Какие-либо меры индивидуальной государственной защиты участников уголовного судопроизводства отсутствуют: присутствуют лишь нормы, регулирующие порядок проведения судебных разбирательств, цель которых — обеспечение безопасности лиц, участвующих в самом процессе.

Анализируя исторический этап, связанный со становлением Советской власти, мы можем отметить, что в уголовно-процессуальном праве отсутствуют нормы, обеспечивающие защиту участников судопроизводства.

Первые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение каких-либо преступных действий

по отношению к имуществу или совершение убийства должностных лиц, появляются в *Уголовном кодексе 1926 года* в ст. 73¹ «Угроза убийством, истреблением имущества или совершением насилия по отношению к должностным лицам или общественным работникам, примененная в целях прекращения их служебной или общественной деятельности или изменения ее характера в интересах угрожающего» [7].

Ключевым моментом в становлении института государственной защиты можно считать законодательное закрепление выдачи огнестрельного оружия членам партии большевиков в соответствии с *декретом 1918 года «О сдаче огнестрельного оружия»* [8]. Данная мера безопасности выступает прообразом одной из действующих мер — выдачи специальных средств индивидуальной защиты.

В содержании *Уголовного кодекса РСФСР 1960 года* присутствовали нормы, объектом охраны которых являлись общественные отношения по охране как самого правосудия в целом, так и отдельных его участников. Это может свидетельствовать о том, что эволюция института государственной защиты находилась в активной фазе и начинала максимально приближаться к своему действующему виду в уголовно-правовом аспекте.

Существование только уголовно-правовых и социальных мер не может в полной мере обеспечить безопасность лицам, вовлеченным в судебные процессы, так как всегда существуют лица, которые будут любыми способами противодействовать осуществлению правосудия, от психического воздействия и вплоть до физического устранения. Анализируя зарубежный опыт, мы видим, как с 1970-х гг. в США начинает действовать программа по защите свидетелей. Несмотря на спорные вопросы ее функционирования, мы можем свидетельствовать об эффективности способов и средств, а также подхода к обеспечению безопасности лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство и других.

В 1980-х гг. в советском обществе появляется необходимость в регламентировании мер, которые в полной мере могли обеспечить безопасность участникам уголовных процессов.

В 1990 году законодателем впервые были предусмотрены нормы по принятию мер государственной защиты путем введения *Закона СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»* [9], согласно которому на определенные правоохранительные органы возлагались функции по принятию определенных мер в целях охраны жизни и здоровья, а также собственности людей, подвергнутых опасности в связи с их участием в расследовании уголовных дел и в последующем выступлении на стадии судебного разбирательства. Законодатель четко определил круг органов, обязанных предпринимать меры, гарантирующие безопасность. Помимо органов дознания и следствия, данные функции ложились на органы прокуратуры и суды. Основаниями для применения могли стать не только совершение правонарушителями каких-либо преступных действий в отношении охраняемых лиц, но и просто реальная угроза их совершения.

Закономерным продолжением развития института стало возложение функций по защите на органы милиции, что было закреплено в *Заоне РСФСР «О милиции»* [10].

В 1995 г. был принят *Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»* [11], в котором в полном объеме представлен список видов мер безопасности и другие аспекты. В этом же году принят *Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»* [12], в котором одно из положений вызывает интерес нашего исследования. Среди оснований, дающих право на проведение ОРМ, выделяется наличие постановления о применении мер государственной защиты, тем самым развитие рассматриваемого нами института общественных отношений в большей мере приобретает межотраслевой и комплексный характер регламентации.

В полной мере становление института государственной защиты произошло с принятием Закона в 2005 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [13]. Данный НПА в полном

объеме дает гарантии безопасности лицам, вовлеченным в осуществление правосудия. По мнению А. Г. Ахмедова и С. Э. Тарасова, принятие данного закона ликвидировало пробел, существовавший много лет в настоящей сфере [14, с. 9].

Подводя итог проделанной нами работе, необходимо отметить, что реализация целей уголовно-процессуального законодательства в полной мере невозможна без гарантий безопасности лиц, участвующих в нем. На современном этапе развития права институт государственной защиты является эффективным средством, способным обеспечить данные функции.

Исторический обзор законодательных актов показал, что наличие только уголовно-правовых норм и социальных гарантий недостаточно для решения данной проблемы. В связи с этим законодатель предусмотрел комплекс мер, направленных на охрану граждан и близких им лиц, способствующих осуществлению правосудия.

Примечания

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2022).

2. Лукинский А. В. Становление и развитие института государственной защиты: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013.

3. Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX вв.: тексты и комментарии: законодательство Древней Руси: в 9 т. Т. 1 / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва, 1984. С. 81.

4. Новгородская судная грамота // Российское законодательство X–XX вв.: тексты и комментарии: законодательство Древней Руси: в 9 т. Т. 1 / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва, 1984.

5. Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX вв.: тексты и комментарии: законодательство Древней Руси: в 9 т. Т. 1 / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва, 1984.

6. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX вв.: тексты и комментарии: законодательство Древней Руси: в 9 т. Т. 2 / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва, 1985.

7. О дополнении Уголовного кодекса РСФСР статьей 73.1: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 25 марта 1929 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2022).

8. Собрание указов. 1918. № 93, ст. 933.

9. О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-І. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2022).

10. О милиции: закон РСФСР от 18 апреля 1991 г. № 1026 -І. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2022).

11. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2022).

12. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2022).

13. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2022).

14. *Ахмедов А. Г., Тарасов С. Э.* Становление института защиты участников уголовного судопроизводства в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (64).

О. С. Долгова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *В. В. Сверчков*

СТАТИСТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 80¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В уголовном законодательстве РФ утрата общественной опасности лица или деяния прозрачно закреплена законодателем в ст. 80¹ УК РФ, однако эта очевидная фиксация положения уголовного закона, связанного с изменением обстановки, свидетельствующей об утрате лица или деяния общественной опасности, не говорит об его верном правоприменении.

В соответствии со ст. 80¹ УК РФ лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести впервые, освобождается от наказания судом, если вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестало обладать признаком общественной опасности [1]. Положения ст. 80¹ УК РФ законодателем никак не конкретизируются и не разъясняются, а представленные формулировки «изменение обстановки», «утрата общественной опасности лица» и «утрата общественной опасности деяния» ставят современных правоприменителей перед единственным выбором: использование положений уголовного закона по примеру ранее вступивших в законную силу судебных решений (часть из которых нельзя назвать правомерными) или их не использование вовсе, даже при наличии законных к тому оснований.

Доказательством наличия проблемы в правоприменительной практике по вопросам использования ст. 80¹ УК РФ служат официальные данные судебной статистики, представленные на сайте Судебного департамента при ВС РФ [2]. На сегодняшний момент статистические данные по количеству освобожденных от наказания в соответствии со ст. 80¹ УК РФ представлены только на этом интернет-портале (рис.).

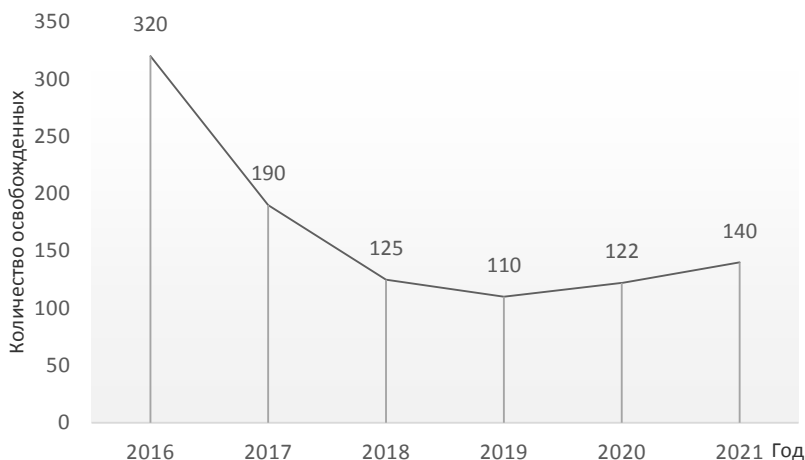

Рис. Динамика количества освобожденных от наказания на основании ст. 80¹ УК РФ за 2016–2021 гг.

Статистические данные, отражающие динамику по количеству освобожденных от наказания в связи с изменением обстановки, представлены начиная с 2016 г. В период с момента перехода изменения обстановки из разряда оснований освобождения от уголовной ответственности (2003 г.) в разряд оснований освобождения от наказания (до 2016 г.) учет этой категории лиц был не предусмотрен, а осуществлялся в совокупности по иным основаниям освобождения от наказания. Склоняемся к выводу, что это связано с резким сокращением практики применения данного основания освобождения от наказа-

ния, однако промежуток с 1999 по 2003 г., где речь шла о количестве прекращенных судами уголовных дел вследствие изменения обстановки также подлежал учету: в 1999 г. их количество составило 6,04 %; 2000 г. — 3,83 %; 2001 г. — 6,81 %; 2002 г. — 6,84 %; 2003 г. — 4,49 % [3, с. 293].

Очевидна разница в показателях. Это снижение может быть обусловлено растерянностью правоприменителя в связи с законодательным решением 2003 г. о перемещении данной нормы в другой институт. Нельзя однозначно утверждать о правомерности каждого вынесенного итогового судебного решения, очевидно, что риск судебной ошибки будет нести больше последствий именно на современном этапе. Это объясняется отсутствием каких-либо разъяснений в научной и нормативной доктрине и вынужденностью пользоваться «примерами» и позициями других правоприменителей, которые нельзя назвать истиной в последней инстанции. Именно поэтому негативно складывающаяся практика применения судами ст. 80¹ УК РФ будет прямым свидетельством формирования всеобщего ложного представления о самостоятельном уголовно-правовом феномене изменения обстановки в контексте института освобождения от наказания.

Несмотря на соблюдение всеобщего главенствующего принципа права и размещение информации на официальных сайтах, эти данные нельзя назвать достаточными. Необходимо отметить, что на портале Судебного департамента при ВС РФ удалось обнаружить данные, свидетельствующие о явном нарушении положений ст. 80¹ УК РФ.

В случае возможности применения ст. 80¹ УК РФ суд должен удостовериться в соответствии категории преступления только небольшой или средней тяжести. Необходимо подчеркнуть, что внесенные Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ изменения в УК РФ позволили суду существенно улучшать положение лица — менять категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну [4]. Иными словами, лицо также может быть освобождено от наказания в связи с изменением обстановки при совершении

им тяжкого преступления, в случае принятия судом решения об изменении категории преступления с тяжкого на среднюю тяжесть. Таким образом, освобождение от наказания на основании ст. 80¹ УК РФ невозможно при совершении лицом особо тяжкого преступления, даже при условии снижения его на одну категорию, однако официальная статистика свидетельствует об обратном. В 2020 г. данные отражают случай освобождения от наказания при совершении особо тяжкого преступления (см. табл. 1), но такие показатели датируются не одним годом, а встречаются начиная с 2016 по 2020 г.

Таблица 1

Количество освобожденных лиц по результатам рассмотрения дел (по итоговому наказанию) за 2020 год

Виды преступлений по составам преступлений по ст. УК РФ по судебному акту, по которой назначено более тяжкое наказание	Статьи УК РФ	№ стр.	Действие совершено при обстоятельствах, исключающих его преступность (п. гр. 3)							Применение отсрочки исполнения наказания, при задержании Осужденного (по 2 ч. ст. 80 УК РФ) Осужденного (по 2 ч.		
---	--------------	--------	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Вопрос неверного применения данного обязательного условия освобождения от наказания лица в связи с изменением обстановки оказывается решенным в 2021 г., где этот показатель равен нулю (см. табл. 2). Отметим, что за I полугодие

2022 г. данные отчета по этому показателю также не содержат сведений, противоречащих положениям ст. 80¹ УК РФ.

Таблица 2

Количество освобожденных лиц по результатам рассмотрения дел (по итоговому наказанию) за 2021 г.

Виды преступлений по составам преступлений по ст. УК РФ по судебному акту, по которой назначено более тяжкое наказание	Суды УК РФ	№ стр.	Данные совершения при обстоятельствах, исключающих его преступность (статья 37 - 42 УК РФ) (по числу лиц, имеющих квалификацию)																	Применена отсрочка исполнения приговора (по ст. 15)	Исключены от наказания по амнистии	Исключены от наказания постановлением (договор) комиссии в связи с изменением обстановки
			Данные совершения при обстоятельствах, исключающих его преступность (по гр. 3)																			
			необходима оборона (ст. 37 УК РФ)	применения права при задержании лица совершившего преступление (ст. 38 УК РФ)	крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ)	физическое и психическое принуждение (ст. 40 УК РФ)	обязательный риск (ст. 41 УК РФ)	использование приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ)	Применение приказа	необходимость обороны, крайней необходимости, мер самообороны (ст. 37 УК РФ)	Осужденные лица, в отношении которых применены отсрочка исполнения приговора (ВСЕГО)	до достижения ребенком возраста 14 лет (п. 2 ч. 1 ст. 158 УК РФ)	уплата штрафа (ч. 2 ст. 158 УК РФ)	Исключены от наказания по амнистии	Исключены от наказания постановлением (договор) комиссии	Исключены от наказания постановлением (договор) комиссии в связи с изменением обстановки						
А	Б	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20			
ИТОГО по всем составам УК РФ	105-361	103	11	11	0	0	0	0	0	1 380	2 411	1 376	699	264	82	140						
Небольшой тяжести		104	2	2	0	0	0	0	0	819	791	163	418	67	12	23						
на них по составам частного обвинения (п. 4, 6 СК) (составы частного обвинения)	115 ч. 1, 116.1, 128.1 ч. 1	108	3	3	0	0	0	0	0	9	4	1	2	0	0	0						
по делам частного обвинения: заключили примирение и производству статей (п. 1, 2 СК - 1)	115 ч. 1, 116.1, 128.1 ч. 1	106	3	3	0	0	0	0	0	2	4	1	2	0	0	0						
Средней тяжести		107	2	2	0	0	0	0	0	297	338	146	134	139	40	60						
Тяжкие		108	4	4	0	0	0	0	0	299	904	703	142	84	20	37						
Особо тяжкие		109	2	2	0	0	0	0	0	55	378	370	5	4	0	0						
Нестрожные преступления		110	0	0	0	0	0	0	0	24	67	52	9	5	5	6						
Нестрожные преступления, из них за нарушение правил охраны труда и безопасности производства работ	143, 215-219 (исключение 215.1, 215.2, 215.3, 215.4)	111	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	0	1	1						
Жизни		112	1	1	0	0	0	0	0	274	1 524	1 265	202	42	14	21						
Несовместимых на момент совершения преступления		113	0	0	0	0	0	0	0	23	38	7	27	204	0	2						
Лица с психическим и интеллектуальным судорожностью		114	1	1	0	0	0	0	0	425	630	477	66	1	7	2						

По представленным статистическим данным также возникает вопрос относительно еще одного обязательного условия применения ст. 80¹ УК РФ — совершение преступления впервые. Уголовное законодательство предусматривает исчерпывающий перечень случаев, подпадающих под определение формулировки «совершение преступления впервые» [5]. Каким же образом тогда лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость, могли быть освобождены от наказания на основании ст. 80¹ УК РФ (за 2016 г. — 26 человек; 2017 г. — 18; 2018 г. — 9; 2019 г. — 7; 2020 г. — 5; 2021 г. — 12 и только за I полугодие 2022 г. — 4)?

Все рассмотренные данные официальной статистики, в контексте анализа изменения обстановки, свидетельствующей об утрате общественной опасности лица или деяния, сле-

дует объяснять исключительно неверным толкованием положений уголовного закона, так как длительная систематика неверного отражения показателей (с 2016 по 2021 г.) не может указывать на опечатки при учете и составлении итоговых данных ежегодных отчетов судебной деятельности.

Изученные итоговые процессуальные документы, где судом принято решение о применении ст. 80¹ УК РФ, также говорят о подмене используемого в статье понятийного аппарата [6, с. 129–133]. Так, некоторые суды под изменением обстановки в ст. 80¹ понимают положительную характеристику лица, добровольное устранение причинного вреда, признание вины, рождение или наличие ребенка, содействие следствию, наличие какого-либо заболевания, примирение с потерпевшим и другое, что не имеет отношения к изменению обстановки, предусмотренной в ст. 80¹ УК РФ. Часть судебных решений в мотивировочной части ограничиваются лишь определением категории совершенного преступления. Отсюда следует вывод, что даже небольшое количество случаев применения ст. 80¹ УК РФ не гарантирует законность вынесенных решений и лишь сказывается на формировании всеобщего неверного представления об уголовно-правовой доктрине в целом. Дополнительный негативный фактор, препятствующий правильному применению положений законодательства, — отсутствие единого подхода среди представителей научного сообщества к используемому в статье законодателем понятийному аппарату.

Таким образом, имеющаяся на сегодняшний момент судебная статистика еще сильнее подчеркивает несовершенство имеющегося законодательства, регулирующего сущность самостоятельного уголовно-правового феномена изменения обстановки и в целом основания освобождения от наказания, предусмотренного ст. 80¹ УК РФ, и нуждается в законодательной доработке. Стоит также рассмотреть вопрос совершенствования интерпретационных актов по конкретизации уже имеющихся положений уголовного закона в целях исключения процессуальных ошибок следственных и судебных органов.

Примечания

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

2. Судебная статистика // Судебный департамент при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 27.06.2022).

3. *Сверчков В. В.* Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. Санкт-Петербург, 2008.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в ред. от 3 июля 2016 г. от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 50, ст. 7362; 2016. № 27, ч. 2, ст. 4262.

5. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 8.

6. *Долгова О. С.* Современные реалии освобождения от наказания в связи с изменением обстановки // Интеграция науки и общества в современных социально-экономических условиях. 2021.

Е. И. Дубов,
преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
НА МВД России

Научный руководитель —
к.ю.н., доцент *М. В. Степанов*

**«СВЕЖИЕ» МЫСЛИ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ
НЕЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЗВРАТУ
ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ**

Хочешь избежать критики — ничего
не делай, ничего не говори и будь никем.
Э. Хаббард

В 2016 г. в России был принят Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”» [1]. Этот НПА принято считать ключевым в процессе урегулирования профессиональной деятельности по возврату просроченной задолженности (далее — ДВПЗ), которую еще зачастую называют коллекторской. Примечательно, что одной из детерминирующих причин его принятия считается создавшееся в то время социальное напряжение в обществе, связанное с резонансными случаями криминальной активности некоторых субъектов взыскания долговых обязательств, именуемых в СМИ черными коллекторами [2]. Это побудило автора настоящей статьи в 2017 г. опубликовать

работу, где он рассуждает об оценке целесообразности ужесточения уголовной ответственности за неправомерное осуществление ДВПЗ и приходит к выводу об отсутствии необходимости дополнения уголовного законодательства новой нормой [3, с. 61–69].

Спустя два года нами было начато исследование, представленное в виде диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям, связанным с деятельностью по возврату просроченной задолженности». В настоящее время подготовка к написанию данного труда окончена, в связи с чем возникла необходимость подвергнуть критическому осмыслению ранее сделанные выводы, сформулированные до написания комплексной научной работы по данной проблеме.

В ходе проведенного исследования автор не раз приводил аргументы в поддержку пересмотра оценки складывающихся долговых отношений в нашем государстве, а именно в аспекте криминализации незаконных действий со стороны взыскателя просроченной задолженности в адрес должников, поэтому предлагаем рассмотреть *сокращенное обоснование целесообразности введения специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за заявленные в теме работы нарушения в действующее отечественное законодательство.*

1. ДВПЗ должна быть строго регламентирована и упорядочена со стороны органов государственной власти. Об этом не раз заявляли высокопоставленные лица, в том числе и Президент РФ. В 2019 г. в Послании Федеральному Собранию РФ В. В. Путин отдельно отметил, что необходимо выработать меры, направленные на предотвращение незаконных деяний со стороны всех субъектов, занимающихся возвратом просроченных долгов [4]. Логично, что данная проблема поднималась и на ежегодной коллегии МВД России в 2019 г., что отражено в соответствующем решении. В конце августа 2020 г. Президент РФ в рамках рабочей встречи с главой ФССП России

Д. В. Аристовым вновь акцентировал внимание на необходимости оперативного вмешательства со стороны государственных контролирующих органов и стабилизации ситуации на долговом рынке. Глава государства отметил, что то, с чем люди иногда сталкиваются в работе коллекторских организаций, просто переходит всякие границы [5].

2. Автором доказана необходимость криминализации исследуемых противоправных деяний посредством выделения блока предпосылок различного характера, обуславливающих необходимость в усилении ответственности. Все они были разделены на социальные, экономические, правовые, иные проблемы, а содержание каждой раскрыто в тексте диссертационного исследования. Кроме того, проводя ретроспективное исследование долговых отношений и установления уголовной ответственности за преступления, связанные с ДВПЗ, автором были выделены аргументы в поддержку своевременного вмешательства государства в регламентацию взаимоотношений между займодателем и должником.

3. Приняты меры, направленные на урегулирование рынка взыскания. К таким шагам можно отнести: принятие специального законодательства (Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 230), а также установление административной ответственности за некоторые нарушения его положений (ст. 14.57 КоАП РФ) [6]. Несмотря на это, нарушений в отношении должников не стало меньше. Об этом свидетельствует статистика количества жалобных обращений в различные инстанции на противоправные действия со стороны взыскателей долгов. Как показывает статистика применения ст. 14.57 КоАП РФ, за 2017–2020 гг. количество рассмотренных дел по этой статье выросло более чем в пять раз, точно такой же рост произошел по количеству лиц, подвергнутых административному наказанию и назначенным административным штрафам [7]. Таким образом, тех мер превентивного характера со стороны государства оказалось недостаточно. Это свидетельствует о том, что на рынке взыскания просроченных платежей продолжает действовать большое количество недобро-

совестных кредиторов и коллекторских агентств, желающих оставаться вне рамок правового поля (не состоять в реестре) и использовать запрещенные способы взаимодействия с должниками, совершая правонарушения различной степени тяжести. Такие выводы были сформулированы посредством изучения количественных показателей жалобных обращений граждан, пострадавших от незаконной активности субъектов взыскания просроченных долгов [8].

4. Положительный зарубежный опыт. В Республике Казахстан наблюдается активная работа, направленная на регламентацию данного направления кредитного-финансового сектора, выраженная в законодательном закреплении профессиональной терминологии (понятие «коллекторская деятельность»), принятии изменений в уголовное законодательство, устанавливающее ответственность за использование незаконных методов возврата просроченных долговых обязательств. Легальное закрепление упомянутой выше категории позволило казахским законотворческим органам в области строительства и совершенствования национального уголовного кодекса ввести специальную норму, предусматривающую уголовную ответственность за преступления в области профессионального взыскания долговых обязательств [9, с. 48–51].

Исследование зарубежного опыта представителей англосаксонской и романо-германской правовых семей позволило сформулировать идею об использовании различных подходов уголовно-правового противодействия сталкингу [10, с. 300–316]. Автор считает, что они могут быть полезны при формулировании предложений по совершенствованию отечественного уголовного законодательства в области противодействия незаконному возврату просроченной задолженности.

5. Общественная опасность криминальных деяний в сфере ДВПЗ доказана автором путем исследования 103 уголовных дел в отношении субъектов взыскания долговых обязательств. Оценивая признак общественной опасности, мы выделили две ее основные характеристики: качественную (характер) и количественную (степень).

Исследуя характер общественной опасности преступлений, касающихся ДВПЗ, был выявлен признак многообъектности рассматриваемых посягательств: направленность против экономической деятельности, жизни и здоровья, конституционных прав и гарантий граждан, отношений собственности, порядка управления.

Рассматривая количественную характеристику, мы обратили внимание на объем причиненного вреда, характер вины, форму соучастия, способы совершения посягательств.

При исследовании судебных решений мы выяснили, что степень общественной опасности преступлений, связанных с ДВПЗ, очень высока, в частности мы установили следующее:

- все преступления в нашем обзоре судебной практики (100 %) были совершены умышленно;

- почти две трети (66,99 %) — в соучастии;

- в 84,46 % случаев составы преступлений были квалифицированными;

- в 66,01 % изученных судебных решений фигуранты использовали насильственные способы совершения посягательства;

- в 87,37 % случаев потерпевшим был причинен материальный вред (35,92 % — физический, 51,45 % — имущественный).

Все вышеперечисленное подтверждает наш тезис о том, что повышенная общественная опасность безусловно характерна для преступлений рассматриваемой категории.

Переходя к заключительной части проведенного исследования, отметим, что вопрос введения уголовной ответственности за преступления рассматриваемого вида уже не раз поднимался на законодательном уровне. В 2016 г. после вступления в силу Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ депутатами Государственной Думы РФ был предложен законопроект № 1167917-6, предполагающий введение новой статьи в уголовный закон, а именно: ст. 203¹ УК РФ «Превышение полномочий при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности» (его подробное изучение представ-

лено в тексте диссертационного исследования). При этом, прежде всего, нам бы хотелось высказать два предположения относительно того, почему тогда данная инициатива не нашла поддержки у законодательных органов государства.

Во-первых, как мы отмечали в начале нашей работы, в официальном отзыве на вышеуказанный законопроект и сопутствующую к нему пояснительную записку, согласно правилам рассмотрения законодательных инициатив, было дано два отзыва — ВС РФ и Правительства РФ. В содержании последнего от 25 ноября 2016 г. № 8849п-П4 при отклонении обозначенной инициативы было указано, что в пояснительной записке законопроекта № 1167917-6 «...не приводятся статистических и иных данных, свидетельствующих о недостаточности существующих мер ответственности...» [11]. В этой связи подготовленное автором диссертационное исследование может стать той основной, в которой приводятся как статистические, так и иные научно обоснованные данные, подтверждающие необходимость введения специальных мер уголовно-правового характера.

Во-вторых, по нашему мнению, неверно выбран видовой объект преступления. При введении нормы 203¹ видовым объектом такого уголовно-правового деяния будут интересы службы коммерческих и иных организаций. По-нашему мнению, видовым объектом преступлений в указанной сфере является экономическая деятельность, и предложенная норма должна располагаться в гл. 22 УК РФ.

Подтверждением необходимости принятия законодательных решений относительно установления специального уголовно-правового запрета за нарушения в исследуемых отношениях является факт создания в 2020 г. рабочей группы в Государственной Думе, в которую вошли сотрудники практически всех субъектов долговых взаимоотношений: ФССП России, ЦБ России, МВД России, представители коллекторского рынка, банковского сектора и т. д.

Председателем Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции В. И. Пискаревым

анонсировалось сообщение о том, что разработан законопроект № 1133972-7 о внесении новой ст. 172⁴ в УК РФ [12]. В этой связи наша позиция относительно видового объекта предлагаемой нормы поддерживается действующей законодательной инициативой. Как нам кажется, предлагая введение нормы в блок статей 172 со значком «4», законодатель неверно выделяет основной непосредственный объект. При детальном разборе всех видов объектов преступлений, связанных с ДВПЗ, мы определили, что под непосредственным объектом таких криминальных деяний необходимо понимать общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения возврата задолженности между заемщиком либо лицом, представляющим его интересы, и должником (физическим лицом).

Рассмотрев все статьи в гл. 22, автор приходит к выводу, что наиболее подходящей и схожей по содержанию является ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности», основным непосредственным объектом состава преступления которого являются общественные отношения, связанные с обеспечением возврата заемных средств. В этой связи считаем логичным и правильным установить баланс уголовно-правовой охраны интересов между заемщиком и должником. Именно поэтому в отличие от имеющейся законодательной инициативы автор предлагает иное размещение уголовно-правового запрета в структуре отечественного уголовного закона.

В ходе рассмотрения законопроекта № 1133972-7 в первом чтении, в официальных отзывах ВС РФ и Правительства РФ появились замечания относительно диспозиции проектируемой ст. 172⁴ УК РФ, в частности в заключении Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству о проекте Федерального закона № 1133972-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления уголовной ответственности за незаконную деятельность коллекторов)

от 13 декабря 2021 г. указано: «...Требуется существенная доработка законопроекта в части уточнения диспозиции проектируемой статьи 172⁴ УК РФ, поскольку не ясно, кто будет являться субъектом преступления: лица, осуществляющие деятельность по возврату задолженности в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ либо любое физическое лицо... Учитывая изложенное, Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству рекомендует доработать указанный законопроект...» [13]. Рассмотрев также и другие имеющиеся замечания по данному законопроекту, автор предусмотрел их недопущение в предлагаемой редакции уголовно-правовой нормы.

В заключение обозначим, что большинство субъектов, участвующих в этих отношениях в рамках проведенного анкетирования, отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, необходимо ли в России ужесточить меры уголовной ответственности в отношении лиц, совершающих преступление при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности?», выбрали ответ «Да, необходимо установить специальную уголовно-правовую норму, устанавливающую уголовной ответственность за преступление в данной сфере»: МВД России — 74,6 %; ФССП России — 70,8 %; представители кредитных компаний — 81,23 %; сотрудники коллекторских агентств — 76,9 %; граждане — 67,5 %. Обосновав авторскую позицию по поводу введения уголовной ответственности при совершении преступления, связанного с ДВПЗ и учитывая, что наше предложение было поддержано респондентами, предлагаем следующую редакцию ст. 177¹ «Незаконная деятельность по возврату просроченной задолженности», подлежащую включению в гл. 22 УК РФ:

«1. Совершение кредитором или лицом, действующим от его имени и (или) в его интересах, действий, направленных на возврат просроченной задолженности и нарушающих запреты, установленные в рамках законодательства Российской Федерации о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просрочен-

ной задолженности, повлекшие за собой причинение должнику и (или) его близким существенного вреда, —

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. Те же деяния, совершенные лицом, не являющимся представителем кредитной организации или организации, включенной в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, повлекшие за собой причинение должнику и (или) его близким существенного вреда, —

наказываются... (преступление средней тяжести).

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору, а равно повлекшие причинение тяжких последствий либо крупного ущерба должнику или иным лицам, —

наказываются... (тяжкое преступление).

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, а равно повлекшие причинение тяжких последствий либо особо крупного ущерба должнику или иным лицам, —

наказываются... (тяжкое преступление).

Примечания. 1. Под существенным вредом в настоящей статье следует понимать причинение значительного ущерба, который понес потерпевший (должник) и его близкие при восстановлении имущества, поврежденного взыскателем долгов, а также нарушение конституционных прав должника и (или) его близких, в том числе сопряженного с причинением физической боли потерпевшему (должнику) и его близким, нанесением ему телесных повреждений, причинением морального вреда, наступившего вследствие нравственных, психических страданий и унижения чести и достоинства потерпевшего (должника) и его близких.

2. Под тяжкими последствиями в настоящей статье понимаются причинение должнику или иным лицам тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности.

3. Значительный ущерб определяется с учетом имущественного положения потерпевшего (должника) и его близких, но не может составлять менее пяти тысяч рублей, крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным ущербом — один миллион рублей.

4. Под близкими лицами должника следует понимать наряду с близкими родственниками иных лиц, состоящих с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги должнику в силу сложившихся личных отношений».

Что касается определения санкций за совершение преступных деяний в предложенной норме, мы считаем, что на данный момент достаточно будет определиться с их категоризацией согласно действующему законодательству.

Примечания

1. О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ // РГ. 2016. 6 июля.

2. Коллектор поджег двухлетнего ребенка, чтобы выбить долг у его деда // РГ. 2014. 28 января; На Урале против коллекторов возбуждено дело за избиение школьника // РГ. 2017. 10 апреля.

3. Дубов Е. И., Бардаков А. А. Оценка целесообразности ужесточения уголовной ответственности за неправомерное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям и преступлениям в сфере экономики: материалы Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 31 октября 2017 г. Нижний Новгород, 2018.

4. Перечень поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 20 февраля 2019 г. № Пр-294. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/59898> (дата обращения: 10.10.2022).

5. Путин поручил главе ФССП взять под контроль работу коллекторов. URL: <https://iz.ru/1052458/2020-08-25/putin-poruchil-glave-fssp-vziat-pod-kontrol-rabotukollektorov> (дата обращения: 10.12.2020).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // РГ. 2001. 31 декабря.

7. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям // Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.апи-пресс.пф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 12.10.2022).

8. *Сидоров М.* Количество жалоб на нелегальных сборщиков долгов за год выросло на треть. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/02/01/856265-kolichestvo-zhalob> (дата обращения: 15.10.2022); Статистические данные по работе с обращениями за январь–июнь 2021 года: официальный сайт Центрального Банка России. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/35525/2021_2.pdf (дата обращения: 10.10.2022); *Самусева С.* Взыскатели собрали жалобы. URL: <https://napca.ru/publishing/11508/> (дата обращения: 15.10.2022).

9. *Рахимова А. М.* Некоторые аспекты осуществления коллекторской деятельности в Казахстане // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. 2018. № 1 (37). С. 48–51.

10. *Stalking and Intimate Partner Femicide / J. M. McFarlane [and others]* // *Homicide Studies*. 1999. Vol. 3.

11. На проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности: официальный отзыв

Правительства РФ от 25 ноября 2016 г. № 8849п-П4. URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 12.10.2022).

12. Василий Пискарев: «Разработан законопроект об ужесточении наказания за незаконную коллекторскую деятельность». URL: http://www.komitet2-16.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/23450529/ (дата обращения: 20.10.2022).

13. Система обеспечения законодательной деятельности: законопроект № 1133972-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1133972-7> (дата обращения: 15.12.2021).

М. Е. Дубова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.социол.н., профессор *Д. А. Шпилев*

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДИСКРЕДИТАЦИИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ, ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ
И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Современные внешнеполитические условия в России обострили множество проблем во всех сферах жизни общества и государства. Эскалация конфликта России с Западом на международной арене провоцирует волнения граждан, массовую миграцию, обострение отношений граждан с государством. Традиционно недовольство политическим курсом руководства страны некоторые оппозиционно настроенные россияне выражают через отношение к силовому блоку, в первую очередь к ОВД.

Сегодня особенно актуальным мы считаем вывод Э. Майера относительно цикличности истории. Применительно к нашему государству эта концепция кажется еще более убедительной. В. И. Васильев приходит к мнению, что политические процессы в России, безусловно, повторяются с точной периодичностью [1]. В этой связи считаем целесообразным исследовать механизмы повышения авторитета органов, исполняющих полицейские функции в России, и противодействия их дискредитации в кризисные периоды XX в.

По нашему мнению, большое сходство с современными российскими реалиями имеет период первой русской революции 1905–1907 гг.: сегодня намного заметнее становится разделение общества по политическим взглядам, происходит массовая эмиграция россиян [2]. Похожие настроения наблюдались в период первой русской революции, нанесшей значительный удар имиджу полиции, вынужденной работать в условиях массовых беспорядков и стачек. Реформа, планируемая П. А. Столыпиным в этот период, предполагала принятие мер по повышению авторитета российской полиции в новых революционных условиях [3, с. 139–140], однако предпринимаемые министерством шаги и инициативы так и остались нереализованными.

Период участия Российской империи в Первой мировой войне и случившуюся во время нее Февральскую революцию нельзя не сравнить с военным конфликтом 2022 г. с так называемым коллективным Западом. Объявление Президентом РФ частичной мобилизации вызвало гражданские волнения, которые в некоторых регионах сопровождались массовыми беспорядками, митингами, акциями протеста [4]. Многие граждане, в том числе лидеры общественного мнения, в социальных сетях высказывают позицию о бесполезности полиции, выражают негативное отношение к политическому курсу нашего государства, в том числе обвиняя ОВД в служении деспотическому режиму, превышении и злоупотреблении полномочиями.

По нашему мнению, оппозиция наносит удар по авторитету полиции, являющейся связующим звеном между гражданским обществом и государством, в целях формирования негативного отношения населения к силовому блоку, внесения смуты, ослабления государства. В 1916 г., когда авторитет ОВД заметно пошатнулся, последний министр внутренних дел Российской империи А. Д. Протопопов писал: «...В последний год монархии мы увидим картину полного государственного несчастья... Роль и значение МВД и Департамента полиции во влиянии на региональную власть и общее положение в стране начинает резко падать...» [5, с. 1–10]. В целях преодоления потери престижа полицейской службы в 1916 г. была проведена реформа,

подразумевавшая повышение жалования сотрудникам, решение кадрового вопроса, большую автономию от военного руководства. Эти меры должны были способствовать привлечению полиции к пресечению масштабных массовых беспорядков, вызванных войной, однако Февральская революция 1917 г. продемонстрировала полную неспособность полиции противостоять народным волнениям: она, как и все правительство, потеряла контроль над ситуацией. По замечанию П. А. Соборнова, особую ненависть населения в рассматриваемый период вызывали ОВД дореволюционной страны — Департамент полиции и корпус жандармов МВД. Именно эти ведомства ассоциировались у граждан с институтом доноительства, злоупотреблением властными полномочиями, беззаконием и безнаказанностью ввиду приближенности к монарху и его покровительством. Сотрудники полиции подвергались жестким оскорблениям словом и действием, внесудебным преследованием и разбирательством со стороны негодующих масс [3, с. 146–147].

Спустя пять лет после Февральской революции законодатель предпринял попытки внедрения в РСФСР уголовно-правового механизма борьбы с дискредитацией сотрудников милиции. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. (далее — УК РСФСР от 1922 г.) содержал значительное количество норм, предусматривающих механизмы противодействия диффамации органов государственной власти, в том числе милиции [6].

В зависимости от содержания и характера уголовно-правовых запретов мы можем выделить *три группы преступлений, дискредитирующих милицию*.

Посягательства, направленные на дискредитацию власти и отдельных государственных институтов:

— статья 73 УК РСФСР от 1922 г.: «...Измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее...»;

— статья 109 УК РСФСР от 1922 г.: «...Дискредитирование власти, т. е. совершение должностным лицом действий, хотя бы и не связанных с его служебными обязанностями,

но явно подрывающих в глазах трудящихся достоинство и авторитет тех органов власти, представителем коих данное должностное лицо является...»;

— статья 219 УК РСФСР от 1922 г.: «Неисполнение законного распоряжения или требования находящегося на посту органа милиции, военного караула, а равно всяких других властей, призванных охранять общественную безопасность и спокойствие».

Преступления, направленные на умаление чести и достоинства личности:

— статья 172 «Устное или письменное оскорбление»;

— статья 173 «Оскорбление в публично выставленных или распространенных произведениях печати или изображениях»;

— статья 174 «Клевета»;

— статья 175 «Клевета в печатном или иным образом размноженном произведении»;

— статья 177 «Заведомо ложный донос»;

— статья 178 «Заведомо лжесвидетельство».

Преступные деяния, сопряженные с посягательством жизнь, здоровье, честь и достоинство сотрудников милиции:

— статья 88 УК РСФСР от 1922 г. «...Публичное оскорбление отдельных представителей власти при исполнении ими своих служебных обязанностей...»;

— статья 86 УК РСФСР от 1922 г. «...Сопротивление отдельных граждан представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей или принуждение к выполнению явно незаконных действий, сопряженные с убийством, нанесением увечий или насилием над личностью представителя власти...».

Примечательна дефиниция, закрепленная в ст. 74 УК РСФСР от 1922 г., определяющая под преступлением против порядка управления «...всякое деяние..., сопряженное с сопротивлением или неповиновением... советской власти, с препятствованием деятельности ее органов и иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти...» [6].

Уголовно-правовые средства противодействия дискредитации милиции и ослабления ее силы являются наиболее суровыми и жесткими. Не следует упускать из виду и организационные меры повышения имиджа изучаемого правоохранительного ведомства. Здесь необходимо акцентировать внимание на принятии важных нормативных документов: Положения «Об НКВД РСФСР» от 24 мая 1924 г., Дисциплинарного устава Рабоче-крестьянской милиции от 16 августа 1923 г., Положения о службе в Рабоче-крестьянской милиции от 28 сентября 1925 г.

Совершенствование правового регулирования деятельности ОВД выразилось в установлении жестких требований к отбору на службу, поведению сотрудников как при исполнении служебных полномочий, так и в быту. Предпринимаемые шаги были направлены на формирование у граждан уважения и доверия к советскому милиционеру.

Новым и весьма нетрадиционным административным способом противодействия дискредитации милиции стало проведение чисток личного состава [7] — процедур заслушивания комиссиями «подозрительных» сотрудников для установления уровня пригодности для несения службы. Не умаляя некоторых положительных сторон таких процедур (принятие жалоб, проверка законности действий сотрудников и принятие к ним в случае необходимости мер ответственности), историки едины во мнении, что чистки сильнее усугубили проблемы кадрового голода.

Нельзя не отметить и положения Дисциплинарного устава Рабоче-крестьянской милиции от 7 июля 1926 г. № 123 (далее — Устав 1926 г.). Этот документ определил требования к поведению милиционеров при несении службы, а также к соблюдению норм морали в быту. Например, ст. 3 и 4 Устава 1926 г. утвердили, что милицейская дисциплина обязывает каждого сотрудника развивать и поддерживать в себе и в других революционную честь, под которой понимается сознание собственного достоинства милиционера-гражданина, исполняющего по совести свой долг, обязывающая вести себя до-

стойным образом на службе, и вне ее, быть вежливым с гражданами, честным и бескорыстным [8].

Краткое исследование наиболее очевидных мер противодействия дискредитации органов внутренних дел в условиях политической нестабильности революционной и постреволюционной России позволяет сделать *следующие выводы*:

1. В условиях кризиса в России серьезный удар со стороны недовольной проводимой государством политики части населения и оппозиционных общественных объединений приходится на представителей власти, в первую очередь на сотрудников ОВД. В периоды политической нестабильности, смутного времени престиж и имидж силового блока резко снижаются, как и уровень доверия граждан к должностным лицам, с которыми они ассоциируют государство. Это обусловлено участием ОВД в пресечении массовых беспорядков, несогласованных акций и митингов, протестов, иных действий, направленных на дестабилизацию деятельности государственной власти.

2. Во время внутривнутриполитической нестабильности государству необходимо вырабатывать и реализовывать механизмы поддержания авторитета силового блока, в первую очередь ОВД. Это объясняется особой ролью правоохранительных органов в пресечении мятежей, попыток свержения или насильственного изменения конституционного строя государства, нарушения его территориальной целостности, ослабления и подрыва авторитета государственной власти.

3. Опыт революционной и постреволюционной России показал, что в условиях внутри- и внешнеполитического кризисов государством был реализован широкий спектр противодействия дискредитации и повышения авторитета и имиджа службы в советской милиции. Среди основных механизмов такого института можем указать административные и уголовно-правовые. Административные средства повышения авторитета советского милиционера выразились в повышении требований к служебной дисциплине, установлении четких требований к его поведению при исполнении и в быту, определении принципов службы. Помимо этого, в качестве административной меры можем указать ре-

формы, подразумевающие повышение жалования сотрудникам, решение кадрового вопроса, большую автономию от военного руководства. Дискуссионным остается вопрос эффективности использования такой меры, как чистки личного состава, так как, несмотря на некоторые достоинства, их результативность оказалась крайне низкой и лишь спровоцировала большие кадровые проблемы. Наиболее радикальные меры противодействия дискредитации милиции были предусмотрены УК РСФСР 1922 г. Этот уголовный закон предусмотрел ряд норм, направленных на недопущение посягательств как на честь и достоинство единичных сотрудников, так и на авторитет органов государственной власти, в том числе закрепил обширный блок должностных преступлений, компрометирующих государственные органы.

Процеируя опыт противодействия дискредитации органов внутренних дел в условиях политической нестабильности революционной и постреволюционной России на современные реалии, сформулируем ряд тезисов.

Для того, чтобы предупредить падение авторитета полиции в современных кризисных внешнеполитических условиях, необходимо:

— *во-первых*, ориентироваться на практику преодоления подобных проблем в прошлом;

— *во-вторых*, своевременно вырабатывать и начинать реализацию всех возможных механизмов противостояния негативным тенденциям с учетом специфики современных реалий. Реализация исключительно административных мер, таких как реформирование, предполагающее повышение уровня денежного довольствия и предоставление большего пакета социальных гарантий, может быть недостаточной. В сложных и опасных для общества и государства условиях необходимо использовать весь спектр имеющихся мер и ресурсов: от административных до уголовно-правовых;

— *в-третьих*, не умалять значения и роли ОВД в преодолении внутривнутриполитического кризиса, так как именно силовые структуры (среди которых полиция занимает важнейшее место) препятствуют дестабилизации государственного строя,

пресекают массовые беспорядки и ликвидируют источники разобщения гражданского общества.

В заключение нашего исследования хотим привести цитату Л. Питера: «История вынуждена повторяться, потому что ее никто не слушает». Изучение исторического опыта противодействия посягательствам на честь и достоинство сотрудников ОВД в условиях политической нестабильности, дискредитирующим ведомство и умаляющим его авторитет, позволяет выявить как эффективные, так и недейственные методы и меры, предпринимаемые в этом направлении.

Примечания

1. *Васильев В. И.* Повторяется ли история?: О периодических процессах в политической истории России. Москва, 2007.

2. Россию после 21 сентября покинули около 700 000 граждан. URL: <https://www.forbes.ru/society/478827-ros-siu-posle-21-sen-tabra-pokinuli-okolo-700-000-grazdan> (дата обращения: 08.10.2022).

3. *Соборнов П. Е.* История органов внутренних дел. Москва; Берлин, 2020.

4. В городах России прошли задержания на акциях против мобилизации. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/09/2022/632b446d9a7947c3ae6889de> (дата обращения: 08.10.2022).

5. *Косенко Д. В.* Протопопов Александр Дмитриевич: последний министр внутренних дел Российской империи в российской историографии // Наука. Общество. Оборона. 2018. № 4 (17).

6. Уголовный кодекс РСФСР (утратил силу в связи с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.) // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 80, ст. 153.

7. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 23 ноября 1922 г. № 982. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2022).

8. Дисциплинарный устав Рабоче-крестьянской милиции // РСФСР. Народный комиссариат внутренних дел. Москва, 1926.

Д. Г. Канонеров,
первый заместитель руководителя
следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Нижегородской области

Научный руководитель —
д.ю.н., доцент *Е. С. Леханова*

**ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ,
УЧИТЫВАЕМЫХ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ
И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ
КОНТРАБАНДЫ СТРАТЕГИЧЕСКИ ВАЖНЫХ
ТОВАРОВ И РЕСУРСОВ**

Контрабанда всегда осуществляется для обхода установленных законодательством запретов и ограничений на перемещение товаров и (или) для неуплаты установленных законодательством таможенных платежей. Обозначенное позволяет нам говорить о том, что при совершении контрабанды лица стремятся обойти установленные законодательством запреты и ограничения на перемещение товаров, либо стремятся уклониться от уплаты установленных законодательством таможенных платежей, либо в совокупности желают достичь первого и второго. Подобное подтверждается результатами изучения материалов уголовных дел, находящихся в производстве следователей МВД России за период с 2020 по сентябрь 2022 г. Контрабанда осуществляется в отношении товаров и ресурсов, которые были добыты преступным способом, например в результате хищений или незаконной добычи.

Правовые нормы, закрепленные в ст. 226¹ УК РФ, носят бланкетный характер [1, с. 77–91], из чего следует, что при привлечении в качестве обвиняемого и составлении обвини-

тельного заключения правоприменители должны указывать положения других НПА, которые были нарушены обвиняемым. Применительно к контрабанде в этих случаях следует указывать нормы законов и других нормативных актов, которые были нарушены при перемещении объектов через государственную границу РФ. Говоря о важности данных положений, следует учитывать, что основаниями для возвращения уголовных дел прокурору судами нередко являются такие случаи, когда следователи в процессуально значимых документах по делу не приводят содержания НПА, фактически нарушенных обвиняемым [2].

Процесс расследования данного преступления имеет свои нюансы, без учета которых правильно выстроить алгоритм расследования и получить нужный результат не всегда получится. Именно понимание данных нюансов улучшит и качественно повлияет на желаемый результат, сэкономит время правоприменителям и существенно позволит использовать его по своему усмотрению.

При возбуждении уголовных дел и расследовании контрабанды можно выделить следующие *следственные ситуации* [3], которые определяют алгоритм действий правоприменителей.

1. Органы предварительного следствия располагают информацией о совершенной контрабанде. Известно лицо, его совершившее, и задокументированы отдельные преступные действия.

Как правило, такая ситуация складывается, когда гражданин задержан при прохождении таможенного или пограничного контроля, а также по факту нарушения таможенных правил возбуждено дело об административном правонарушении.

2. Установлены отдельные признаки контрабанды в действиях конкретного лица, когда его местонахождение неизвестно либо отсутствует реальная возможность привлечения его к участию в уголовном судопроизводстве.

3. Установлены отдельные признаки контрабанды в действиях неустановленных лиц.

Все обозначенные следственные ситуации различаются объемом информации, которой располагают правоохранные органы о совершенной контрабанде. От первой следственной ситуации к третьей этот объем существенно меняется в сторону уменьшения информации о признаках контрабанды.

При получении правоприменителями материалов для возбуждения уголовного дела о контрабанде (полностью задокументированной органом дознания таможенной службы), а также при получении уголовного дела, по которому проведены неотложные следственные действия, следует:

- проанализировать имеющиеся доказательства;
- принять меры к установлению этапа совершения контрабанды и определения места нахождения стратегически важных товаров и ресурсов [4];
- следственным путем придать доказательственное значение материалам ОРД, то есть спланировать и провести необходимые следственные действия;
- определить стоимость предмета контрабанды посредством экспертизы;
- установить мотивы и цель совершения контрабанды подозреваемыми лицами;
- проверить и оценить показания подозреваемого;
- определить последовательность и целесообразность задержания подозреваемых и избрания меры пресечения.

В случае подозрения должностного лица в совершении контрабанды принять решение о необходимости отстранения его от должности с целью пресечения противодействия расследованию;

- определить последовательность производства обысков и выемок у подозреваемых, их родственников и знакомых; определить перечень отыскиваемых предметов и документов;
- провести осмотр предметов и документов, полученных и установленных в результате ОРМ и проведенных следственных действий;
- определить лиц, привлекаемых к расследованию в качестве свидетелей; сформулировать вопросы, которые им должны

быть заданы, при необходимости использовать для этого специалистов в области внешнеэкономической деятельности и таможенного дела;

- определить круг обстоятельств и перечень вопросов, которые могут быть установлены и заданы при допросе фигурантов уголовного дела;

- оценить возможность наложения ареста на имущество подозреваемых (обвиняемых) с целью возмещения вреда и возможной конфискации;

- решить вопрос с предъявлением предметов контрабанды участникам расследования, которые осуществляли их перевозку через государственную или таможенную границу;

- для отнесения предмета контрабанды к перечню стратегически важных товаров и ресурсов провести экспертизу либо осмотреть предмет контрабанды и таможенные документы с участием специалиста.

В случае невозможности привлечения к участию в следственных действиях лиц, совершивших преступление, направить сотрудникам органа дознания поручение о проведении розыскных действий.

Если местонахождение лиц, в действиях которых имеются признаки контрабанды, не установлено, следует:

- направить органу дознания поручение об установлении данных обстоятельств;

- провести допросы родственников и знакомых об установлении сведений о личности;

- собрать характеризующий материал на фигурантов дела;

- если есть основания для объявления розыска подозреваемых (обвиняемых), принять необходимые меры для сбора сведений, достаточных для заведения розыскного дела.

В случаях, когда обнаружены признаки контрабанды, орган дознания — таможенные органы проводят проверочные мероприятия, по окончании которых принимают процессуальное решение, и в случае обнаружения признаков контрабанды представляют материалы в следственный орган.

В случае возбуждения органом дознания уголовного дела и проведения в течение 10 суток неотложных следственных действий должны быть проведены:

— осмотр места происшествия, которым является место нахождения стратегически важных товаров и ресурсов (предмет контрабанды и прилегающая территория);

— допросы свидетелей, в качестве которых выступают сотрудники таможенных органов, пограничной службы, родственники подозреваемых; лица, которые участвовали в перемещении контрабанды (не являющиеся соучастниками); персонал железнодорожного, воздушного, морского транспорта, который может дать показания по вопросам перемещения грузов и (или) контрабандистов; приобретатели товаров и ресурсов, другие лица.

Неотложные следственные действия не исчерпываются лишь собственно следственными действиями. На данном этапе возможно производство задержания лиц, совершивших контрабанду.

С участием задержанного лица могут быть проведены его личный обыск, получение образцов для сравнительного исследования, освидетельствование и другие следственные действия.

При производстве предварительного следствия по уголовным делам о контрабанде необходимо в полном объеме устанавливать обстоятельства, определенные уголовно-процессуальным законом, достаточно четко представлять себе признаки объективной стороны данного преступления, способ его совершения и предмет.

В целом правильная квалификация действий виновных лиц позволит избежать в дальнейшем существенных нарушений охраняемых законом прав и вынесений судами оправдательных приговоров.

Описанные алгоритмы действий правоприменителей при выявлении признаков и последующем расследовании контрабанды апробированы. Это значит, что если их придерживаться, то желаемый результат сэкономит время, средства и ресурсы,

которые в аналогичных ситуациях могут быть использованы более рационально.

Приведенные алгоритмы могут быть применены и при расследовании преступлений, предметом которых являются другие предметы контрабанды, с учетом общности способов совершения и тактики проведения отдельных следственных действий.

Примечания

1. Устинова Т. Д., Рубцова А. С. Развитие и состояние уголовного законодательства об ответственности за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов // Lex russica (Русский закон). 2021, № 74 (11). URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.077-091> (дата обращения: 03.08.2022).

2. Уголовное право. Особенная часть. Практикум: учебное пособие для вузов / И. А. Подройкина [и др.]; отв. ред. И. А. Подройкина, С. И. Улезько. 2-е изд., испр. и доп. URL: <https://urait.ru/bcode/489370> (дата обращения: 03.08.2022).

3. Криминалистика (общие положения, техника, тактика): учебник для вузов / М. М. Горшков [и др.]; под ред. А. А. Кузнецова, Я. М. Мазунина. URL: <https://urait.ru/bcode/485709> (дата обращения: 03.08.2022).

4. Умрилова А. Контрабанда стратегически важных ресурсов на 4 млн рублей: Тюменской таможней возбуждено 2 уголовных дела. URL: <https://admmegion.ru/org/361858/> (дата обращения 03.08.2022).

А. А. Количенко,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *М. П. Поляков*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕРКИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

На сегодняшний день можно констатировать заметное возрастание публикационной активности исследователей-процессуалистов на тему электронных доказательств в уголовном процессе. Следует заметить, что вопросы проверки и оценки электронных доказательств не так популярны, как, например, поиск ответа на вопрос о сущности и содержании понятия «электронное доказательство». В связи с этим в рамках данной статьи нами предпринята попытка выявить специфику процесса проверки электронных доказательств в уголовном процессе.

Начнем исследование с анализа аспектов, связанных с участием специалиста в процессе проверки электронных доказательств. Не поддающимся разумным сомнениям видится довод о том, что участие специалиста в процессе проверки электронных доказательств предопределено наличием специальных знаний у последнего.

В соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ законодатель определяет специалиста как «лицо, обладающее специальными знаниями и призванное оказывать содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту...» [1].

Содержание электронных доказательств и их типология вызывают немало вопросов с различных точек зрения. Следует задать вопрос: «Почему такое большое значение научная общественность отдает участию специалиста в работе с электронными доказательствами, в особенности при их проверке?». Наиболее точным ответом мы считаем изречение Е. Р. Россинской, которая говорит, что «исходя из особенностей цифровых следов возможность осуществления самостоятельно, без участия специалиста манипуляций с цифровыми следами, за исключением самых примитивных действий по копированию файлов, вызывает большие сомнения» [2, с. 35], с чем мы абсолютно согласны.

Учитывая особенности создания, хранения и удаления электронных доказательств, в целом специфику обращения и использования данного вида доказательств в доказывании, участие специалиста в их проверке представляет особую ценность. В подтверждение указанного довода обратим внимание на показания допрошенного в качестве специалиста Е. С. Майсона по уголовному делу о мошенничестве, касающиеся проверки такого электронного доказательства, как электронный документ. Вышеуказанный специалист в своих показаниях утверждает, что «...файл Microsoft Word, созданный на персональном компьютере в какое-то конкретное время, может быть изменен по времени и дате его создания таким образом, что время создания и изменения документа может быть любым. Изменение даты создания и редактирования документа не является проблемой для IT-специалиста» [3].

Определившись со значением участия специалиста в проверке электронных доказательств, следует задать следующий вопрос: «Всегда ли следователь, дознаватель должен привлекать специалиста для участия в исследовании электронных доказательств?». Полагаем, что нет, но в подавляющем большинстве случаев без его участия следователь, дознаватель обречены на получение недостоверных сведений, так как они могут быть введены в заблуждение. Подобное заблуждение может возникнуть в силу использования со стороны злоумышленников специальных программно-технических средств, ко-

торые позволяют модифицировать, уничтожать блокировать и копировать электронную информацию.

По нашему мнению, при изучении аспектов проверки электронных доказательств нельзя обойти стороной порядок их приобщения к материалам уголовного дела. Для этого мы предлагаем рассмотреть некоторые виды электронных доказательств и процессуальный порядок их фиксации в материалах уголовного дела.

Начнем с электронной переписки.

В качестве одного из примеров отметим уголовное дело, возбужденное в отношении гражданина, который по версии следствия хранил в целях сбыта немаркированные табачные изделия, подлежащие обязательной маркировке специальными (акцизными) марками, и немаркированную алкогольную продукцию, подлежащую обязательной маркировке федеральными специальными марками. В ходе производства предварительного следствия по уголовному делу, помимо производства допроса подозреваемого (обвиняемого), свидетелей, обыска в гараже и автомобиле, осмотра предметов, к материалам уголовного дела была приобщена переписка из мессенджера WhatsApp по поводу сбыта алкогольной и табачной продукции. Процессуальное закрепление данной переписки осуществлялось посредством составления протокола осмотра телефона марки iPhone, который был изъят в ходе обыска автомобиля. Благодаря осмотру телефона были установлены изображения с наименованием алкогольной продукции и табачных изделий, с указанием их количества и стоимости [4].

Для проверки электронного доказательства — переписки из мессенджера WhatsApp следователь при производстве допроса свидетеля, который приобретал у обвиняемого коньяк, предъявил протокол осмотра сотового телефона обвиняемого, в котором содержалась переписка из мессенджера. В результате показаниями свидетеля подтверждено, что данная переписка осуществлялась с его номера сотового телефона, установлены детали продажи алкогольной продукции.

Автор настоящей статьи обращает внимание на необходимость отражения в протоколе осмотра предметов сведений,

которые полностью характеризуют объект осмотра — в нашем случае это электронное устройство.

В качестве еще одного примера из судебно-следственной практики рассмотрим уголовное дело, возбужденное в отношении М. М. Абдулаева, который по версии следствия пытался незаконно сбыть на территории г. Тамбова наркотические вещества.

В основу доказательственной базы по данному уголовному делу в качестве одного из доказательств был положен протокол осмотра предметов, содержанием которого является процесс осмотра сотового телефона и его содержания, изъятый в ходе личного досмотра М. М. Абдулаева, в частности процесс осмотра электронной переписки из мессенджера WhatsApp. В данный протокол были внесены сведения о модели телефона, его IMEI, множественных повреждениях монитора в виде трещин и царапин, наличии камеры с двумя объективами, одна из которых повреждена.

Следователем в протоколе осмотра был зафиксирован факт наличия в телефоне приложения WhatsApp, в котором имеются переписки, свидетельствующие о причастности к незаконному обороту наркотиков, в том числе в протоколе осмотра нашли отражение сведения о номере лица, с которым контактировал обвиняемый, включая описание аватарки, времени и даты начала и окончания переписки [5].

Наравне с электронными переписками в мессенджерах работа по фиксации доказательственной информации из переписок по электронной почте имеет схожий порядок.

Из материалов уголовного дела по обвинению С. В. Ковалева в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226.1 УК РФ, усматривается, что по результатам осмотра сотового телефона (переписки в электронной почте), изъятых у С. В. Ковалева, был установлен факт заказа сильнодействующих препаратов из Республики Беларусь (включая дату заказа; никнейм лица, принявшего заказ, и т. п.) [6].

Таким образом, использование в судебно-следственной практике электронных доказательств с каждым годом набирает все больший охват. Если привлечение специалистов при

исследовании, к примеру, электронных переписок в мессенджерах не всегда требуется, то для исследования различных электронных баз данных (к примеру, 1С бухгалтерия, MySQL, PostgreSQL и т. п.) всегда следует привлекать специалиста для получения достоверных сведений. Это вызвано как самим принципом работы с данным источником информации, так и необходимостью использования специальных программно-технических средств и наличия специальных знаний.

В дополнение к сказанному приведем утверждение Ф. Г. Лашкина, согласно которому использование электронных баз данных в доказывании по уголовным делам является сложной задачей: «Это требует кропотливой работы следователя по сбору и оценке, проверке доказательств, как правило, с привлечением специалистов и часто с проведением экспертиз» [7, с. 61].

В подтверждение вышеуказанных доводов рассмотрим уголовное дело по обвинению Ю. А. Ревединской в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, по версии следствия, а именно: фальсификации доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле.

Как следует из материалов уголовного дела, Ю. А. Ревединская, будучи сотрудником отделения Пенсионного фонда Российской Федерации (далее — ОПФР), в целях избежания привлечения к дисциплинарной ответственности за совершенное ненадлежащее исполнение должностных обязанностей решила обратиться в суд с исковым заявлением с требованием о признании незаконным приказа о привлечении к дисциплинарной ответственности. Для этого она решила сфальсифицировать доказательства в подтверждение своих исковых требований путем изготовления при помощи графических редакторов — скриншотов с содержанием служебных записок, которые опровергали факты неисполнения ею письменного поручения и. о. управляющего ОПФР. Данные скриншоты она направила по электронной почте ряду руководителей ОПФР.

В ходе предварительного следствия было принято решение о привлечении специалиста в целях проверки факта получения

электронных писем, направленных Ю. А. Ревединской Проверяя почтовый сервер «Лотус», используемый в ОПФР, в частности исходящую почту Ю. А. Ревединской и входящую почту руководителей ОПФР, специалист не обнаружил искомых писем. Однако в целях их отыскания специалистом была поднята резервная копия почтового сервиса «Лотус», на которой имелись те самые электронные письма, но имеющие иное содержание (их местонахождение было в папке «Черновики»). Также специалистом была отмечена возможность внесения в данные электронные письма изменений со стороны администратора программы «Лотус», однако при проверке «логов» этот вариант отпал. Никто не вносил изменений кроме Ю. А. Ревединской.

Таким образом, было установлено, что в подсистеме электронного документооборота (далее — ПЭД) Ю. А. Ревединская перед началом судебного процесса под своей учетной записью удалила ранее прикрепленный файл к документу и вместо него вложила другой документ, который в последующем представила в суд в качестве доказательства уведомления работодателя о невозможности исполнения поручения. В целях проверки удаления документов и дальнейшего их осмотра в журнале регистрации в программах «Лотус» и ПЭД следователем было принято решение о проведении следственного эксперимента с участием специалистов [8].

По нашему мнению, проверка доказательственной информации, полученной из электронных баз данных, является одной из сложных и многоаспектных процедур. Основываясь на вышеприведенном примере из судебно-следственной практики, можно сделать следующий вывод: без участия специалиста, обладающего специальными знаниями в области информационных технологий, проверить электронные доказательства в большинстве случаев фактически невозможно.

Деляя промежуточный вывод, автор исследования предлагает обратить внимание на высказывание А. И. Зазулина, в котором указывается следующее: «Сбор, исследование и оценка цифровых доказательств, в том числе интернет-доказательств, — это поле битвы как ученых-теоретиков, так и прак-

тиков, где еще не выработан единый подход и где дубовый консерватизм сражается с цифровым популизмом» [9]. Сделаем небольшую ремарку.

На сегодняшний день, как уже было отмечено ранее, в научной доктрине уголовного процесса вполне заметен прирост трудов по проблематике электронных доказательств, включая аспекты их собирания, проверки и оценки. Тем самым отмеченное А. И. Зазулиным «поле битвы» занимает все большую площадь.

Весьма интересным и не потерявшим своей актуальности в XXI в. выглядит высказывание Н. Н. Розина, который в одном из своих пособий к лекциям по уголовному судопроизводству 1916 г. писал: «Современный процесс, руководимый развитой наукой, стремится, по возможности, утончать систему доказывания, подводя под нее точные научные основания и делая ее таким образом наиболее пригодной для разрешения процессуальных вопросов» [10, с. 381]. Основываясь на смысле данного изречения, определим наш посыл в качестве некоторых выводов, к которым мы пришли при исследовании особенностей процесса проверки электронных доказательств.

Первоочередно стоит подчеркнуть сложность, неоднозначность и многоаспектность данной процессуальной процедуры. Как в рамках предварительного расследования, так и в рамках судебного следствия уполномоченные на проверку доказательств субъекты в большинстве случаев без участия специалиста в сфере информационных технологий не смогут полноценно и досконально установить первоисточник происхождения электронных сведений, выступающих в качестве базиса электронных доказательств. Помимо того, под вопросом может быть результативность всего процесса исследования электронных доказательств по причине возможной модификации, блокирования, уничтожения и копирования электронной информации.

Сущность процедуры проверки электронных доказательств в целом не разнится с сущностью проверки традиционных видов доказательств, закрепленных законодателем

в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, однако имеет определенные особенности. Таким образом, электронные доказательства могут быть подвержены проверке теми способами, которые законодатель закрепил в ст. 87 УПК РФ, то есть электронные доказательства проверяются:

- посредством сопоставления доказательств с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле;
- установления источников получения доказательств;
- получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

В силу отмеченной нами ранее специфики электронных доказательств следует предложить добавить в перечень обозначенных законодателем способов проверки доказательств такой способ, как проведение анализа формы и содержания доказательства.

Значение проверки электронных доказательств обусловлено решением целей и задач уголовного судопроизводства, определенных законодателем в ст. 6 УПК РФ.

Уровень и качество исследования электронных доказательств зависят в первую очередь от компетентности лица, уполномоченного на проведение проверки доказательств. Данная составляющая непосредственно связана с наличием знаний в области информационных технологий.

В ходе написания настоящей статьи были обозначены отдельные аспекты, раскрывающие специфику проверки электронных доказательств в уголовном процессе. В качестве главенствующей особенности мы предлагаем выделить необходимость привлечения специалиста в области информационных технологий (иными словами, IT-специалиста) к процессу проверки. Наличие специальных знаний у последнего позволит должным образом провести исследование доказательств, тем самым предопределить их надежность в частности в ходе дальнейшего судебного следствия и в целом формирования качественной доказательственной базы по уголовному делу.

Специфика проверки электронных доказательств также определяет потребность в наличии специального программно-

го обеспечения, включая программно-технические средства (иными словами, специальную технику).

В целях оптимизации уголовного-процессуального законодательства в части регламентации процедуры проверки доказательств считаем необходимым дополнить положение ст. 87 УПК РФ, предложив следующую редакцию данной нормы:

«Статья 87 УПК РФ. “Проверка доказательств”.

Ч. 1. Проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство, а также проведением анализа формы и содержания доказательства.

Ч. 2. Проверка электронных доказательств проводится способами, предусмотренными для остальных видов доказательств. По усмотрению следователя, дознавателя в рамках предварительного расследования проверка электронных доказательств может быть произведена посредством назначения и производства компьютерно-технической экспертизы.

Ч. 3. Субъектам, уполномоченным на проведение проверки доказательств, при работе с электронными доказательствами следует привлекать к участию в данном процессе специалиста в области информационных технологий (IT-специалиста). В особенности это имеет важное значение при необходимости установления наличия либо отсутствия модификаций в электронной информации, идентификации лица, от которого получены сведения, и аутентификации, то есть целостности и неизменности содержания электронного доказательства».

Подобная редакция анализируемой нормы, с нашей точки зрения, позволит сформировать комплексное представление о возможных средствах и способах проверки электронных доказательств в современном уголовном судопроизводстве.

Резюмируя вышеобозначенные доводы, следует сказать о том, что проверка электронных доказательств до настоящего

время является малоисследованным направлением, которое нуждается в скрупулезной научной разработке и законодательной регламентации.

Примечания

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 22 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24 сентября 2022 г.) // РГ. 2001. 22 декабря.

2. *Россинская Е. Р.* Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 5 (57).

3. Приговор Обнинского городского суда Калужской области от 14 августа 2019 г. по делу № 1-190/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.10.2022).

4. Приговор Кировского районного суда от 29 июля 2020 г. по делу № 1-222/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.10.2022).

5. Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 27 июля 2020 г. по делу № 1-132/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.10.2022).

6. Приговор Железнодорожного районного суда г. Красноярска от 26 мая 2020 г. по делу № 1-260/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.10.2022).

7. *Лашкин Ф. Г.* Как адвокату работать с цифровыми доказательствами в защите по уголовным делам // Уголовный процесс. 2020. № 10.

8. Приговор Центрального районного суда г. Читы от 27 июля 2020 г. по делу № 1-1223/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.10.2022).

9. *Зазулин А. И.* УПК требует цифровой модификации. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/upk-trebuetsifrovoy-modifikatsii/> (дата обращения: 16.10.2022).

10. *Розин Н. Н.* Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 3-е изд., пересмотр. Петроград, 1916.

М. С. Кузнецов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *М. П. Поляков*

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ

В последние десятилетия незаметно для нас преступность, используя научно-технические достижения, серьезно изменилась. Современный образ преступника эволюционирует, переходит на более высокий интеллектуальный уровень, все чаще применяются в преступной деятельности новейшие достижения научно-технического прогресса. Приведенная тенденция прослеживается на протяжении долгого времени, но по-прежнему остается весьма актуальной.

Бесконтрольное использование компьютерных и информационных технологий в преступных целях стало серьезной проблемой для современного общества. Сложившийся в настоящее время уровень компьютеризации охватывает практически все слои населения, что создает для преступного элемента благоприятную среду для различных преступных деяний, подавляющее большинство из которых занимает мошенничество в различных сферах.

В настоящее время прослеживается значительное прева-лирование совершения мошеннических действий в сфере экономической деятельности над традиционным составом мошенничества, о чем свидетельствуют статистические данные Судебного департамента при ВС РФ, Генеральной прокурату-

ры РФ. Законодатель вынужден реагировать на сложившуюся криминогенную обстановку в данной сфере.

Ежегодно количество выявленных преступлений экономической направленности традиционно занимает высокий уровень. Приведем вышеуказанные статистические данные Генеральной прокуратуры РФ, касающиеся выявленных лиц, совершивших преступления экономической направленности, за период с января по декабрь 2021 г. [1]. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года на всей территории РФ наблюдается рост (на 21,9 %) вышеуказанных преступлений. Всего за 2021 г. выявлены 53 717 лиц, совершивших преступления экономической направленности. Значительную часть уголовно наказуемых деяний в данной статистике составляет мошенничество. Таким образом, количество мошеннических посягательств остается на стабильно высоком уровне, что напрямую следует из изменений составов преступлений, нахождением новых способов ведения мошеннической деятельности, например, с использованием новых компьютерных технологий, различных мессенджеров в информационно-коммуникационной сети «Интернет», онлайн-беттинга, цифровых финансовых активов, в том числе технологии *blockchain*.

В целом на уровень преступности (в частности, на мошеннические посягательства) оказывают влияние поспешные и необдуманные решения законодателя, частые нарушения закрепленных стандартов законодательной техники. Следовательно, озвученную проблематику необходимо решать в совокупности.

Исследователи отмечают, что существующие статистические данные не в полной мере отражают современное состояние преступности, так как мошенническим действиям (особенно в области информационных технологий) присущ высокий уровень латентности. Данная особенность характерна для преступных деяний в области информационных технологий. Как правило, субъект совершения вышеуказанных преступных деяний обладает высоким уровнем интеллекта, познаниями в сфере компьютерной информации, нередко наделен властными полномочиями.

В статьях 159, 159¹, 159², 159³, 159⁵, 159⁶ и 165 УК РФ перечислены различные виды мошенничества. Необходимо отметить, что последние десятилетия законодатель постоянно изменяет вышеуказанные статьи УК РФ, увеличивая или уменьшая санкции статей, добавляя или исключая новые виды мошенничества, чем подтверждает существующую проблематику несовершенства уголовно-правовых норм. Также необходимо отметить существенные изменения в рамках предмета мошеннических посягательств, связанные с развитием научно-технического прогресса.

Позиция законодателя по введению новых составов, посвященных мошенничеству, свидетельствует об излишней криминализации данных уголовно-правовых деяний, закрепленных в Особенной части уголовного закона. По мнению различных ученых, так называемые специальные составы мошенничества представляют собой производные от юридической конструкции общего состава мошенничества, закрепленного в ст. 159 УК РФ, тем самым специальные нормы, имеющие в составе дополнительные признаки, отличные от классического мошенничества, на практике порождают дополнительные трудности для работы практических сотрудников. Часто при регулировании одного и того же отношения двумя или более отдельными нормами права возникает так называемая конкуренция уголовно-правовых норм. На практике все сложнее увидеть, а тем более разграничить конкурирующие нормы без соответствующей правовой помощи.

Согласно теории уголовного права указанные выше виды мошенничеств представляют собой множество различных по содержанию способов реализации общественно опасного деяния, связанных только единством объекта преступного посягательства. Так называемые специальные виды мошенничества имеют отличительные объективные и субъективные признаки, иногда даже не входящие в основной состав ст. 159 УК РФ.

Приведенный выше тезис порождает серьезную дискуссию среди научного сообщества. По мнению некоторых исследователей, создание специальных норм, посвященных отдельным

видам мошенничества, по сути создает определенную избыточность, не затрагивает критерии общественной опасности, приводит к путанице среди правоприменителей. В этой связи ученым представляется существенной проблемой тот факт, что законодатель при закреплении отдельных видов мошенничества учел лишь отдельные сферы жизни общества, оставив неурегулированными и незащищенными уголовным законом другие столь же существенные институты общественной жизни, которые представляются не менее важными, чем уже зафиксированные, а в отдельных проявлениях — даже более общественно значимыми. Деятельность законодателя в данном направлении не затрагивает все сферы хозяйствования. На практике существуют определенные трудности установления отдельных видов мошенничеств, например, в сферах здравоохранения, образования и т. д.

Дискуссионным вопросом, относящимся к пониманию уголовно-правовой нормы, традиционно выступает включение в УК РФ терминов «злоупотребление доверием» и «обман» [2, с. 10–20]. Постоянное реформирование уголовного закона без соответствующей опоры на сложившуюся практику правоприменения в различных регионах нашей страны создает проблемные вопросы там, где их не было.

В настоящее время существуют противоречивые точки зрения ученых насчет включения данных понятий, а также в целом реформирования уже принятых норм, посвященных мошенничеству. В научном сообществе до сих пор не прекращаются споры по поводу включения или дополнения гл. 21 УК РФ отдельными составами, посвященным мошенническим действиям.

По мнению Т. О. Кошаевой, постоянное изменение, дополнение УК РФ норм, затрагивающих отдельные виды мошенничеств, не целесообразно, ведет только к загромождению и усложнению уголовного закона. С принятием специальных норм, посвященных отдельным видам мошенничества, происходит сужение общего состава, предусмотренного ст. 159 УК РФ, тем самым на практике создается еще одна проблема соотношения уголовно наказуемых деяний под закрепленную в УК РФ диспозицию уголовно-правовой нормы. При приня-

тии решения об окончательной квалификации правоприменитель сталкивается и с конкуренцией норм из-за существующей избыточности урегулирования однородных общественных отношений в рамках рассматриваемых составов.

Приведем позицию П. С. Яни. Ученый не раз упоминал, что так называемый общий состав мошенничества до введения специальных норм, закрепленный в ст. 159 УК РФ, не в полной мере учитывал существенные особенности экономических отношений, создавал возможность более широкого понимания его для правоприменителей [3]. Закрепление в уголовном законе специальных составов, посвященных мошенничеству, позволило дифференцировать применение уголовно-правовых норм, в полной мере учитывать предмет и способ совершения того или иного преступления.

Исходя из вышеназванных позиций ученых, можно заметить существующее разделение мнений относительно правовой регламентации отдельных уголовно-правовых норм, касающихся мошенничества, а также разграничения основного состава мошенничества от смежных составов (например, от незаконной предпринимательской деятельности). Данная позиция свидетельствует о глубине научной проблематики рассматриваемой темы.

По мнению практических сотрудников, выявление, правильная квалификация и расследование указанных выше уголовно наказуемых деяний в настоящее время становится все более затруднительным, тем не менее существующая судебная практика, выработала отдельные подходы к применению норм, касающихся мошенничества. Не всегда вышеуказанная деятельность правоприменителей носит безукоризненный характер.

На сегодняшний день существуют множество примеров, когда вышестоящие суды изменяли приговоры, в которых фигурировали так называемые организаторы финансовых пирамид, которым изначально назначалось наказание, в рамках незаконного предпринимательства.

Следует помнить, если предприниматель в рамках своей инвестиционной или иной деятельности по извлечению при-

были лишь имитирует ее, тем самым завладевая активами физических лиц, то руководитель такой организации должен быть привлечен к ответственности в рамках общего состава мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ [4]. Из-за неверного применения норм уголовного права некоторым преступникам назначали более мягкое наказание. На сегодняшний день по оценкам различных исследователей нормы, закрепляющие ответственность за мошенничество, требуют доработки.

По нашему мнению, необходимо проведение значимых научных исследований, посвященных проблеме применения отдельных норм УК РФ, закрепляющих специальные виды мошенничества.

Считаем, что для грамотного устранения появившихся выявленных противоречий в понимании признаков мошенничества, а также разграничения составов мошеннических действий следует принять новое постановление Пленума ВС РФ о мошенничестве, присвоении и растрате.

Думается, что предлагаемые новшества позволят уйти от многих проблем, существующих относительно правоприменения в данной сфере.

Примечания

1. Зарегистрировано преступлений экономического направления: карта // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Показатели преступности России. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.10.2022).

2. Джинджолия Р. С. Об оценочных понятиях обмана и злоупотребления доверием в статьях Особенной части УК РФ // Российская юстиция. 2016. № 11.

3. Яни П. С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 5.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 сентября 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2022).

Д. Е. Легчило,
руководитель отдела
криминалистического сопровождения следствия
по Приволжскому федеральному округу
(с дислокацией в городе Нижнем Новгороде)
управления криминалистического сопровождения
следствия в федеральных округах Главного управления
криминалистики (Криминалистический центр)
Следственного комитета Российской Федерации

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *М. П. Поляков*

СПЕЦИФИКА ПРОИЗВОДСТВА ЭКСГУМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Производство отдельных следственных действий осложнено порой отсутствием законодательной регламентации процесса подготовки; материально-техническими сложностями; трудоемкостью процесса, а также деликатным характером вмешательства в сферу человеческих эмоций и чувств.

Одним из таких следственных действий является эксгумация [1].

Для понимания сути проблемы рассмотрим порядок производства этого следственного действия на примере из практической деятельности.

Так, в практике одного из следственных отделов следственного управления Следственного комитета Российской Федерации (далее — СУ СК) имеется приостановленное по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ уголовное дело по факту обнаружения трупа гражданина В. По обстоятельствам уголовного дела на трупе гражданина В. обнаружена закрытая черепно-мозговая травма в виде линейного перелома свода черепа, кро-

воизлияний над твердой мозговой оболочкой, под мягкой мозговой оболочкой и в веществе головного мозга с его размозжением, кровоизлияние в мягких тканях левых лобной и теменно-височной областях. Черепно-мозговая травма образовалась не менее чем от одного ударного взаимодействия тупого твердого предмета с преобладающей поверхностью в левой лобно-теменно-височной области волосистой части головы. Потерпевшей по данному уголовному делу признана мать погибшего гражданина В., гражданка А. По ходатайству потерпевшей А., в связи с несогласием с выводами первоначальной и последующих дополнительных экспертиз по данному уголовному делу проводилась эксгумация трупа гражданина В. для проведения дополнительной судебно-медицинской экспертизы.

В соответствии со ст. 178 УПК РФ при необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации и уведомляет об этом близких родственников или родственников покойного. Постановление обязательно для администрации соответствующего места захоронения. В случае, если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации, разрешение на ее проведение выдается судом. Вместе с тем законодатель не предусмотрел необходимость указывать в уведомлении конкретную дату и время эксгумации, что может использоваться следователем в тактических целях.

В нашем случае эксгумация проводилась с согласия родственников и решения суда не требовалось. Поскольку расходы, связанные с эксгумацией и последующим захоронением трупа, возмещаются родственникам покойного в порядке, установленном ст. 131 УПК РФ, то сначала осуществляется процесс согласования оплаты и стоимости работ с финансовыми подразделениями СУ СК. Потом осуществляются организационные моменты, которые ни в каких законодательных актах не закреплены, и зависят только от организаторских способностей самого следователя. Здесь может возникнуть ряд проблем из-за недостатка информации по самой органи-

зации всего подготовительного процесса [2]. Порой складывается такая практика, что перед тем как произвести расчет стоимости работ по эксгумации необходимо сначала установить место захоронения человека, после этого установить причину его смерти и предоставить данные документы в Федеральное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии в Нижегородской области», получить разрешение на раскопку могилы. Это необходимо для того, чтобы убедиться, что умерший не болел такими заболеваниями, как сибирская язва, чума, холера, лихорадка Эбола и т. д. и раскопка могилы безопасна для окружающих людей. После чего требуется связаться с администрацией кладбища, на котором расположена могила, показать им разрешение из Центра гигиены и эпидемиологии в Нижегородской области для того, чтобы они со своими сотрудниками проехали к месту раскопки, оценили самостоятельно стоимость работ и составили договор, где будут прописаны конкретные действия рабочих, которые потом придется оплачивать. После составления договора необходимо представить его в финансовый отдел СУ СК для согласования оплаты.

Если же могила была благоустроена и на ней имелся памятник, гранитная крошка, то это лишь увеличивает стоимость выполнения работ.

После согласования договора об оплате необходимо определить день, в который будет проведена эксгумация. День нужно выбирать без осадков, так как это негативно скажется на качестве следственного действия. Следовательно в этот день необходимо собрать большое количество людей в одном месте: это родственники умершего, если они желают участвовать в эксгумации, раскопщики, эксперты, представитель администрации кладбища, также возможно участие понятых [3]. К производству эксгумации необходимо привлечь судебно-медицинского эксперта (либо врача), а также других специалистов и экспертов, специальные знания которых могут понадобиться следователю при проведении данного следственного действия на основании ч. 1 ст. 178 УПК РФ. Также

при проведении эксгумации желательно фиксировать ход следственного действия при помощи средств фото- и видеосъемки.

До начала эксгумации необходимо знать, что нужно извлекать из могилы и везти на судебно-медицинскую экспертизу либо весь труп, либо его части. При эксгумации всего трупа следователю необходимо позаботиться и о том, на чем везти труп на экспертизу, и заранее договориться с перевозкой.

Извлечением всего трупа из могилы занимаются раскопщики, а в случае отделения каких-либо частей от трупа, это должен делать судебно-медицинский эксперт, чтобы не повредить остальные части трупа.

После того, как откопали могилу, необходимо провести осмотр гроба, после этого при возможности (без осуществления повреждений трупа) его извлечь и вскрыть. Следует обратить внимание на то, что при длительных захоронениях (более двадцати лет) крышка гроба может потерять свой первоначальный вид и быть провалена, что потребует тщательного подхода к раскопке, чтобы не повредить труп.

Изначально производится статический осмотр места, в котором захоронен человек, затем (если это не нанесет повреждений мертвому телу, в частности в ситуациях его сильного гнилостного изменения) труп перемещают на специально подготовленное место с целью подробного его изучения специалистом.

Изъятые части трупа необходимо запаковать в бумагу, чтобы они могли высохнуть и не покрылись плесенью, поскольку после извлечения из могилы части трупа находятся во влажном виде. Также в протоколе эксгумации должны быть зафиксированы все пробы, которые были взяты при ее производстве, пробы почв, грунтовой воды и др. Обязательно в протоколе должно быть указано, куда направлен труп или его фрагменты.

Поскольку потерпевшая А. выдвигала версию о том, что ее сына В. отравили, то в ходе эксгумации были изъяты, кроме черепа, еще и части гроба, одежды с трупа и пробы почвы ря-

дом с трупом. После эксгумации череп был направлен в бюро судебно-медицинской экспертизы, а части гроба, одежды с трупа и пробы почвы рядом с трупом направлены на химическую экспертизу.

Кроме того, необходимо обратить внимание на обратный процесс закапывания могилы, поскольку родственники могут быть не согласны с тем, чтобы могила была закопана в отсутствие каких-либо частей от трупа и попросят подождать не закапывать могилу до момента окончания экспертизы и возврата частей трупа. Эти вопросы необходимо обсуждать с родственниками и администрацией кладбища заранее и проговаривать все детали, с учетом того, какие необходимо соблюсти религиозные ритуалы при закопке могилы. В нашем случае потерпевшая А. покупала новую крышку гроба, предметы одежды, которые нужно положить в могилу и ждала окончания экспертизы, чтобы поместить в могилу череп и после этого произвести закопку могилы.

Как следует из ч. 3 ст. 178 УПК РФ, в случае, если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации, разрешение на ее проведение выдается судом. Сама процедура рассмотрения судом ходатайства о разрешении извлечения трупа (эксгумации) требует более детального подхода, поскольку часто возникают конфликтные ситуации, создаваемые стороной родственников покойного. Следовательно важно указать все основания необходимости проведения эксгумации в своем ходатайстве перед судом и минимизировать факторы возможного отказа суда в удовлетворении данного ходатайства. Для этого в материал, приложенный к ходатайству, необходимо вставить все экспертизы, проводимые ранее с умершим, допросы свидетелей, указывающих на иной возможный характер получения травм или причины смерти, а также допросы его родственников и их заявления, в которых они выражают несогласие на эксгумацию.

Уголовно-процессуальный закон в недостаточной мере раскрывает такие аспекты, как: 1) состав суда, рассматривающий ходатайство об эксгумации; 2) какие участники в обяза-

тельном случае должны присутствовать при проведении данного следственного действия; 3) процессуальный порядок производства эксгумации в случаях отсутствия или неустановления родственников погибшего.

С учетом вышеизложенного хочется подвести итог, что проведение эксгумации требует тщательной подготовки, полной организации всего процесса, планомерной работы как с родственниками умершего, так и с администрацией места захоронения, и самоотдачи от следователя.

Основные трудности при производстве эксгумации возникают в организационных моментах, поскольку они не регулируются только УПК РФ, а для правильного их выполнения необходимо руководствоваться сложившейся практикой в регионе и законодательными актами в сфере похоронной деятельности.

Примечания

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации в 2 ч. Ч. 1: учебник для вузов / Г. М. Резник [и др.]; под общ. ред. Г. М. Резника. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2022. 457 с. (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/490852> (дата обращения: 07.09.2022).

2. Криминалистика (общие положения, техника, тактика): учебник для вузов / М. М. Горшков [и др.]; под ред. А. А. Кузнецова, Я. М. Мазунина. Москва, 2022. 400 с. (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/485709> (дата обращения: 03.08.2022).

3. Яновский Р. С. Актуальные проблемы производства следственных действий: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2022. 140 с. (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/496029> (дата обращения: 07.09.2022)

А. Е. Леднев,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., доцент *Е. С. Вершинина*

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ
В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ.
СПОСОБЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
(ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ)**

На официальном сайте МВД России ежедневно обновляется информация по преступлениям, совершаемым в последнее время. По нашему мнению, рассматривая способы борьбы с преступностью, необходимо выделить такое явление, как чрезвычайное обстоятельство. Что подразумевается под этим определением? Каким образом следствие данных событий может влиять на преступность? В первой части статьи постараемся исследовать проблемы, вызванные данным явлением, кроме того, проанализируем преступность при возникновении чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС).

Чрезвычайное обстоятельство представляет собой негативное событие, вызванное источником ЧС либо массовыми беспорядками и приведшее к гибели людей или угрозе их жизни и здоровью, ущербу государственной и другим видам собственности, личному имуществу граждан и окружающей природной среде на определенной территории.

В настоящее время нередко случаи возникновения чрезвычайных обстоятельств, при которых сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с совершенно новой органи-

зацией работы. В условиях чрезвычайных обстоятельств граждане страдают не только от природных, техногенных и иных бедствий, но и от противоправной деятельности других лиц. Чрезвычайные обстоятельства влекут тяжкие последствия, такие как повышение степени общественной опасности преступлений, общественные бедствия, усложнение расследования и раскрытия преступлений.

Главой 2 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» [1], а также Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [2] определяются обстоятельства, представляющие непосредственную угрозу безопасности и жизни граждан или конституционному строю РФ. Сотрудники ОВД руководствуются положениями Федерального закона «О полиции» [3], Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД») [4].

К видам чрезвычайных обстоятельств относятся:

- захват важных объектов, заложников, собственных объектов органов внутренних дел;
- блокирование транспортных коммуникаций;
- возникновение массовых беспорядков, вооруженного мятежа, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;
- появление на определенной территории незаконных вооруженных формирований, банд, вооруженных и особо опасных преступников и т. д.

При чрезвычайных обстоятельствах деятельность правоохранительных органов существенно отличается от обычной обстановки, в которой ранее действовали сотрудники. Организация работы сотрудников МВД России изменяется кардинальным образом в зависимости от сложившейся обстановки, с привлечением дополнительных сил и средств, а также во взаимодействии с войсками Росгвардии, войсковыми подразделениями. В сложившейся обстановке усилия правоохранительных органов направляются на выполнение общей цели —

выявление и раскрытие преступлений, а также выявление, установление и розыск лиц, их совершивших.

Для противоправных деяний, совершаемых в условиях чрезвычайных обстоятельств, *характерно*:

- оказание вооруженного сопротивления представителям власти, которое зачастую перерастает в посягательство на их жизнь и здоровье;

- значительный рост тяжких преступлений, таких как посягательство на личность;

- увеличение количества преступлений с использованием огнестрельного оружия, а также его хищение;

- высокий уровень латентности преступлений;

- многочисленность и одновременность совершаемых преступлений.

Рассмотрим подробно *элементы обстановки совершения преступлений* на примере стихийных бедствий и техногенных катастроф. К таким элементам следует относить материально-физические объекты, месторасположение физических объектов, природно-климатические процессы, физическое состояние объектов, временные параметры, циклические природные процессы, особенности преступников (нравственные, психологические, уголовно-правовые, социальные), поведение потерпевших (провоцирующее или нейтральное) и их взаимоотношения с преступником (незнакомы или знакомы), биологическое состояние животного мира [5, с. 222].

В соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ совершение преступления при чрезвычайном положении с использованием условий стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках признаетсяотячающим обстоятельством. Обстановка совершения противоправного деяния прямо влияет на тяжесть и квалификацию деяний преступника.

В сложившихся условиях эффективным способом борьбы с преступностью является ОРД сотрудников правоохранительных органов, которая реализуется путем проведения ОРМ, представляющих комплекс действий, направленных для решения конкретных задач. Целью проведения данных мероприя-

тий является получение оперативной информации, ее эффективное использование, направленное на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

В статьях 1, 2 ФЗ «Об ОРД» закреплена обязанность оперативных подразделений выявлять и устанавливать лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления [4]. Для эффективной работы правоохранительных органов используются негласные методы работы, которые позволяют в кратчайшие сроки пресечь противоправные действия, а также установить всю необходимую информацию. Применяя негласные методы работы, сотрудники зачастую сталкиваются с недостаточностью и противоречивостью информации, а также элементами внезапности.

Стоит отметить, что ОРМ, перечисленные в ст. 6 ФЗ «Об ОРД», следует применять в зависимости от произошедшего чрезвычайного обстоятельства. Так, криминальные чрезвычайные условия, присущие определенной группе правонарушений, отличаются от чрезвычайных обстоятельств, при которых они были совершены.

К наиболее значимым ОРМ, осуществляемым при чрезвычайных обстоятельствах, можно отнести:

- наблюдение, представляющее целенаправленное, систематическое, непосредственное визуальное или опосредованное (с использованием оперативно-технических средств) восприятие и фиксацию значимых для ОРД событий, явлений, фактов, процессов;

- обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;

- контроль почтовой корреспонденции;

- прослушивание телефонных переговоров лиц, причастных к условиям возникновения чрезвычайных обстоятельств.

При возникновении чрезвычайных обстоятельств допускается ограничение прав и свобод граждан, которое по своей сути является вынужденным, необходимым, но объективно обусловленным средством обеспечения общественной безопасности и общественного порядка.

Эффективность предупреждения и пресечения противоправной деятельности во многом зависит от уровня подготовки сотрудников правоохранительных органов к действиям в сложных ситуациях, знания законодательства и умения его правильно использовать в целях обеспечения правопорядка.

Целями применения законодательства являются:

- стимулирование законопослушного поведения населения, пресечение противоправных деяний, организация индивидуальной и общей профилактики;
- устранение причин и условий возникновения ситуации, вызванной действием физических лиц;
- обеспечение охраны законных прав и интересов граждан, общества и государства;
- обеспечение неотвратимости ответственности за деяния, ставшие причиной или результатом события;
- ликвидация последствий, стабилизация ситуации, локализация очагов возникновения события;
- обеспечение безопасности участников охраны правопорядка.

Рассматривая оперативно-розыскные меры противодействия преступности, нельзя не упомянуть и о преступности при ЧС.

Спецификой ЧС является ее непредсказуемый и непрогнозируемый характер возникновения. Из этого следует, что возникновение ЧС практически всегда не поддается предупреждению. Катастрофы, аварии, стихийные бедствия могут сопровождаться человеческими жертвами, нанесением ущерба здоровью человека, а также нарушением нормального функционирования системы органов государственной власти и местного самоуправления.

В 2021 г. на территории РФ, согласно статистическим данным, приведенным в Государственном докладе «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2021 году», произошло 386 ЧС (рис.).

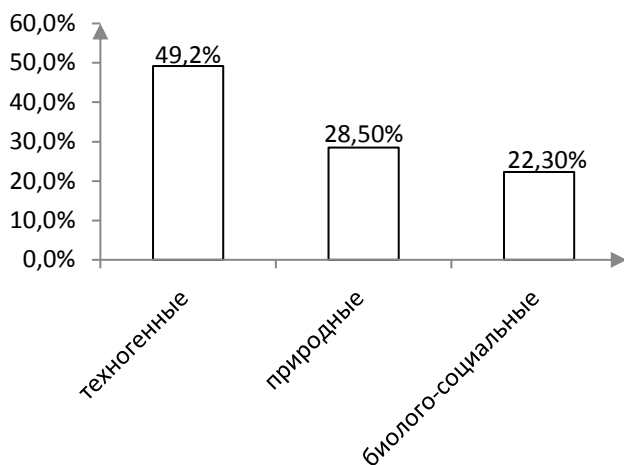

Рис. Чрезвычайные ситуации на территории Российской Федерации в 2021 г.

Общее количество погибших при ЧС в 2021 г. составили 529 человек, пострадавших — 49 698 человек, в 2020 г. количество погибших — 326 человек и 6 257 человек соответственно [5].

Приведенная статистика подтверждает актуальность исследуемой темы, поскольку мы наблюдаем существенный прирост ЧС, связанных с риском для жизни и здоровья граждан.

При анализе преступлений, совершаемых во время ЧС, первоначально следует обратить внимание на определяющие элементы обстановки при данных преступлениях. Например, И. Н. Букаева к основной форме обстановки относит предметы материального мира, проявляющиеся в виде местоположения материальных объектов, природных процессов, временных состояний [6].

К типичным элементам обстановки во время совершения преступлений во время ЧС относятся:

— материальные объекты (растительность, ландшафт местности, здания и сооружения, техническое оборудование и механизмы, транспорт, линии связи и т. д.);

- местоположение объектов (город или село, лес или поле, равнина или холм, открытая или закрытая территория);
- состояние материальных объектов (особенности работы оборудования, целостность объектов);
- состояние животного мира (нормальное, кризисное, критическое);
- природно-климатические процессы (пожары, наводнения, оползни, землетрясения, ураган и т. д.);
- время (ночное или дневное);
- особенности функционирования объектов (водо- и газоснабжение, условия и возможности транспортировки);
- характеристика лиц, совершивших преступление (их количество, использование ими оружия, подручных средств или иных предметов).

По общему правилу *преступления, связанные с условиями ЧС*, делятся на две группы:

1) преступления, в результате которых создаются условия ЧС, приводящие к последствиям, связанным с риском причинения вреда и жизни гражданам, а также объектам животного мира. При этом стоит учитывать, что возникшие в результате преступления условия могут способствовать совершению новых преступлений;

2) преступления, совершаемые во время условий ЧС (убийства, кражи и т. д.).

Другой спецификой данных преступлений являются особенности расследования преступлений при ЧС. Так, в регионе может вводиться особый правовой режим. Обычно он представляет собой режим чрезвычайного положения. Его главная цель — создать условия, способствующие стабилизации обстановки, и обеспечить восстановление законности и правопорядка. В рамках мероприятий по восстановлению законности как раз и проводится расследование преступлений, послуживших причиной или иным образом связанных с данными обстоятельствами, именно поэтому введение особого правового режима способствуют расследованию преступлений.

Особенности общественных отношений, складывающихся в результате ЧС, обуславливают использование специальных методик расследования преступлений. В связи с этим предлагается составить соответствующую структуру расследования преступлений при ЧС.

В структуру методики расследования преступлений во время ЧС входит:

- возбуждение уголовного дела и сбор первичных сведений о событии преступления;
- особенности формирования доказательств, тактики доказывания;
- организация следственных действий;
- производство по уголовным делам на следующих этапах [7].

Необходимо обратить внимание на то, что в данной структуре отсутствуют такие элементы, как основания, криминалистическая характеристика, профилактика преступлений. Данное обстоятельство связано с особенностями производства уголовных дел в ЧС.

Подводя итог, следует отметить, что чрезвычайное обстоятельство представляет собой негативное событие, вызванное массовыми беспорядками и иными негативными событиями, приводящими к гибели людей либо угрозе их жизни и здоровью, материальному ущербу как для физических и юридических лиц, так и окружающей природной среде на определенной территории. Эффективное проведение комплекса ОРМ при возникновении чрезвычайных обстоятельств направлено на предупреждение нарушений общественного порядка, выявление преступлений, обеспечение нормальной жизнедеятельности общества и государства, а также обеспечение гарантий прав граждан.

Примечания

1. О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2022).

2. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2022).

3. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2022).

4. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2022).

5. О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2021 году: государственный доклад // МЧС России. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/5946> (дата обращения: 20.07.2022).

6. *Букаева И. Н.* Обстановка совершения преступления, получение и использование информации о ней при расследовании уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2020.

7. *Григорьев В. Н.* Структура теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. №. 2. С. 330–333.

Ю. С. Макарова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
к.э.н., доцент *Д. В. Назарычев*

ОЦЕНКА РИСКА НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ ОРГАНИЗАЦИИ ПУТЕМ РАСЧЕТА ПОКАЗАТЕЛЕЙ «НАЛОГОВАЯ НАГРУЗКА» И «РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ»

Налоги — это один из источников финансовых средств государства. За I квартал 2022 г. в бюджетную систему РФ поступило 10,2 трлн рублей, из них:

- в федеральный бюджет — 47,5 %;
- консолидированные бюджеты субъектов РФ — 33,4 %;
- бюджеты государственных внебюджетных фондов — 19,1 % (рис. 1).

Рис. 1. Налоговые поступления за I квартал 2022 г.

Для обеспечения полноценного пополнения доходной части бюджета ФНС проводит налоговые контроль.

Каждая организация проходит несколько форм налогового контроля, одна из которых — налоговая проверка (комплекс мероприятий, направленных на контроль за соблюдением действующего налогового законодательства). Существуют два вида налоговых проверок: камеральная и выездная.

Камеральная налоговая проверка — проверка соблюдения налогового законодательства на основе налоговой декларации и документов, которые предоставил налогоплательщик; выездная (далее — ВНП) — проверка, проводимая на территории налогоплательщика; предметами проверки являются правильность исчисления и своевременность уплаты налогов.

Основным НПА для проведения выездных налоговых проверок является приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (далее — Приказ).

ФНС России проводит проверки на основании показателей работы организаций. В план проведения налоговых проверок попадают те юридические лица, которые были отобраны ФНС с учетом финансово-экономических показателей, представленных на рис. 2.

Рис. 2. Финансово-экономические показатели для отбора проведения налоговой проверки

При планировании ВВП налоговый орган руководствуется значениями общедоступных критериев [1]. Один из критериев — это налоговая нагрузка. Если нагрузка ниже, чем средний уровень по хозяйствующим субъектам в выбранной отрасли (в выбранном виде экономической деятельности), то вероятность проведения ВВП увеличивается.

С февраля 2019 г. на сайте ФНС России начал работу электронный сервис «Прозрачный бизнес». Данный сервис дает возможность просмотреть бухгалтерскую отчетность и отчет о финансовых результатах любой организации РФ. Существует и еще одна платформа — «Налоговый калькулятор по расчету налоговой нагрузки», с помощью которой можно узнать, какие суммы налогов ожидаются к начислению по любому виду деятельности, а также получить информацию об уровне рентабельности организации. Используя вышеуказанные сервисы, рассмотрим отчетность за 2021 г. организаций А и Б.

Организация А зарегистрирована в г. Москве, а Б — в Нижнем Новгороде. Основной вид экономической деятельности 31.0 — производство мебели.

Используя сервис «Прозрачный бизнес», рассмотрим основные показатели организации А (микропредприятие), представленные в таблице 1.

Таблица 1

Основные финансово-экономические показатели организации А

Наименование показателя	2021 г., тыс. рублей
Выручка	26 530
Расходы по обычной деятельности	25 690
Прочие расходы	19

Окончание таблицы 1

Прочие расходы	130
Налоги и прибыль	280
Чистая прибыль	449

Используя сервис «Налоговый калькулятор по расчету налоговой нагрузки», рассчитаем показатели налоговой нагрузки и сравним их со среднеотраслевыми показателями (табл. 2).

Таблица 2

**Расчет показателей налоговой нагрузки
организации «А»**

Показатель налоговой нагрузки, %	Средне- отраслевая	Фактическая	Отклонение
Совокупная нагрузка	4,06	1,54	- 2,52
Нагрузка по налогу на прибыль	0,34	1,05	+ 0,71
Нагрузка по НДС	3,11	0,49	- 2,62

Совокупная налоговая нагрузка рассчитывается по формуле: (Сумма налогов и сборов за календарный год по данным отчетности / Общий доход организации) • 100 % [2, с. 151–157].

Если у организации показатели ниже средних, то есть риск попасть в план проведения ВМП. При анализе совокупной нагрузки организации А видно, что отклонение от среднеотраслевого показателя в 2,52 %.

Следующим критерием для оценки налоговой нагрузки выступает уровень рентабельности. Он рассчитывается как отношение прибыли (убытка) от продаж к выручке (нетто) от продажи товаров, продукции, работ, услуг (за минусом НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) умноженное на 100 % [3, с. 87–91].

В таблице 3 показан расчет рентабельности продаж организации А. Также сервис предоставляет среднюю заработную плату в месяц для подобных организаций в данной отрасли.

Таблица 3

Расчет рентабельности продаж организации А

Наименование показателя	Среднеотраслевой индикатор	Фактический расчет
Прибыль от продаж	—	449
Выручка от продаж	—	26 530
Рентабельность продаж, %	2,20	1,69
Средняя заработная плата, <i>рублей в месяц</i>	33 090	—

Показатель рентабельности продаж в организации А ниже среднеотраслевого показателя на 0,51 %. В Приказе указано, что отклонение в сторону уменьшения рентабельности от среднеотраслевого показателя может быть не более 10 %.

Таким образом, проведенный расчет двух показателей: «налоговая нагрузка» и «рентабельность», у организации А свидетельствует о том, что один из показателей оценки налоговой нагрузки ниже среднеотраслевой, однако другие критерии не были нарушены. Для полной оценки риска включения в план ВМП можно воспользоваться общедоступными критериями для отбора объектов для проведения выездных налоговых проверок (приложение 2 к Приказу).

Для сравнения рассмотрим организацию Б, которая в отличие от А зарегистрирована и ведет бизнес в Нижнем Новгороде. Используя сервисы ФНС России, выпишем основные финансово-экономические показатели организации Б (табл. 4).

Таблица 4

**Основные финансово-экономические показатели
организации Б**

Наименование показателя	2021 г., тыс. рублей
Выручка	22 724
Расходы по обычной деятельности	16 701
Прочие расходы	3
Прочие расходы	2 957
Налоги и прибыль	111
Чистая прибыль	2 958

Используя данные таблицы 4 и сервис ФНС России «Налоговый калькулятор», рассчитаем показатели совокупной налоговой нагрузки и рентабельности продаж у организации Б в сравнении с А (табл. 5).

Таблица 5

**Расчет показателей налоговой нагрузки
и рентабельности организации Б в сравнении с А**

Показатель налоговой нагрузки, %	Среднеот- раслевая	Фактиче- ская Б	Фактиче- ская А	Откло- нение
Совокупная нагрузка	2,45	0,49	1,54	1,05
Рентабель- ность продаж	2,46	13,01	1,69	11,32

Таким образом, совокупная налоговая нагрузка двух организаций, занимающихся производством мебели, не особо различается (отклонение в 1,05 %), а вот рентабельность у организации Б лучше: ее показатель составляет 13,01 %. Это означает средний показатель: компания способна работать стабильно, в отличие от А (ее показатель говорит о том, что необходимо принимать меры для повышения уровня рентабельности).

Основные показатели, указанные в таблицах 1 и 4, организаций А и Б свидетельствуют о том, что компании находятся почти на одном уровне по их выручке, однако бизнес, организованный на территории Нижнего Новгорода, эффективнее и стабильнее, возможно из-за меньшей конкуренции.

На рис. 3 показано регулирование налоговой нагрузки организаций в виде схемы, на которой выделены методы, цель, основа взаимодействия с бизнесом, инструментарий и результат. Применяя общепринятые административные и экономические методы при регулировании налоговой нагрузки, можно достичь соответствующие цели: обеспечение плановых поступлений налоговых доходов бюджета и экономической активности организаций, используя инструменты в виде автоматизации администрирования и аналитические методы, и в ко-

нечном счете получить следующий результат: ликвидацию теневого сектора экономики и стимулирование определенного экономического поведения организаций.

Рис. 3. Методы регулирования налоговой нагрузки организаций

ФНС России использует различные методы и инструменты, чтобы организации самостоятельно могли проверить себя на риск отбора для проведения выездных налоговых проверок. Это продемонстрировал представленный сервис «Налоговый калькулятор по расчету налоговой нагрузки». Налоговые органы, как и организации, заинтересованы в сокращении ВВП. Наполняемость доходной части бюджета государства важна для ФНС, а главная цель налогоплательщиков — отсутствие

доначислений налогов и пени, то есть минимизация риска налоговой проверки.

Таким образом, приведенный пример расчета показателей «налоговая нагрузка» и «рентабельность» может помочь как начинающему, так и опытному бизнесу оценить степень риска проведения налоговой проверки со стороны ФНС России.

Примечания

1. Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок: приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 01.10.2022).

2. *Назарычев Д. В., Трофимов О. В.* Роль налогового контроля в обеспечении экономической безопасности России: критический взгляд // На страже экономики. 2020. № 2 (13).

3. *Эриашвили Н. Д., Софьин А. А., Назарычев Д. В.* Налоговый мониторинг как способ обеспечения экономической безопасности // На страже экономики. 2020. № 3 (14).

И. С. Николаев,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *А. Ю. Чупрова*

**ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛИЦАМ, ЗАНИМАЮЩИМ
ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ,
В СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР**

1 апреля 2019 г. в структуру Особенной части Уголовного кодекса РФ была включена новая статья — 210¹ «Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии».

Учитывая наличие исторических взаимосвязей, проблемы уголовно-правового противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в частности «ворам в законе», являются актуальными не только для России, но и для других стран постсоветского пространства. В связи с этим в рамках представленной статьи планируется провести сравнительный анализ зарубежного уголовного законодательства, определяющего ответственность рассматриваемой категории субъектов.

Статьи, по содержанию аналогичные ст. 210¹ УК РФ, предусмотрены в уголовных кодексах Республики Украины, Республики Армении, Кыргызской Республики и Грузии.

Так, ч. 3 ст. 255.1 Уголовного кодекса Республики Украины устанавливает ответственность лица, находящегося в статусе субъекта повышенного преступного влияния, в том числе в статусе «вор в законе», за умышленное установление или распространение в обществе преступного влияния, в том числе

совершенные повторно или в изоляторах временного содержания, следственных изоляторах или учреждениях исполнения наказаний, с наказанием в виде лишения свободы на срок от 12 до 15 лет с конфискацией имущества [1].

В 2020 г. Уголовный кодекс Республики Армения был дополнен ст. 223.1, в соответствии с которой предоставление или получение, или сохранение высшего статуса в криминальной иерархии наказываются лишением свободы на срок от 7 до 10 лет с конфискацией имущества или без таковой [2].

Часть 3 ст. 261 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (введена в действие законом Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 126) определяет в качестве уголовно наказуемых действия (бездействия) по признанию, подтверждению или не отрицанию занятия положения (статуса) в криминальной иерархии либо в организованной группе. В качестве наказания предусмотрено лишение свободы на срок от 7 до 10 лет с конфискацией имущества [3].

Полномочный представитель Президента РФ в Государственной Думе Федерального Собрания РФ Г. В. Минх считает, что ст. 210¹ УК РФ — это прямой аналог ч. 2 ст. 223.1 Уголовного кодекса Грузии, согласно которой за «пребывание в положении “вора в законе” физическое лицо наказывается лишением свободы на срок от девяти до пятнадцати лет, штрафом или без такового» [4].

По сравнению с российским уголовным законодательством, преимуществом представленных составов преступлений в законодательстве Украины, Армении, Кыргызии и Грузии, является наличие разъяснений по вопросу определения субъектов. В примечании к ст. 255 УК Республики Украины указано, что под лицом, находящимся в статусе субъекта повышенного преступного влияния, в том числе в статусе «вор в законе», следует понимать лицо, которое благодаря авторитету, другим личным качествам или возможностям, осуществляет преступное влияние и координирует преступную деятельность других лиц, осуществляющих преступное влияние [1].

Согласно ч. 2 ст. 223.1 УК Республики Армения лицом, имеющим высший статус в криминальной иерархии (вор в законе или криминальный авторитет), признается лицо, которое считается авторитетом согласно правилам поведения, установленным и признанным группировкой, являющейся носителем криминальной субкультуры, и дающее инструкции по осуществлению целей, преследуемых группировкой, являющейся носителем криминальной субкультуры, а также организует собрания группировки, являющейся носителем криминальной субкультуры, или участвует в них либо организует или осуществляет сбор денежных средств (в том числе посредством азартных игр), или распоряжается незаконной выгодой, полученной посредством группировки, являющейся носителем криминальной субкультуры, или совершает иные действия, направленные на осуществление целей, преследуемых группировкой, являющейся носителем криминальной субкультуры [2].

В соответствии со ст. 1 Закона Кыргызской Республики от 29 мая 2013 г. № 82 «О противодействии организованной преступности» лидером организованной группы, преступного сообщества (преступной организации) и банды признается лицо, пользующееся признанным авторитетом в криминальной иерархии, обладающее более высоким положением и личностным влиянием на координацию и организацию деятельности организованных преступных групп, преступных сообществ (преступных организаций), вооруженных групп (банд), обеспечивающее формирование и структурное построение таких групп или сообществ [5].

Кроме того, в вышеуказанном законе Кыргызской Республики раскрывается такое важное понятие, как «криминальная иерархия». Это система взглядов и оценок о положении (статусе или роли) лица в организованных преступных группах, преступных сообществах (преступных организациях), вооруженных группах (бандах).

В Законе Грузии от 20 декабря 2005 г. № 2354 «Об организованной преступности и рэкете» раскрываются такие криминальные дефиниции, как «вор в законе» и «воровское сообщество».

щество». Под воровским сообществом понимается любая общность лиц, условившаяся осуществлять деятельность воровского сообщества. Вор в законе — лицо, которое в любой форме осуществляет управление или (и) организацию «воровского сообщества» или с использованием методов деятельности «воровского сообщества» осуществляет управление или (и) организацию определенной группы лиц [6].

В некоторых государствах ответственность рассматриваемой категории субъектов закреплена в качестве квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков составов преступлений, связанных с организацией преступного сообщества (преступной организации).

В соответствии с ч. 5 ст. 263 Уголовного кодекса Республики Казахстан лицо, занимающее лидирующее положение среди руководителей организованных групп (преступных организаций), наказывается лишением свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества за совершение деяний, предусмотренных ч. 1, 2 или 3 настоящей статьи [7].

В части 32 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан описано понятие лица, занимающего лидирующее положение. Это лицо, наделенное руководителями организованных групп (преступных организаций) полномочиями по координации преступных действий, либо лицо, за которым члены группы признают право брать на себя наиболее ответственные решения, затрагивающие их интересы и определяющие направление и характер их преступной деятельности.

В части 5 ст. 255 Уголовного кодекса Республики Украины предусмотрена ответственность лица, которое осуществляет преступное влияние или является лицом, которое находится в статусе субъекта повышенного преступного влияния, в том числе в статусе «вор в законе» за создание преступной организации, руководство такой организацией или ее структурными частями, за участие в преступной организации, а также за создание преступного сообщества, руководство таким сообществом [1].

В части 4 ст. 275 Уголовного кодекса Туркменистана предусмотрена ответственность за создание объединения руководителей преступных структур (организованной группы, преступного сообщества и иных преступных структур, в том числе их транснациональных структур для совершения преступления) или их участников, а равно координация их действий, с назначением наказания в виде лишения свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет с конфискацией имущества. В соответствии с ч. 5 ст. 275 Уголовного кодекса Туркменистана руководство объединением, указанным в ч. 4 настоящей статьи, или активное участие в его деятельности, наказываются лишением свободы на срок от 15 до 25 лет с конфискацией имущества [8].

В части 3 ст. 223 Уголовного кодекса Республики Армении предусмотрена ответственность лица, имеющего высший статус в криминальной иерархии, за создание преступного сообщества или руководство преступным сообществом или участие в преступном сообществе.

К слову, впервые в Уголовном кодексе РФ понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» появилось в 2009 г. в ч. 4 ст. 210 в качестве особо квалифицирующего признака.

В отдельных государствах, таких как Республике Беларусь, Республике Молдова, Азербайджанской Республике, Республике Таджикистан, Республике Узбекистан, Латвийской Республике, Эстонской Республике и Литовской Республике, о лицах, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в уголовном законодательстве не упоминается. Указанное обстоятельство не означает, что в перечисленных государствах не уделяется внимание противодействию организованной преступности в целом. Об этом свидетельствуют закрепление в соответствующих уголовных кодексах составов преступлений, связанных с организацией преступного сообщества (преступной организации), а также принятие специальных законов, регламентирующих меры по борьбе с организованной преступностью.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь в части, касающейся уголовно-правового противодействия организованной преступности, имеется ст. 285 «Создание преступной организации либо участие в ней», также принят Закон Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. № 244-З «О борьбе с организованной преступностью», где рассмотрены общие положения, касающиеся противодействия организованной преступности, но не акцентируется внимание на лицах, занимающих высшее положение в преступной иерархии [9].

В соответствии со ст. 284 Уголовного кодекса Республики Молдова уголовная ответственность наступает за создание преступной организации или руководство ею [10]. В Законе Республики Молдова от 22 марта 2012 г. № 50 «О предупреждении и борьбе с организованной преступностью» про лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, также не упоминается [11].

Согласно ст. 218 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики, ст. 242 Уголовного кодекса Республики Узбекистана, ст. 187 Уголовного кодекса Республики Таджикистана предусмотрена ответственность за организацию преступного сообщества. Также действует Закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2013 г. № 1038 «О борьбе с организованной преступностью».

По результатам проведенного сравнительного анализа считаем целесообразным использовать опыт уголовно-правового противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, отдельных государств постсоветского пространства.

На наш взгляд, наиболее эффективно уголовно-правовое противодействие лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, организовано в Грузии. После распада СССР большинство союзных воров в законе проживали именно в Грузии. По данным МВД Грузии на 2003 г., в стране с населением 4,5 млн человек насчитывалось 349 воров в законе [12].

Ю. В. Трунцевский и А. Н. Сухаренко утверждают, что меры, принятые в Грузии, позволили привлечь к ответственным

ности 176 воров в законе, что говорит об их эффективности [13, с. 43–47.].

Одной из проблем привлечения к уголовной ответственности по ст. 210¹ «Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии» УК РФ является наличие оценочных понятий, таких как «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» и «преступная иерархия», четких определений которых нет ни в тексте Уголовного кодекса, ни в федеральных законах, ни в актах толкования ВС РФ.

Что касается разъяснения понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», то за основу можно взять аналогичные определения понятий, используемых в Уголовном кодексе Республики Украины («лицо, находящееся в статусе субъекта повышенного преступного влияния»), Уголовном кодексе Республики Казахстан («лицо, занимающее лидирующее положение среди руководителей организованных групп (преступных организаций)»), Уголовном кодексе Армении («лицо, имеющее высший статус в криминальной иерархии»), и Законе Грузии «Об организованной преступности и рэке» («вор в законе»).

По вопросу определения «преступной иерархии» возможно обратиться к опыту Кыргызской Республики (определение понятия «криминальная иерархия»).

Вопрос использования при формулировании уголовно-правовых норм выражений, употребляемых в разговорной речи (например, «вор в законе»), является дискуссионным. Опыт законодательства Грузии, Армении и Украины показал, что задействие криминологических понятий при формулировании уголовно-правовых норм допустимо при условии доступного разъяснения употребляемых терминов.

По нашему мнению, раскрытие оценочных понятий, используемых в ст. 210 и 210¹ УК РФ, путем указания их в отдельном законе (по опыту Грузии) либо в примечании к соответствующей статье Уголовного кодекса (УК Армении и УК Украины) в настоящее время актуально и является необходимым условием эффективного правоприменения указанных норм.

Примечания

1. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. (с изм. и доп., по состоянию на 28 июля 2022 г.) // ПАРАГРАФ: информационная система. URL: <https://online.zakon.kz/Continent/> (дата обращения: 16.10.2022).

2. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6973&lang=rus> (дата обращения: 16.10.2022).

3. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 декабря 2021 г. в соответствии с Законом Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 126 (с изм. и доп., по состоянию на 9 августа 2022 г.) // ПАРАГРАФ: информационная система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 16.10.2022).

4. Стенограммы обсуждения законопроекта № 645492-7. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/645492-7> (дата обращения: 16.10.2022).

5. О противодействии организованной преступности: закон Кыргызской Республики от 29 мая 2013 г. № 82 // ПАРАГРАФ: информационная система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31400673 (дата обращения: 16.10.2022).

6. Об организованной преступности и рэкете: Закон Грузии от 20 декабря 2005 г. № 2354 // Законодательный Вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1> (дата обращения: 16.10.2022).

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан: принят 3 июля 2014 г. (с изм. и доп., по состоянию на 12 сентября 2022 г.) // ПАРАГРАФ: информационная система. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 16.10.2022).

8. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. (с изм. и доп., по состоянию на 13 ноября 2021 г.) // ПАРАГРАФ: информационная система. URL: <https://online.zakon.kz/Continent/> (дата обращения: 16.10.2022).

9. О борьбе с организованной преступностью: закон Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. № 244-З (с изм. и доп., по состоянию на 12 декабря 2013 г.) // ПАРАГРАФ: информационная система. URL: <https://online.zakon.kz/Continent/> (дата обращения: 16.10.2022).

10. Уголовный кодекс Республики Молдова: введен в действие Законом Республики Молдова от 21 июня 2002 г. № 1160-XV (с изм. и доп., по состоянию на 29 июля 2022 г.) // ПАРАГРАФ: информационная система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 16.10.2022).

11. О предупреждении и борьбе с организованной преступностью: закон Республики Молдова от 22 марта 2012 г. № 50. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31203581 (дата обращения: 16.10.2022).

12. *Глonti Г., Лобжанидзе Г.* Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе): монография. URL: <https://textarchive.ru/c-2022741-pall.html> (дата обращения: 16.10.2022).

13. *Трунцевский Ю. В., Сухаренко А. Н.* Правовое регулирование борьбы с «ворами в законе» в странах СНГ // Международное публичное и частное право. 2016. № 2.

Д. П. Простякова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ *А. П. Кузнецов*

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В настоящее время имеется огромный потенциал развития сферы кредитно-денежных отношений, поскольку российская система обеспечения экономических процессов, впрочем, как и в другие сферы жизни общества, проходит мощнейший этап цифровизации. Данный факт в большой степени влияет на изменение или дополнение нормативной правовой базы реализуемых проектов. Все это требует формирования абсолютно нового, в большей степени научного подхода к правильному толкованию и применению на практике норм закона [1, с. 5]. В связи с этим появляется много способов совершения различного рода нарушений, в том числе преступлений, что порождает у сотрудников правоохранительных органов определенные проблемы в выявлении и последующей квалификации противоправных деяний. К одному из таких преступлений относится незаконная банковская деятельность.

Одним из основополагающих документов, регламентирующих деятельность банков и банковских учреждений, является Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [2]. В нем указываются правовые основания осуществления указанной деятельности, а также порядок и условия выдачи лицензии.

Статья 172 УК РФ предусматривает ответственность за совершение такого противоправного деяния, как незаконная банковская деятельность [3]. Для выявления проблем квалификации преступлений, тем или иным образом подпадающих под признаки ст. 172 УК РФ, проведем подробный комплексный анализ каждого из элементов состава исследуемого преступления.

Первостепенно определим объекты исследуемого преступления. Под родовым объектом будем понимать сферу экономики, а именно противозаконные действия, посягающие на ее нормальное и стабильное функционирование. Видовой объект данного преступления представлен умышленными противоправными действиями, направленными на нарушение осуществления государственными органами и негосударственными организациями, индивидуальными предпринимателями экономической деятельности. Несложно заметить, что оба объекта имеют практически аналогичную область действия.

Что касается непосредственного объекта, то здесь, исходя из законодательного толкования нормы, совершаемыми преступными действиями будет причиняться ущерб конкретному интересу или какому-либо благу [4, с. 109–112].

Обратимся к объективной стороне изучаемого преступления. В диспозиции статьи четко определено, что относится к данному элементу состава преступления (см. рис. 1).

**Рис. 1. Виды объективной стороны
незаконной банковской деятельности**

Из рис. 1 следует, что для установления противоправности совершаемого деяния, а именно незаконной банковской деятельности, следует выявить факт осуществления таковой деятельности без регистрации или же в отсутствии специального разрешения (лицензии).

Определим, что подразумевается под понятиями «банковская деятельность» и «банковские операции».

Анализ статей Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» позволяет сделать вывод об отсутствии конкретно закрепленного термина «банковская деятельность», что затрудняет процесс выявления и расследования такого рода противоправных действий. Если обратить внимание на теоретические основы уголовно-правовых дисциплин и научные труды ученых в сфере банковского права, то можно заметить множественный плюрализм дефиниции «банковская деятельность».

К. Т. Трофимов дал следующее неоднозначное и довольно лаконичное определение изучаемой нами дефиниции: банковская деятельность является деятельностью, осуществляемой в рамках банковского законодательства, требующее наличие лицензии или специального разрешения, на рынке кредитно-финансовых услуг в качестве связующего звена в процессе получения кредита и формировании капитала клиентов [5].

По мнению О. М. Олейника, банковская деятельность — это непрерывный и комплексный процесс совершения сделок и осуществления различного рода операций, которые в будущем приносят прибыль.

Несмотря на многообразие определений, в большинстве своем имеются схожие, иногда повторяющиеся признаки банковской деятельности: это возможность совершения банковских операций и проведение банковских сделок [6].

Что касается банковских операций, то к ним относятся следующие операции, регламентированные уголовным законодательством РФ (см. рис. 2) [2].

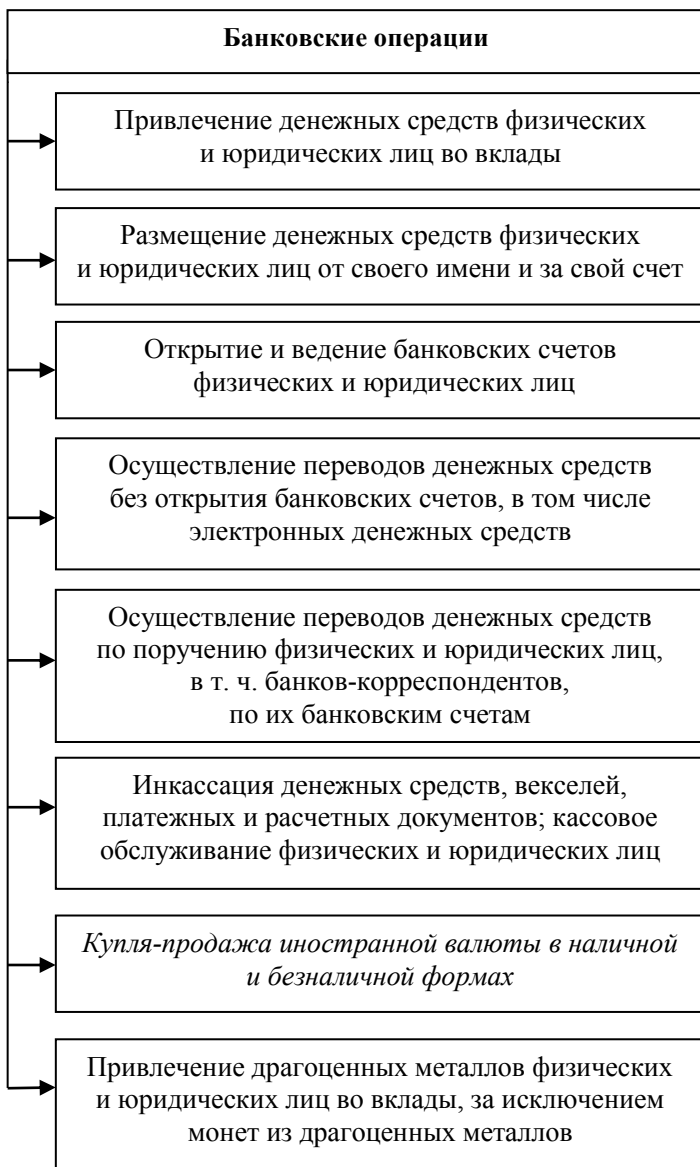

Рис. 2. Виды банковских операций в соответствии с законодательством Российской Федерации

Таким образом, преступление будет инкриминироваться по ст. 172 УК РФ, если совершающие его лица или организации будут выполнять операции, подлежащие обязательному лицензированию Центральным Банком РФ (далее – ЦБ РФ). Иными словами, указанные на рис. 2 положения будут являться признаками объективной стороны преступного деяния, так как подразумевают выполнение определенных действий, направленных на достижение преступного замысла.

Следующей проблемой, которая возникает у многих правоприменителей, занимающихся выявлением и расследованием преступлений в сфере банковской деятельности, является двоякость формулировки диспозиции статьи в разрезе определения субъекта совершенного преступления. Уже на данном этапе возникает вопрос: «Кого рассматривать в качестве исполнителя-субъекта, физическое лицо, совершившее преступление или же физическое лицо, обладающее специальными полномочиями или должностными обязанностями и совершившее преступление?».

Исходя из логики диспозиции ст. 172 УК РФ, субъектом может быть исключительно физическое лицо, обладающее должностными полномочиями в области осуществления банковских операций, однако анализ доктринальных позиций выдающихся ученых и специалистов в области уголовного права позволяет сделать вывод о выделении двух абсолютно противоположных направлений в определении субъекта незаконной банковской деятельности.

Б. А. Смагоринский и А. В. Щелконогов считают, что субъектом исследуемого преступления выступает физическое лицо, обладающее реальной возможностью осуществления операций в банке и имеющее на это право в соответствии с должностной инструкцией [7, с. 107–112]. Иными словами, субъект — специальный. Такие выводы подкреплены ФЗ «О банках и банковской деятельности», в котором закреплено положение о том, что банковскую деятельность может производить только юридическое лицо. Следовательно, исходя из принципов и норм уголовного закона, юридическое лицо фак-

тически не может быть привлечено к уголовной ответственности за любые совершаемые противоправные деяния. Так как организация или юридическое лицо абсолютно точно имеет директора или руководителя, то привлекаться к ответственности будет физическое лицо, осуществляющее организационно-распорядительные функции, то есть имеющее полномочия на проведение банковских операций.

Проведем анализ приговора Чертановского районного суда города Москвы от 15 октября 2014 г., в соответствии с которым к уголовной ответственности по п. «а», «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ были привлечены гражданин Г.Ш.Н. и гражданка Н.О.А. [8].

Гражданин Г.Ш.Н. совместно с гражданкой Н.О.А. создали организованную преступную группу. В последующем в собственных преступных целях они создали подконтрольные формально легитимные организации. Далее, не имея лицензии, производили незаконные расчетные банковские операции по счетам юридических лиц, с последующим взиманием определенного процента за осуществляемые противоправные действия в интересах своих клиентов. Иными словами, обвиняемые лица занимались умышленной организованной преступной деятельностью с целью извлечения личной выгоды, а именно дохода от незаконной банковской деятельности, которая заключалась в предоставлении клиентам услуг по транзиту денежных средств между организациями и последующим их обналичиванием в безналичном рублевом эквиваленте для оптимизации налогообложения.

Рассмотрим следующую научную точку зрения относительно определения субъекта незаконной банковской деятельности. К данной категории ученых следует отнести Э. С. Мурадова, Г. А. Русанова, Т. И. Розовскую, которые придерживаются позиции отнесения к субъекту исследуемого преступления любого физического лица [9], то есть субъект преступления является общим.

Действительно, законодательство не содержит четкого разъяснения того, что субъектом может быть только лицо, яв-

ляющееся руководителем организации и обладающее правом осуществления банковских операций. Из этого следует, что инкриминирование ст. 172 уголовного закона будет возможно лишь физическому лицу, достигшему возраста, с которого оно может привлекаться к уголовной ответственности, и совершившее преступление по ст. 171 УК РФ. Для подкрепления исследуемой доктринальной позиции обратимся к эмпирической базе накопленного судебно-следственного опыта. Проанализируем приговор Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода от 12 июля 2016 г. № 1-310/2016 по делу № 1-310/2016, в соответствии с которым был привлечен к уголовной ответственности по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ гражданин А.М.Р. [10]. Механизм преступного деяния данного гражданина можно определить следующим образом.

Гражданин А.М.Р. самостоятельно осуществлял деятельность по оказанию услуг, относящихся к категории банковских, то есть он систематически производил операции с денежными средствами безналичной формы, которые посредством конкретных действий переводил в наличную. Установлено, что эти деньги временно хранились на расчетных счетах фирм-однодневок, подконтрольных гражданину А.М.Р. Кроме того, операции по поступлению денежных средств производились от различных организаций якобы в счет оплаты за поставку товаров или оказание услуг, включая комиссию в размере 5 % от суммы обналиченных денежных средств. В последующем оперативно изготавливались фиктивные документы, подтверждающие осуществление вышеуказанных операций.

В таком случае действия гражданина А.М.Р. по незаконному обналичиванию денежных средств с использованием формально-легитимных организаций были оценены как незаконное предпринимательство.

Подводя итог, еще раз подчеркнем наличие проблем в области квалификации преступных деяний, а именно незаконной банковской деятельности. В процессе осуществления полномочий сотрудники ОВД сталкиваются с некоторыми вопросами, которые на данный момент никак не разъяснены законода-

тельно. Кроме того, нужно признать факт неоднозначности квалификации совершаемых злоумышленниками деяний, поскольку отсутствует единообразный подход к решению такого прецедента. Особенно необходимо подчеркнуть, что такие ситуации зачастую происходят из-за пробелов в уголовном законодательстве и в праве вообще. Это связано с отсутствием разъяснений высших органов правосудия. Постановление Пленума ВС РФ по детализации ст. 172 УК РФ позволило бы сотрудникам правоохранительных органов правильно определять каждый из элементов состава преступления, а в последующем давать, без сомнения, точную квалификацию совершенным противоправным деяниям.

Примечания

1. *Щербаков А. В.* Уголовно правовые проблемы борьбы с преступлениями в банковской сфере: дис. ... канд. юрид. наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovye-problemy-borby-s-prestupleniyami-v-bankovskoi-sfere> (дата обращения: 13.10.2022).

2. О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1-ФЗ (ред. от 1 апреля 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.10.2022).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 марта 2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25.

4. *Назаян А. С.* Проблемы квалификации незаконной банковской деятельности // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 2.

5. *Трофимов К. Т.* Практические вопросы правоспособности банка // Финансы и кредит. 2004. № 29 (167). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskie-voprosy-pravospособnosti-banka> (дата обращения: 13.10.2022).

6. *Осипова М. А.* О понятии банковской деятельности в Российской Федерации // Известия БГУ. 2012. № 2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-bankovskoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 13.10.2022).

7. *Смагоринский Б. П., Щелконогов А. В.* Некоторые вопросы организации обналичивания денежных средств через счета фиктивных организаций как вид незаконной банковской деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33).

8. Судебные и нормативные акты РФ: приговор от 15 октября 2014 г. № 1-539/2014 по делу №1-539/2014 Чертановский районный суд г. Москва. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

9. *Розовская Т. И., Самойлова Ю. Б.* Субъект незаконной банковской деятельности // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения-2016: сборник научных трудов по материалам Ежегодной международной научно-практической конференции: в 2 т. Т. 1. Гатчина. 2016; *Русанов Г. А.* Преступность в сфере экономической деятельности: учебное пособие. Москва, 2014; *Мурадов Э. С.* Субъект незаконной банковской деятельности // Законность. 2006. № 6.

10. Приговор от 12 июля 2016 г. № 1-310/2016 по делу № 1-310/2016 Канавинский районный суд г. Нижнего Новгорода (Нижегородская область) // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

Н. П. Ржевский,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *И. А. Александрова*

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
КРИМИНАЛИЗАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ
СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА**

В современном мире все большее значение приобретают информационные и компьютерные технологии. Они значительно облегчают нашу жизнь, а также открывают новые перспективные возможности. Тем не менее именно стремительное развитие информационных технологий порождает распространение преступности в данной сфере, в частности речь идет о совершении мошеннических действий с использованием электронных средств платежа. Ответственность за данное деяние предусмотрена ст. 159³ УК РФ [1].

Мошенничество в целом как значительный элемент преступности в сфере экономики наносит огромный материальный ущерб личности, обществу и государству. Мошенничества с использованием электронных средств платежа относительно недавно стали непосредственным объектом уголовно-правового преследования. Это связано с внедрением электронных платежных сервисов, широким применением безналичных форм оплаты, общим расширением информационных возможностей в повседневной жизни людей.

Одновременно с резким прорывом в цифровой сфере должно происходить развитие инновационных систем защиты

информации, однако такие системы развиваются менее стремительно, оставляя возможность преодолеть защитные механизмы. Это несоответствие приводит к пробелам системы безопасности, которыми могут воспользоваться преступники. Таким образом, установление уголовной ответственности за рассматриваемый квалифицированный вид мошенничества обусловлено общественными изменениями, которые произошли в связи с широким внедрением новых способов оплаты.

Зарождение электронных средств платежа произошло в США в конце XIX в. Их повсеместное распространение связано с появлением электронно-вычислительных машин в середине XX в. [2, с. 21]. Постепенно происходило формирование системы электронного документооборота, все активнее использовались компьютеры. Это требовало создания программ защиты информации, поскольку инновационные технологии наиболее часто применялись в оборонной и военной сферах, которые требовали повышенного уровня секретности и защищенности. В частности, финансовые операции также входили в сферу повышенного внимания со стороны государства и требовали мер реагирования на возможные угрозы.

В конце XX в. произошло важнейшее событие, повлиявшее на формирование системы электронных средств платежа. В 1996 г. впервые платежная система проникла в глобальную сеть «Интернет». Система международных транзакций посредством сети «Интернет» стала настоящим прорывом, фактически стерев границы между государствами. Такое стремительное развитие сопровождалось возникновением угроз кибербезопасности, которые в первом десятилетии XXI в. достигли своего апогея.

Историческое развитие привело к активизации преступности в глобальной сети. Общественно опасные деяния в сети «Интернет» посягают не только на компьютерную информацию, но и на конфиденциальность личных данных, имущественные права, авторские права.

Краткий ретроспективный анализ показал, что электронные средства платежа — это относительно новое историческое яв-

ление. Зародившись чуть более века назад, сегодня они применяются повсеместно и значительным количеством пользователей. В ответ на появление инновационных средств платежа начали развиваться вредоносные программы и иные киберугрозы. Преступники активно внедряются в глобальную сеть, при этом меры противодействия остаются недостаточно развиты.

В современном российском законодательстве официально закреплено понятие «электронное средство платежа», под которым понимается «средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств» [3]. Законодательное закрепление данного понятия свидетельствует о повышенной социальной и общественной значимости данного явления, а также о необходимости его однозначного толкования и применения.

В современной России также уделяется повышенное внимание вопросам обеспечения безопасности при использовании электронных средств платежа. Согласно Стратегии развития информационного общества [4] данное направление является одним из приоритетных при реализации национальных интересов в области цифровой экономики.

Резюмируя вышесказанное, отметим следующее. Процесс исторического развития информационных технологий, систем безопасности и средств платежа привел к современному масштабному повсеместному применению различных электронных устройств, в том числе для совершения платежных операций. Государство на законодательном уровне акцентирует внимание на актуальности и высокой значимости данных вопросов.

Уголовное законодательство на протяжении длительного времени фактически игнорировало данные факторы, оставляя недифференцированную норму о мошенничестве. Масштаб-

ные преобразования общественных отношений, высокая социальная значимость, преобразование экономических отношений — все эти факторы обусловили выделение в уголовном законодательстве специальных видов мошенничества. Это произошло в 2012 г. с принятием соответствующего Федерального закона [5]. Выделение специального состава мошенничества позволило четко разграничить данное преступление с общим составом мошенничества, с правонарушениями, с гражданско-правовыми деликтами.

Безусловно, законопроект подвергался и критике. Например, А. В. Шеслер отмечал, что выделение специальных составов мошенничества приведет к проблемам в разграничении со смежными составами, в дифференциации ответственности, в квалификации деяния при совокупности преступлений [6, с. 67]; Л. Д. Гаухман, Ю. В. Голик, Т. В. Кленова и иные авторы также отмечали нецелесообразность выделения специальных составов мошенничества. Среди сторонников принятия законодательных поправок стоит отметить разработчиков законопроекта о дифференциации мошенничества. Согласно пояснительной записке выделение специальных составов мошенничества сократит число совершаемых ошибок и повысит качество расследования мошенничеств [7].

Мы придерживаемся позиции сторонников принятия законодательных поправок о дифференциации состава мошенничества и криминализации мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Социально-экономическое развитие общества и государства стремительно изменяет подходы к информационному обеспечению и цифровым ресурсам. Это порождает закономерные явления в виде криминализации посягательств на информационную сферу, а также экономический потенциал электронных ресурсов. Для подтверждения обоснованности выделения специального состава мошенничества проведем сравнительный анализ количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности по рассматриваемой статье за последние годы (рис.) [8].

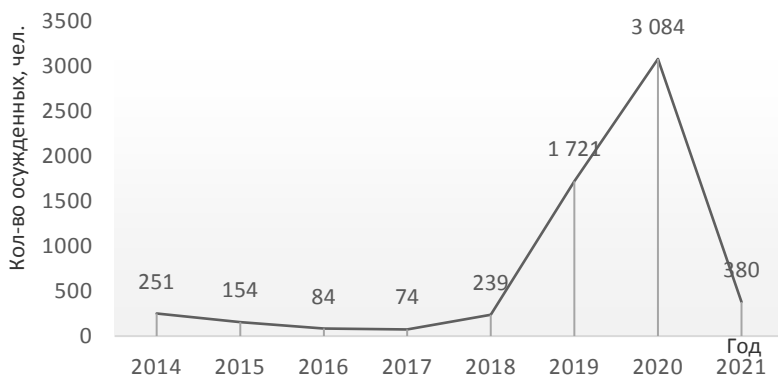

Рис. Количество лиц, осужденных по ст. 159³ УК РФ

Основываясь на данных диаграммы, мы можем сделать вывод, что привлечение к уголовной ответственности за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа происходит неравномерно. Резкий скачок количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности по рассматриваемой статье, объясняется одновременным увеличением общего количества преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. За 2019 г. количество преступлений данной группы возросло на 68,5 %, а по итогам 2020 г. — на 73,4 % [9].

Киберпреступления представляют глобальную угрозу национальной безопасности России. За последние годы информационно-коммуникационные технологии продолжают совершенствоваться, появляются международные компьютерные сети. Увеличение количества пользователей, которые подключены к сети «Интернет», любые информационные и технические новации дают большую возможность совершения финансовых преступлений, повышается степень угрозы совершения хакерских атак. Сфера киберпреступности характеризуется стремительной динамикой развития и с каждым днем наносит все больший вред личности, обществу и государству.

Нами выявлена закономерность влияния роста количества преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных

технологий на рост количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 159³ УК РФ. Развитие технологий происходит неравномерно, а порой и под влиянием существенных внешних факторов. Так, пандемия коронавирусной инфекции и последовавшие за ней меры государственного реагирования вынуждали людей переходить на безналичные расчеты и новые способы платежей. Этим активно пользовались мошенники, обманывая людей, которые впервые столкнулись с электронными платежами. Таким образом, общественное развитие вновь оказывает влияние на трансформацию уголовной ответственности за совершение рассматриваемого преступления.

Следующим обстоятельством, которое подтверждает социально-экономическую обусловленность дифференциации уголовной ответственности за мошеннические действия, является трансграничный характер совершаемого преступления. Глобальная сеть «Интернет» позволяет совершать незаконные операции, находясь на значительном удалении от потерпевшего. Преступники перестают пользоваться традиционными методами обмана, регулярно появляются все новые мошеннические схемы, которые постоянно совершенствуются и видоизменяются. МВД России сотрудничает с международными и зарубежными органами, совместно решая проблемы роста преступности в информационной среде. Только совместными усилиями государств, принятием международных документов и стандартов, обоюдным содействием возможно добиться эффективного результата по противодействию экономическим преступлениям транснационального характера.

Наконец, необходимость криминализации мошенничества с использованием электронных средств платежа обусловлена увеличением количества кибератак, что посягает как на персональные данные пользователей, так и на безопасность и защищенность всей системы данных. Приведем несколько примеров масштабных инцидентов в сфере информационной безопасности, которые произошли за последние годы:

— в начале 2021 г. хакерской атаке подверглось Европейское агентство лекарственных препаратов, в результате чего

были опубликованы сведения о разработке вакцин против COVID-19;

— в январе 2021 г. произошел взлом информационных баз данных компании Intel;

— в феврале 2021 г. в открытом доступе появилась крупнейшая база данных о пользователях сети «Интернет», которая содержала персональные сведения почти половины населения планеты;

— в 2022 г. кибератаки стали приобретать серьезную угрозу для безопасности государства, поскольку происходили на фоне специальной военной операции. Безопасность информационных систем, в том числе платежных, стала вопросом национальной безопасности.

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что социально-экономическая обусловленность криминализации мошенничества с использованием электронных средств платежа обусловлена повышенной социальной значимостью сферы электронных платежей и информационной системы в целом. Государство закономерно реагирует на современные вызовы, преобразуя свое законодательство, в том числе уголовное. Трансграничный характер мошеннических действий, сложность выявления и расследования данного преступления, высокая степень латентности – все это значительно затрудняет процесс противодействия мошенническим действиям. Данный фактор отражается на официальной статистике привлечения к уголовной ответственности по ст. 159³ УК РФ.

Примечания

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

2. *Маркова Е. А.* Уголовно-правовая характеристика хищения, совершаемого с использованием электронных средств платежа: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2021.

3. О национальной платежной системе: федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 27, ст. 3872.

4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 сентября 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 49, ст. 6752.

6. *Шеслер А. В.* Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2.

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части дифференциации мошенничества на отдельные составы): законопроект № 53700-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6> (дата обращения: 10.10.2022).

8. Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.10.2022).

9. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 11.10.2022).

Д. В. Ростов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *Н. Н. Ковтун*

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Одно из назначений уголовно-процессуального законодательства РФ — защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Это достигается путем изобличения виновного лица и привлечения его к уголовной ответственности, однако в разумные сроки предварительного расследования не всегда получается в полном объеме раскрыть преступление, изобличить виновного, чему препятствует ряд объективных причин.

Производство по уголовному делу на досудебном этапе должно осуществляться в кратчайшие сроки, строго установленные УПК РФ. Это напрямую связано с достижением целей уголовного судопроизводства. В практической деятельности субъектов расследования возникают обстоятельства, прямо препятствующие установлению обстоятельств по делу и изобличению виновного лица. Именно настоящим препятствиям в уголовно-процессуальном праве посвящен институт приостановления производства по уголовным делам.

Современная действующая судебно-следственная практика свидетельствует о том, что по большому количеству уголовных дел различных категорий производство приостанавливается по различным основаниям, предусмотренным УПК РФ.

Для наглядности существующей проблемы предоставим статистические показатели МВД России за последние пять лет (таблица 1).

Таблица 1

**Количество приостановленных уголовных дел
с 2017 по 2021 г.**

Год	Всего зарегистри- ровано пре- ступлений	Из них приоста- новлено	Всего зарегистри- ровано тяж- ких и особо тяжких	Из них приоста- новлено
2017	2 058 476 (-4,7 %)	886 786 (-9,8 %)	437 303 (-4,5 %)	192 684 (-10 %)
2018	1 991 532 (-3,3%)	860 408 (-3 %)	448 174 (2,5 %)	198 562 (3,1%)
2019	2 024 337 (1,6 %)	915 204 (6,4 %)	494 092 (10,2 %)	246 534 (24,2 %)
2020	2 044 221 (1 %)	963 752 (5,3 %)	563 204 (14 %)	312 079 (26,6 %)
2021	2 004 404 (-1,9 %)	933 308 (-3,2 %)	560 079 (-0,6 %)	309 468 (-0,8 %)

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что за последние пять лет наблюдается существенный рост количества преступлений, а также рост уголовных дел, приостановленных за невозможностью найти подозреваемого или обвиняемого, или неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, либо когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует.

Законодатель не закрепил в уголовно-процессуальном законе определение понятия «приостановление производства по

уголовным делам». В науке юриспруденции до сих пор не существует единого подхода к определению вышеуказанного понятия, хотя с точки зрения ретроспективного анализа норм российского законодательства положения о приостановлении уголовного дела существуют с 1864 г.

В настоящее время сложилось три основных подхода к пониманию приостановления производства по делу:

- 1) как отдельный вид процессуальной деятельности [1, с. 14];
- 2) процессуальная форма [2, с. 107];
- 3) самостоятельный институт [3, с. 14–17].

Многие процессуалисты рассматривали приостановление производства по делу, делая выводы о его правовом характере и придерживаясь одной из вышеуказанных позиций. По нашему мнению, справедливо отметить, что в представленных подходах к правовой природе рассматриваемого уголовно-процессуального явления отсутствует принципиальная разница или противоречия. Мы считаем, что приостановление производства по делу содержит признаки и отдельной процессуальной деятельности, и процессуальной формы, и самостоятельного института. В настоящей статье мы будем придерживаться понятия «институт приостановления производства по делу», потому что оно по своему смыслу шире, чем процессуальная деятельность и процессуальная форма.

Особый интерес вызывает проблема определения понятия рассматриваемого института. Обращаясь к научным трудам советских и современных ученых, мы можем сделать вывод о том, что многие из них трактуют приостановление производства по делу как временный перерыв в производстве следственных и иных процессуальных действий субъекта расследования [1, с. 13]. С данной позицией автора мы не можем согласиться. Считаем, что приостановление производства по делу не означает перерыв в процессуальной деятельности следователя или дознавателя.

Следует отметить, в науке встречается мнение, когда приостановление производства по делу трактуется и с точки зрения перерыва в следственных и судебных действиях [4, с. 53;

5, с. 20]. С настоящей позицией мы не можем согласиться ввиду необходимости проведения некоторых следственных действий для устранения препятствий расследования.

Выделим *характерные признаки института приостановления производства по делу*, которые, по нашему мнению, отражают его сущность и правовую природу:

1) обстоятельства, препятствующие расследованию уголовного дела;

2) приостановление сроков предварительного расследования;

3) активная деятельность следователя по устранению обстоятельств, препятствующих дальнейшему расследованию уголовного дела, которая переходит в проведение мероприятий, направленных на розыск обвиняемого (подозреваемого), в область по организации лечения; экстрадиции лица из другого государства и т. д.).

Исходя из настоящих признаков, мы не можем трактовать приостановление производства по делу с позиции перерыва в процессуальной деятельности следователя или дознавателя. Кроме того, УПК РФ предусматривает ряд следственных действий, которые, по нашему мнению, нецелесообразно прекращать по приостановленному уголовному делу. Мы считаем, что проведение следственных действий, предусмотренных ст. 185, 186, 186¹ УПК РФ, способствует розыску подозреваемого или обвиняемого и установлению его местонахождения, тем не менее ч. 3 ст. 209 УПК РФ содержит прямой запрет на производство следственных действий по приостановленному делу.

Некоторые авторы высказываются за наложение ареста на почтово-телеграфные отправления в целях розыска лица, скрывающегося от следствия или дознания [7], однако, исходя из буквального толкования норм уголовно-процессуального законодательства, в случае проведения следственных действий, предусмотренных ст. 185, 186, 186¹ УПК РФ по приостановленному делу на основаниях, предусмотренных ч. 1 ст. 208 УПК РФ, на судебном этапе такие доказательства будут признаны не допустимыми в связи с нарушением нормы УПК РФ,

запрещающей проведение следственных действий по приостановленному уголовному делу. Возникает коллизия: следственные действия, предусмотренные ст. 185, 186, 186¹ УПК РФ, по своей правовой природе прямо направлены на розыск подозреваемого (обвиняемого), установление его местонахождения, но в случае приостановления уголовного дела на основании п. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ их проведение невозможно, хотя результаты могли бы способствовать устранению препятствующих расследованию обстоятельств. По нашему мнению, целесообразно разрешить проведение некоторых следственных действий по приостановленному уголовному делу в связи с необходимостью розыска подозреваемого или обвиняемого.

В рамках настоящего исследования нами был проведен социологический опрос сотрудников следственных подразделений относительно необходимости и возможности проведения следственных действий, предусмотренных ст. 185, 186, 186¹ УПК РФ по приостановленному уголовному делу. В опросе принимали участие 15 сотрудников следственных подразделений на территории г. Нижнего Новгорода.

В первую очередь нами был поставлен вопрос о целесообразности и необходимости проведения настоящих следственных действий по приостановленному уголовному делу. По данному вопросу 9 из 15 сотрудников считают, что проведение таких следственных действий целесообразно, несмотря на оперативное сопровождение по уголовному делу. Сотрудники аргументируют это тем, что не по всем уголовным делам возможно и целесообразно проведение целого комплекса ОРМ, учитывая сложность рассекречивания и использования результатов в процессе доказывания. Кроме того, на использование результатов ОРД в процессе доказывания чаще всего подаются апелляционные, кассационные жалобы с целью признания доказательств недопустимыми. Например, защитник по делу № 10-17567/2020 в рамках апелляционного производства ссылается на недопустимость использования в процессе доказывания информации о соединениях между абонентами, которая была получена в результате ОРД. По их мнению, в рамках

настоящих положений современного УПК РФ проведение следственных действий, предусмотренных ст. 185, 186, 186¹ УПК РФ, невозможно ввиду признания судом таких доказательств недействительными, однако целесообразно, потому что результаты таких следственных действий смогли бы устранить препятствия в расследовании.

Иного мнения придерживаются остальные сотрудники. Они считают, что в законе содержится прямой запрет на проведение следственных действий по приостановленному уголовному делу и следователю необходимо дать поручение оперативным сотрудникам на проведение комплекса ОРМ с целью розыска лица, скрывающегося от следствия. Отметим, что нами был проанализирован комплекс судебных решений судов общей юрисдикции, апелляционной и кассационной инстанций. Данный анализ показал, что по приостановленным делам в настоящее время действительно возможно лишь проведение специальных ОРМ, предусмотренных ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности», которые по своей природе схожи с рассматриваемыми следственными действиями.

Данное исследование показало, что между сотрудниками следственных подразделений существует неоднозначное мнение относительно видения института приостановления производства по делу. При этом из 15 опрошенных сотрудников ни один не проводил следственные действия по приостановленному уголовному делу, только лишь после отмены постановления прокурором и указания на необходимость проведения следственных действий.

Обращаясь к положениям ст. 209 УПК РФ, отметим, что законодатель в п. 1 ч. 2 ст. 209 УПК РФ предусмотрел обязанность следователя по применению мер по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого. В части 3 ст. 209 УПК РФ указано, что после приостановления предварительного следствия производство следственных действий не допускается. Исходя из буквального толкования, следователь обязан осуществлять процессуальные

действия, которые не являются следственными. Очевидна неопределенность мер по установлению лица, совершившего преступление, предпринимаемых следователем после приостановления предварительного следствия. Процессуальный запрет на проведение следственных действий не снимает со следователя ответственности за результаты расследования. По нашему мнению, данные положения действующего УПК РФ в некоторой степени противоречат друг другу.

Отдельного внимания требует формулировка п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Видится некорректной формулировка «лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого». На данную проблему обратили внимание Б. Н. Коврижных, Г. П. Химичева, А. М. Попов, А. В. Кочетова, Р. П. Чернов и другие, однако до настоящего времени законодателем не изменена формулировка рассматриваемого основания. Следственная практика показывает, что преступление может быть совершено и лицом, не подлежащим привлечению к уголовной ответственности (например, в силу невменяемости или недостижения возраста уголовной ответственности), однако данные обстоятельства необходимо устанавливать в ходе раскрытия преступления. В связи с этим считаем актуальным изменить формулировку п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ на формулировку «лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, не установлено».

Рассмотрим основания приостановления производства по делу, предусмотренные п. 3, 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Особенностью приостановления производству по делу является возможность приостановления до истечения сроков предварительного расследования. Обращаясь к ретроспективному анализу положений уголовно-процессуального законодательства, отметим, что реальная возможность участия подозреваемого или обвиняемого — относительно новая норма в УПК РФ, потому как ранее аналогичное основание в УПК РСФСР отсутствовало. По нашему мнению, настоящая новелла в современных реалиях является оправданной, однако до настоящего времени в УПК РФ не была внесена четкая норма, которая

раскрывала бы понятие отсутствия реальной возможности участия подозреваемого или обвиняемого в уголовном деле. Налицо проблема размытости формулировки, которая может привести к приостановлению производства по делу по незаконным основаниям.

В практике существуют прецеденты, когда на основании п. 3 ст. 208 УПК РФ следователями незаконно приостанавливались уголовные дела с целью дальнейшего увеличения сроков предварительного расследования. Судом было установлено, что следователем приостанавливалось уголовное дело по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, когда по факту основания для приостановления уголовного дела по данному пункту отсутствовали и фактически лицо могло принимать участие в уголовном деле.

В постановлении Коптеевского районного суда г. Москвы от 18 июля 2013 г. № 1-188/13 мы можем встретить прецедент, когда суд справедливо указывает на тот факт, что в деле отсутствуют конкретные доказательства о том, что лицо не скрывалось от следствия и суда, находится за пределами страны и его участие в уголовном деле невозможно. Также доводы стороны защиты о том, что в отношении обвиняемого не производилось никаких процессуальных действий, судом учтены, и впоследствии принято решение о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий рассмотрения дела судом.

На основании изложенного напрашивается вывод о том, что в рамках принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу основание, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, может незаконно использоваться с целью продления сроков предварительного расследования, что недопустимо с точки зрения законности.

По этому факту некоторые авторы высказывались за усиление прокурорского надзора при принятии следователем или дознавателем решения о приостановлении производства. Категоричную позицию по данному поводу занимал С. М. Якубова [8, с. 54]. По нашему мнению, «усиление надзора» — понятие крайне размытое и не говорит о конкретных действиях, учитывая, что приказ Генеральной прокуратуры России от 16 января

2012 г. № 7 [9, 10] прямо говорит об обязанности прокуратуры реагировать на факты принятия органами дознания и следствия незаконных и необоснованных решений о приостановлении предварительного расследования.

Отметим, что А. С. Шагинян [10] и Н. А. Потапов придерживаются мнения о необходимости усиления прокурорского надзора и приостановления предварительного расследования только с согласия прокурора. По нашему мнению, такое положение уголовно-процессуального закона лишает следователя самостоятельности при принятии решения по делу.

Перейдем к следующей проблеме, которая затрагивает основание для приостановления производства по уголовному делу, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ. Возникает вопрос: «Обязан ли суд вынести постановление о приостановлении производства по уголовному делу при принятии Конституционным Судом РФ к рассмотрению жалобы?». Мы считаем, что момент принятия Конституционным Судом Российской Федерации жалобы к рассмотрению не может признаваться моментом приостановления производства по делу.

По факту законодатель в УПК РФ говорит о праве суда общей юрисдикции принять решение о приостановлении производства по уголовному делу по данному основанию.

Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» определяет формы решений Конституционного Суда РФ. Постановления и заключения Конституционного Суда РФ выносятся именем Российской Федерации. Остальные решения в рамках конституционного судопроизводства называются определениями. Актуальным видится следующий вопрос: «Является ли определение конституционного суда обязательным актом для суда общей юрисдикции в рамках ответа на жалобу?».

В науке юриспруденции долгое время ведутся споры относительно источников права, и до сих пор нет ответа на вопрос: «Являются ли определения Конституционного Суда РФ источниками права?». В связи с этим данная проблема также видится нами актуальной в рамках настоящего научного исследования.

В практической деятельности постановление Конституционного Суда РФ является обязательным. Если суд вынесет решение в форме определения, то возникает вопрос: «Обязательно ли оно к исполнению или нет, так как определение не является источником права?».

В качестве примера рассмотрим уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран, регулирующее институт приостановления производства по делу.

Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики от 21 апреля 2005 г. содержит несколько больше оснований для приостановления производства по уголовному делу, что видится нами достаточно интересным для изучения. Помимо оснований, перечисленных в УПК РФ, в Латвии возможно приостановление производства по уголовному делу, если лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, обладает иммунитетом, при этом разрешение на лишение иммунитета от компетентного органа не дано. Отметим, что в УПК РФ также есть перечень лиц, обладающих иммунитетом, и лишение этого иммунитета возможно лишь с согласия компетентного органа.

Относительно известности местонахождения, но невозможности участия в законе Латвии прописано обязательное условие: «находится за пределами Латвии». Мы считаем, что в российском уголовно-процессуальном законе формулировка «находится за пределами РФ» могла бы устранить неопределенность относительно настоящего обстоятельства. Интересно, что уголовное судопроизводство в Латвии предусматривает возможность приостановления производства по делу в случае иных обстоятельств, но не конкретизирует каких. Мы считаем, что такое положение может использоваться субъектами расследования с целью затягивания сроков расследования. Законодатель Латвии четко прописал обязанность следователя вынести постановление о розыске и направлении его субъекту ОРД, то есть законодатель четко прописал обязанность следователя по приостановленному делу, но также разрешил осуществлять процессуальные действия по установлению местонахождения подозреваемого или обвиняемого.

Интересные положения встречаются в УПК Республики Беларусь. Законодатель четко прописывает возможность приостановления производства по делу в случае, если лицо находится за пределами Республики и принимается решение о его выдаче. Кроме того, допускается приостановление производства в случае невозможности проведения необходимых следственных действий, что является новшеством для российского законодательства. В отличие от УПК РФ, в УПК Республики Беларусь конкретизируется психическое расстройство (заболевание), на основании которого может быть приостановлено уголовное дело. Настоящий пример видится положительным и для внесения в УПК РФ ввиду неопределенности вида заболевания в положениях ст. 308 УПК РФ. Еще одним новшеством является основание «необнаружение безвестно исчезнувшего лица», которое не относится к подозреваемому или обвиняемому, но и не конкретизирует участника уголовного судопроизводства, исчезновение которого может привести к приостановлению уголовного дела.

Представленный опыт европейских государств мы считаем крайне интересным и, по нашему мнению, он требует отдельного особого изучения с целью внесения новшеств в российское законодательство. В целом зарубежный опыт рассматривается нами как положительный.

Подводя итог проведенному исследованию, еще раз подчеркнем основные проблемные вопросы, связанные в рамках института приостановления производства по делу.

До сих пор в науке и практике не существует четкого определения понятия приостановления производства по делу. Понимание рассматриваемого института в контексте перерыва в процессуальной деятельности следователя видится нами ошибочной, так как вся его деятельность после приостановления дела, наоборот, должна быть активной и направленной на устранение обстоятельств, препятствующих дальнейшему расследованию.

УПК РФ предусматривает следственные действия, которые целесообразно проводить в рамках приостановленного

уголовного дела, так как они напрямую направлены на установление местонахождения подозреваемого или обвиняемого или на его розыск, однако современные положения УПК РФ этому препятствуют.

Формулировка «лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого» видится нами не совсем корректной. Предлагается заменить ее на формулировку «лицо, совершившее общественно-опасное деяние, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, не установлено».

Спорные вопросы возникают относительно правовой природы определения Конституционного Суда РФ и его обязательности к исполнению в рамках приостановления уголовного дела на основании п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ.

В УПК РФ отсутствует четкая норма, которая раскрывала бы понятие отсутствия реальной возможности участия подозреваемого или обвиняемого в уголовном деле. Неоднозначность формулировки может привести к приостановлению производства по делу по незаконным основаниям, в связи с чем УПК РФ нуждается в дополнении, которое бы четко указывало, что следует подразумевать под невозможностью участия подозреваемого или обвиняемого в уголовном деле.

Основание, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, может быть использовано следователями с целью продления сроков предварительного расследования, что влечет незаконность принятия решения по уголовному делу в связи с отсутствием возможности участия подозреваемого (обвиняемого) в уголовном деле. На основании этого мы считаем необходимым наличие в материалах дела процессуальных документов, подтверждающих действия следователя, направленные на устранение препятствия расследования уголовного дела, в том числе необходим особый надзор со стороны прокуратуры.

Таким образом, несмотря на длительный срок формирования рассматриваемого института, в настоящее время существует множество проблем по его практическому применению, которые требуют серьезного внимания и внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Примечания

1. *Кочетова А. В.* Актуальные вопросы института приостановления производства по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

2. *Быков В. М., Ломовский В. Д.* Приостановление производства по уголовному делу. Москва, 1978.

3. *Моисеев Н. А., Скоморохов О. Н., Чурсин А. В.* Приостановление уголовных дел как институт уголовного процесса // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2009. № 2.

4. *Коврижных Б. Н.* Приостановление, возобновление и прекращение предварительного следствия по делам, где не установлено лицо, совершившее преступление // Социалистическая законность. 1974. № 2.

5. *Ломовский В. Д.* Приостановление производства по уголовному делу в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1971.

6. Энциклопедический словарь правовых знаний. Москва, 1965.

7. *Кальницкий В. В.* Глава 25. Обыск. Выемка. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления. Контроль и запись переговоров // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. Москва, 2004.

8. *Якубова С. М.* Приостановление уголовного дела в случае невозможности участия подозреваемого, обвиняемого в уголовном деле // Пенитенциарная наука. 2015. № 30.

9. Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 14.10.2022).

10. *Шагинян А. С.* Приостановление предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001.

А. Е. Сентякова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
к.э.н., доцент *М. А. Шох*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Экономическая безопасность» является многоаспектным понятием. Определение экономической безопасности государства и основных угроз представлено в Стратегии национальной безопасности: экономическая безопасность представляет собой состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, посредством которого обеспечивается экономический суверенитет государства [1].

В Конституции РФ определены права и свободы граждан, являющиеся их гарантиями. Соответственно, два данных нормативно-правовых документа не противоречат друг другу, так как Стратегия нацелена на обеспечение достойного проживания и развития граждан путем обеспечения экономической безопасности. Необходимо отметить, что в законе не представлено определение региональной экономической безопасности, соответственно, обратимся к другим источникам.

Как отмечает Х.К. Мусаева, экономическую безопасность представляется возможным определить с позиции составляющей общей государственной безопасности, то есть тех способов, средств и инструментов, посредством которых

обеспечивается устойчивое развитие государства [2]. Необходимо отметить, что в настоящее время, в условиях кризиса обеспечение экономической безопасности становится весьма важным и актуальным вопросом.

Роль государства в обеспечении экономической безопасности проявляется в формировании и реализации различных проектов, направленных на помощь населению и бизнесу, а также — в разработке нормативно-правовой документации, которая применяется на территории всего государства. Рассмотрим подробно Стратегию национальной безопасности (далее — Стратегия), скорректированную под вызовы извне.

В данном документе национальная безопасность определяется как состояние, при котором личность, общество и государство защищены от внешних и внутренних угроз, гражданам обеспечивается реализация конституционных прав и свобод, достойное качество и уровень жизни, суверенитет, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие РФ. В разделе 2 данной Стратегии отражены тенденции и возможности России в современном мире. Акцент сделан на условиях нарастающей нестабильной геополитической обстановки и конфликтности из-за стран Запада. В особенности это проявилось в I квартале 2022 г.: Россия столкнулась с беспрецедентными санкциями из-за проведения специальной операции на Украине. Необходимо отметить, что в Стратегии также использовано понятие «недружественные страны», а также довольно часто употребляется формулировка «сбережение народа», что, согласно Стратегии, является для страны центральным приоритетом [1].

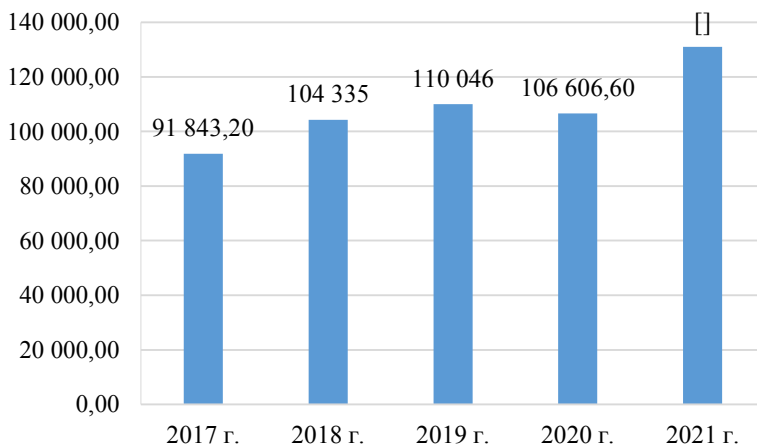
Отдельного внимания в Стратегии заслуживает экономическая безопасность государства: мировое сообщество в целом и РФ в частности находятся в состоянии глубокой рецессии. Ввиду рецессии в экономике основными целями обеспечения экономической безопасности государства, согласно Стратегии, являются следующие:

— укрепление экономического суверенитета страны;

- повышение конкурентоспособности российской экономики и ее устойчивости к воздействию внешних и внутренних угроз;
- создание условий для экономического роста Российской Федерации, темпы которого будут выше мировых.

Был проведен анализ основных индикаторов экономической безопасности РФ за период с 2017 по 2021 г. по следующим блокам: экономический рост, инвестиционная активность, научно-инновационная сфера, темпы роста инфляции.

Первым индикатором является *динамика ВВП*. Пороговый индикатор – рост не менее 50% по сравнению с базовым периодом (рис. 1). В 2021 г. по сравнению с 2017 г. объем ВВП увеличился на 39 171,8 млрд рублей, что составляет 42,65 %, то есть меньше порогового значения.

**Рис. 1. Динамика объема ВВП Российской Федерации
млрд рублей [3]**

Вывод об угрозе экономической безопасности только по этому показателю делать не рационально, так как взят период, составляющий всего пять лет. Проведем анализ динамики темпа экономического роста (темпа роста ВВП) (рис. 2.).

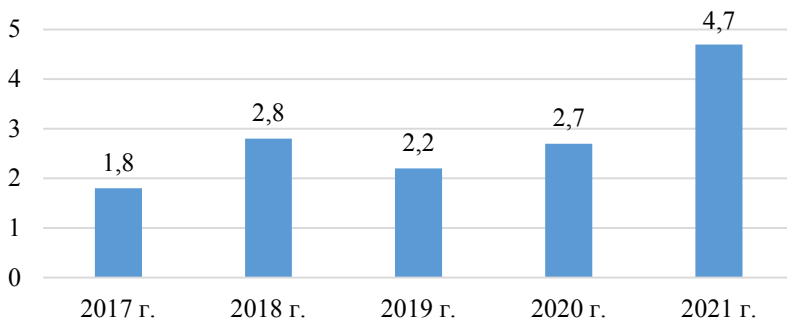

Рис. 2. Динамика темпа экономического роста в Российской Федерации за 2017–2021 гг., % [3]

Пороговое значение показателя темпа экономического роста — не менее 1,5–4 %, соответственно, на протяжении анализируемого периода фактическое значение индикатора превышает пороговое. Это позволяет сделать вывод об отсутствии угроз по данным индикаторам.

Следующим индикатором является *темп инфляции* (рис. 4).

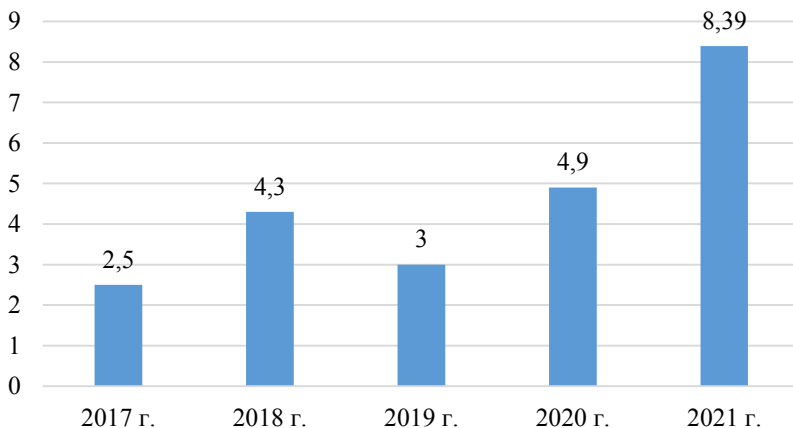

Рис. 3. Динамика темпа инфляции в Российской Федерации, % [3]

Пороговое значение индикатора — не более 6 %. Исходя из данных, указанных на рис. 2, можно сделать вывод о том, что за период 2017–2020 гг. уровень инфляции ниже порогового значения, но в 2021 г. фактический показатель темпов инфляции выше порогового на 2,39 %. Это позволяет сделать вывод об угрозе экономической безопасности по данному показателю.

Следующим индикатором является *объем инвестиций в основной капитал к ВВП* (пороговое значение показателя — не менее 40 %). Фактическое значение показателя представлено на рис. 4.

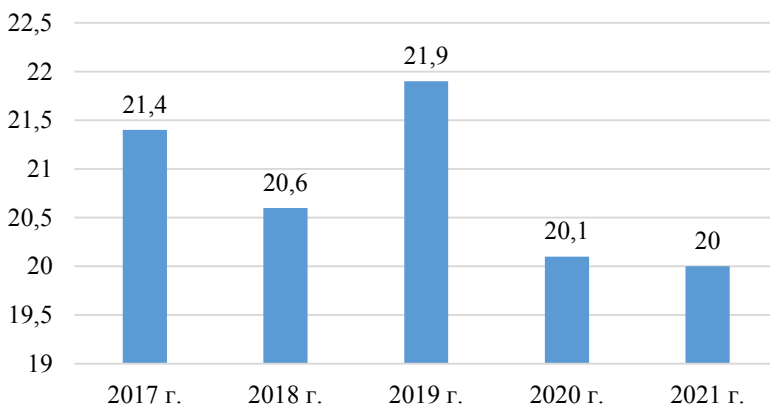

Рис. 4. Соотношение объема инвестиций в основной капитал к ВВП в РФ, % [3]

Таким образом, исходя из информации, представленной на рис., мы видим, что значения показателей за рассматриваемый период значительно ниже порогового значения. В качестве основных причин низких инвестиций аналитики называют недостаток оборотных средств, а также высокие ставки по кредитам и «кризисную усталость» экономики. Таким образом, можно сделать вывод об угрозе экономической безопасности по данному индикатору.

Динамика следующего показателя (*доли инновационных товаров в общем объеме продукции*) представлена на рис. 5.

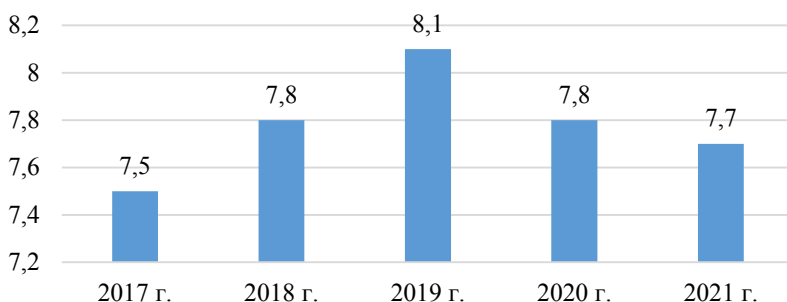

Рис. 5. Динамика доли инновационных товаров в общем объеме продукции в РФ за 2017–2021 гг., % [3]

Пороговое значение данного индикатора — не менее 15%, а в соответствии с информацией, представленной на рис., фактическое значение ниже порогового на протяжении анализируемого периода, при этом с 2020 г. наблюдается отрицательная динамика.

Проведенный анализ индикаторов экономической безопасности РФ на современном этапе позволил сформулировать вывод о наличии следующих проблем.

- низкий уровень инновационного развития;
- недостаточный объем инвестиций в основной капитал;
- высокий уровень валютных рисков;
- высокие темпы инфляции по сравнению с пороговым значением.

Таким образом, для решения проблем (нивелирования угроз) экономической безопасности необходимо принимать эффективные меры, в том числе на региональном уровне, например повышать инвестиционную привлекательность регионов посредством активного развития государственно-частного партнерства или системы зонтичного поручительства для бизнеса со стороны государства.

Примечания

1. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-02072021-n-400/strategiia-natsionalnoi-bezopasnosti-rossiiskoi-federatsii/iv/ekonomicheskaiia-bezopasnost/> (дата обращения: 30.09.2022).

2. *Мусаева Х. М.* Формирование экономической безопасности региона // Деловой вестник предпринимателя, 2021. № 6 (4).

3. Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/ps/> (дата обращения: 30.09.2022).

О. Ю. Сигурова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
к.э.н., доцент *Д. В. Назарычев*

АВТОРСКИЙ НАБОР ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ УРОВНЯ КОРРУПЦИИ В РЕГИОНЕ НА ОСНОВАНИИ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО МОНИТОРИНГА

Проблема коррупции охватывает все больше сфер деятельности, что приводит к поломке механизма безопасности государства. Обеспечение экономической безопасности от коррупционных угроз возможно при работе трех компонент (рис. 1):

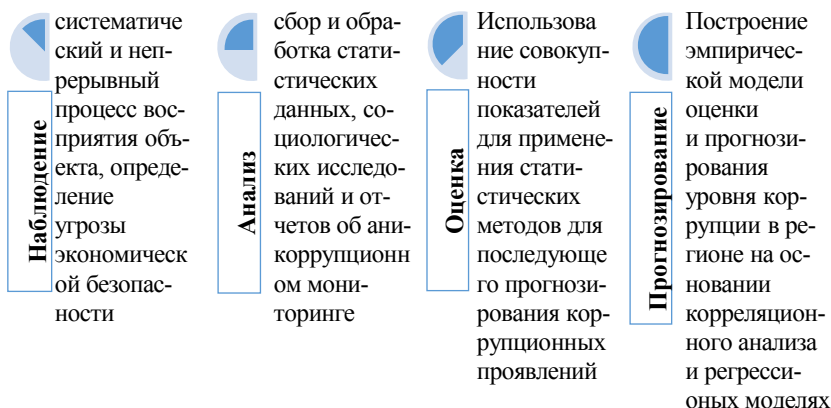

Рис. 1. Методическое обеспечение антикоррупционного мониторинга для обеспечения экономической безопасности

Важно заметить, что региональная экономика каждого отдельного субъекта РФ имеет свои особенности и представляет собой часть единой системы национальной безопасности. Чтобы провести оценку и анализ конкретной угрозы (в нашем случае — коррупции), необходимо выстроить единую структуру компонентов.

Для оценки уровня коррупции в регионе целесообразно применять статистические методы, поскольку они позволят решить научно практические задачи в отношении того, в какой мере социально-экономические и социологические индикаторы коррелируют между собой.

На основании анализа результатов проведения антикоррупционного мониторинга мы предлагаем авторский набор показателей оценки уровня коррупции, что в последующем позволит осуществить прогноз коррупционных проявлений в отдельном субъекте РФ. Они разделяются на три блока: социально-экономический блок, криминологический, блок показателей антикоррупционного мониторинга.

Таблица 1

Систематизация авторского набора показателей для анализа

Код	Описание параметра	Источник
ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		
ИБК	Индикатор уровня «бытовой» коррупции в регионе — оценка уровня «бытовой» коррупции в регионе в процентных пунктах. Чем выше уровень, тем сильнее регион подвержен «бытовой» коррупции. Измеряется от 0 до 100 пп.	[Отчет]
ИДК	Индикатор уровня «деловой» коррупции в регионе — оценка уровня «деловой» коррупции в регионе в процентных пунктах. Чем выше уровень, тем сильнее регион подвержен «деловой» коррупции. Измеряется от 0 до 100 пп.	[Отчет]

Продолжение таблицы 1

Код	Описание параметра	Источник
НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		
I. Социально-экономический блок показателей		
ППР	Производственный потенциал региона — оценка производственных ресурсов, предпринимательских возможностей и производственных связей, которые в совокупности определяют способность региона производить товары и услуги и позволяют ему расти и развиваться. Оценивается по 5-балльной шкале; чем ближе к 5, тем выше уровень	[Консорциум Леонтьевский центр]
ИК	Инвестиционный климат — экономические, финансовые и социально-политические условия в регионе, которые влияют на склонность инвестора представлять кредиты или вкладывать в долю предприятия, а также брать кредиты или занимать. Оценивается по 5-балльной шкале; чем ближе к 5, тем выше уровень	[Консорциум Леонтьевский центр]
ПРК	Природно-ресурсный комплекс — совокупность природных ресурсов региона, которые могут быть использованы в хозяйстве с учетом достижений научно-технического прогресса. Оценивается по 5-балльной шкале; чем ближе к 5, тем выше уровень	[Консорциум Леонтьевский центр]
ПАН	Потребительская активность населения — потребительские расходы в среднем на душу населения в месяц, в рублях	[Росстат]
ПМН	Прожиточный минимум населения — минимальный уровень дохода, который считается необходимым для обеспечения определенного уровня жизни в регионе	[Росстат]
ПБ	Показатель безработицы — уровень региональной безработицы в процентных пунктах	[Росстат]

Код	Описание параметра	Источник
II. Криминологический блок		
КП	Количество преступлений — количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности	[Росстат]
КВП	Количество раскрытых преступлений — количество раскрытых преступлений коррупционной направленности	[Росстат]
III. Блок показателей антикоррупционного мониторинга		
Подблок 1: уровень «бытовой» коррупции		
РБК	Риск «бытовой» коррупции в регионе — оценка риска совершения «бытовой» коррупции в регионе в процентных пунктах. Чем выше уровень, тем сильнее вероятность проявления «бытовой» коррупции в регионе. Измеряется от 0 до 100 пп.	[Отчет]
СРВ1	Средний размер взятки в сфере «бытовой» коррупции — средний размер взятки в рублевом эквиваленте. Измеряется в рублях	[Отчет]
ДБК	Доля годового объема «бытовой» коррупции в ВРП региона. Результат деления валового объема «деловой» коррупции в рублевом эквиваленте на ВРП региона в рублях. Измеряется от 0 до 100 пп.	[Отчет]
Подблок 2: уровень «деловой» коррупции		
РДК	Риск «деловой» коррупции в регионе — оценка риска свершения «деловой» коррупции в регионе в процентных пунктах. Чем выше уровень, тем сильнее вероятность проявления «деловой» коррупции в регионе. Измеряется от 0 до 100 пп.	[Отчет]
СРВ2	Средний размер взятки в сфере «деловой» коррупции — средний размер взятки в рублевом эквиваленте. Измеряется в рублях	[Отчет]

Код	Описание параметра	Источник
ДДК	Доля годового объема «деловой» коррупции в ВРП региона. Результат деления валового объема «деловой» коррупции в рублевом эквиваленте на ВРП региона в рублях. Измеряется от 0 до 100 пп.	[Отчет]

Источник: составлено автором на основе данных [Отчета][1], [Росстата][2], [Консорциум Леонтьевский центр] [3].

Анализируя таблицу 1, стоит отметить, что мы характеризуем одновременно две регрессионные модели:

— первая оценивает воздействие независимых факторов анализа на уровень «бытовой» коррупции в регионе;

— вторая модель оценивает воздействие независимых факторов анализа на уровень «деловой» коррупции в регионе.

Обе модели представлены в форме уравнений (1) и (2).

Теоретическая модель оценки и прогнозирования уровня «бытовой» коррупции

$$\begin{aligned} \text{ИБК}_t = & \alpha_0 + \alpha_1 \cdot \text{ППР}_t + \alpha_2 \cdot \text{ИК}_t + \alpha_3 \cdot \text{ПРК}_t + \alpha_4 \cdot \text{ПАН}_t + \\ & + \alpha_5 \cdot \text{ПМН}_t + \alpha_6 \cdot \text{ПБ}_t + \alpha_7 \cdot \text{КП}_t + \alpha_8 \cdot \text{КВП}_t + \alpha_9 \cdot \text{РБК}_t + \\ & + \alpha_{10} \cdot \text{СРВ1}_t + \alpha_{11} \cdot \text{ДБР}_t + \varepsilon_t; \quad t \in [2000; 2021] \end{aligned} \quad (1)$$

где α_i — i -тый коэффициент в рамках регрессионной модели;

ИБК_t — зависимая переменная;

(ППР_t; ИК_t; ПРК_t; ПАН_t; ПМН_t; ПБ_t; КП_t; КВП_t; РБК_t; СРВ1_t; ДБР_t) — независимые переменные в рамках модели оценки «бытовой» коррупции;

ε_t — случайные ошибки модели; t — индекс времени по параметру.

Теоретическая модель оценки и прогнозирования уровня «деловой» коррупции

$$\text{ИДК}_t = \beta_0 + \beta_1 \cdot \text{ППР}_t + \beta_2 \cdot \text{ИК}_t + \beta_3 \cdot \text{ПРК}_t + \beta_4 \cdot \text{ПАН}_t + \\ + \beta_5 \cdot \text{ПМН}_t + \beta_6 \cdot \text{ПБ}_t + \beta_7 \cdot \text{КП}_t + \beta_8 \cdot \text{КВП}_t + \beta_9 \cdot \text{РДК}_t + (2) \\ + \beta_{10} \cdot \text{СРВ2}_t + \beta_{11} \cdot \text{ДДР}_t + e_t; \quad t \in [2000; 2021]$$

где β_i — i -тый коэффициент в рамках регрессионной модели;

ИДК_{*t*} — зависимая переменная;

(ППР_{*t*}; ИК_{*t*}; ПРК_{*t*}; ПАН_{*t*}; ПМН_{*t*}; ПБ_{*t*}; КП_{*t*}; КВП_{*t*}; РДК_{*t*}; СРВ2_{*t*}; ДДР_{*t*}) — независимые переменные в рамках модели оценки «деловой» коррупции; e_t — случайные ошибки модели;

t — индекс времени по параметру.

Исходя из таблицы 1, был предложен список основных гипотез для тестирования. Результаты систематизации гипотез агрегированы в рамках таблицы 2 ниже. Всего в исследовании планируется протестировать порядка 11 гипотез для каждой из двух моделей.

Таблица 2

Систематизация авторского набора показателей для анализа

Код	Описание гипотезы	Модель «бытовой» коррупции	Модель «деловой» коррупции
I. Социально-экономический блок показателей			
H1	Более высокий уровень производственного потенциала региона снижает индекс...	...«бытовой» коррупции	...«деловой» коррупции
H2	Более высокий уровень инвестиционного климата региона снижает индекс...	...«бытовой» коррупции	...«деловой» коррупции

Продолжение таблицы2

Код	Описание гипотезы	Модель «бытовой» коррупции	Модель «деловой» коррупции
Н3	Более высокий уровень природно-ресурсного комплекса региона снижает индекс...	...«бытовой» коррупции	...«деловой» коррупции
Н4	Более высокий уровень потребительской активности населения региона повышает индекс...	...«бытовой» коррупции	...«деловой» коррупции
Н5	Более высокий уровень прожиточного минимума населения региона повышает индекс...	...«бытовой» коррупции	...«деловой» коррупции
Н6	Более высокий уровень показателя безработицы населения региона повышает индекс...	...«бытовой» коррупции	...«деловой» коррупции
II. Криминологический блок			
Н7	Чем выше количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, тем выше уровень...	...«бытовой» коррупции	...«деловой» коррупции
Н8	Чем выше количество выявленных преступлений коррупционной направленности, тем выше уровень...	...«бытовой» коррупции	...«деловой» коррупции
III. Блок показателей антикоррупционного мониторинга			
Н9	Более высокий уровень «риска коррупции» в регионе повышает индекс...	...«бытовой» коррупции	...«деловой» коррупции
Н10	Более высокий размер взятки в соответствующей сфере коррупции повышает индекс...	...«бытовой» коррупции	...«деловой» коррупции
Н11	Чем выше доля годового объема коррупции, тем выше уровень...	...«бытовой» коррупции	...«деловой» коррупции

Источник: составлено автором.

В рамках оценки математической модели используются методы анализа временных рядов в лице стандартной линейной регрессионной модели.

Главной задачей сформированного ряда показателей является разработка методики прогнозирования коррупции в рамках использования антикоррупционного мониторинга регионов РФ. В этой связи была дополнена система показателей антикоррупционного мониторинга социально-экономическими и криминологическими показателями с целью построения теоретических и эмпирических моделей оценки и прогнозирования коррупции. Это необходимо для совершенствования всего механизма антикоррупционного мониторинга, который в настоящее время основан только лишь на социологических исследованиях, что исключает подпроцесс прогнозирования. Мы предлагаем использовать социологические исследования в совокупности с методами статистического анализа.

Примечания

1. Отчет о социологическом исследовании «Оценка уровня бытовой и деловой коррупции в Удмуртской Республике» / *Д. Е. Кабанов, А. А. Кровяков, П. Н. Кучеренко, Г. В. Большаков*. Ижевск, 2021.

2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: статистический сборник. Москва, 2021.

3. Анализ конкурентной среды (оценка глобальной конкурентоспособности): методика рейтинга AV RCI — 2018–2020. URL: http://av-group.ru/wp-content/uploads/2016/03/AV_RCI_method.pdf (дата обращения: 16.10.2022).

В. О. Сидельников,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
к.ю.н., доцент *М. В. Степанов*

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В РАСШИРЕНИИ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Современная мировая финансовая система находится на этапе перемен. В трудах ученых все чаще встречаются суждения о том, что современные денежные средства теряют свою покупательную способность и сегодня тот доллар, который использовался в обороте в начале XX в. в момент создания Федеральной резервной системы (далее — ФРС), сейчас фактически обеспечивает покупательную способность только на несколько центов из того полновесного доллара, каким он был в начале XX в. Все это сопровождается отказом от золотого стандарта, решением о прекращении обмена по фиксированному курсу доллара на золото и наоборот. Именно с момента отказа от данного формального правила нарастает колоссальный разрыв между кредитным расширением финансовой системы (накопления всех видов долгов) и валовым внутренним продуктом. Говоря языком банков, «кредитное плечо» современной экономики нарастает достаточно быстрыми темпами, при этом в мире сохранилась определенная синхронность масштаба роста одних из основных активов на планете, таких как золото и нефть. При всех конъюнктурных и спекулятивных отличиях последние развиваются достаточно синхронно, и если провести данную зависимость на более долгосрочный период, то мы видим, что она сохраняется. Рассматриваются

следующие пропорции: платежи по картам и наличные денежные средства, находящиеся в обращении в качестве доли от валового внутреннего продукта (далее — ВВП). В большинстве стран доля наличных денег как процент от ВВП растет, при этом растут и электронные платежи, и это говорит о том, что наличные денежные средства остаются востребованными. Развитие ситуации с такого рода платежными средствами является политикой перехода к политике нулевых либо отрицательных процентных ставок. Основными факторами, влияющими на то, что современная денежная система начинает терять фундаментальные черты, присущие ей последние два века: отрицательные процентные ставки и переход к наличным денежным средствам, в банковской сфере система страхования вкладов (существующая в подавляющем количестве стран) стирает границы между банками с точки зрения привлекательности для клиентов, правильный риск-менеджмент за счет системы страхования депозитов постепенно стирается (наравне с этим есть предпосылки того, что система страхования вкладов ведет к разрушению и эрозии банковской системы).

Вторая тенденция, сложившаяся в основной своей массе после кризиса 2008 г., работает по принципу «Too big to fail» [1] (далее — TBTF), когда государства разных стран в той или иной форме либо национализировали банки, либо приняли участие в стабилизации их затрудненного положения, и несмотря на распространение различного рода показателей с широким спектром отрицательных показателей, далее была создана стойкая позиция пользователей банков относительно того, что на тот момент существовали банки TBTF и все остальные. Следует отметить, что это привело в дальнейшем к тому, что последние несколько лет в странах Юго-Восточной Азии и Великобритании появилась иная модель банковского бизнеса — *Challenger banks* (далее — CB) — это те банки, которые имеют «ограниченную» лицензию и часть операций в системе недоступна, офисов, как правило, данные банки не имеют, показывают низкий уровень расходов, имеют упрощенное регулирование по сравнению с иными банками, находящимися в «широком» сек-

торе экономики, и в конечном счете «СВ» превращаются в цифровые фабрики по реализации простейших с точки зрения банковских технологий продуктов.

И третьей тенденцией, появившейся на границе банковского бизнеса и денежного обращения, считаются криптовалюты, идеи о них и технологические решения существовали задолго до 2008 г., но они получили сначала формат биткоина и иных вариаций в дальнейшем. В консервативной классической сфере денежного обращения появилась новая технологическая форма. Иными словами, это новый подход, который серьезнейшим образом стал влиять на всю организацию системы денежного обращения, но роль тех настоящих денег, которая могла бы им быть приписана, не поддается никакому осмыслению, но как некая новая модель некоторой формы денег (не затрагивая блокчейн-технологии), они сформировали тенденцию, которая сейчас активно развивается в разных направлениях.

Примером могут являться ситуации, в которых ключевым звеном являются банки, получившие регистрационный номер, и у которых нет возможности открыть корреспондентский счет, они ведут разбирательство с национальными центральными банками по той простой причине, что в качестве бизнес-модели данного банка предполагался прием депозитов, которые превышают примерно 100 тыс. долларов, а это предел суммы страхования в банковской системе и суммы размещения на депозитном счете Центрального банка (далее — ЦБ). Поскольку до недавнего времени по счетам ставка была несколько десятых процента [2], а депозит предоставлялся за процент, превышающий в несколько раз ставку по счетам, таким образом данный бизнес не отвечал законам рентабельности в полной мере. Создание таких банков является спорным вопросом, характеризующим значительную часть денежной системы и ее «нетрудоспособность». Признаки, указанные выше, доказывают, что в существующей финансовой системе, в том числе в рамках использования цифровых валют, существуют проблемы, которые должны быть решены.

Именно поэтому создатели биткоина и других криптовалют предложили два взгляда на данную ситуацию. Первый взгляд основывается на базовой классической системе денежного обращения, которая построена на основании наличных и безналичных денежных средств ЦБ и на существовании денежных агрегатов, которые создаются и рассчитываются на базе банковской системы, в которой последняя выступает мультипликатором денежного обращения, который берет деньги ЦБ и превращает их в деньги потребителей, то есть цифровые деньги ЦБ выступают третьим элементом, который предлагается ЦБ в качестве некоего добавления в традиционную модель классической банковской эмиссии, и именно данная новация находится на стороне базовых денег, то есть речь идет о внедрении третьей формы базовых денег. Если же брать за основу идею криптографической монетарной системы, то мы знаем, что она строится на двух элементах (базовые деньги, основанные на криптовалютах, не имеющих единого эмитента и публичного блокчейна).

Второе, что мы рассмотрим, различного рода токены, являющиеся производными от данных денег, базирующиеся на публичных либо частных блокчейнах и использующие базовые деньги в качестве основного средства, вокруг которого создается среда токенов, выступающих в роли платежных систем. Как и в первой части, базовых деньгах, эмитента нет, то есть ЦБ нет, так и во второй части создание токенов не является основой специальных лицензированных институтов, таких как коммерческие банки, то есть создание данной формы денег доступно всем институтам вплоть до физических лиц, и денежное обращение в этом случае базируется на иных принципах, чем наличие лицензированных банков, которые являются генераторами денежных средств в классической банковской системе. Любая компания или какой-либо институт сегодня, базируясь на инструменте по типу биткоина, может создать токенизированную среду, в которой данные элементы начинают свое обращение и выполнение той самой исторически закрепившейся роли особого товара, денег. Классическая мо-

дель базируется на участии государства, ЦБ — регулятора банковской системы, наличии сферы системы денежного обращения и имеет набор неких замкнутых регуляций, которые, прежде всего, касаются вопросов выпуска токенов, вопросов признания базовых криптовалют в качестве разрешенных платежных средств, наличия регулирования для осуществления платежей (получение лицензии) и признания криптовалютных бирж как организаций посредников. Вопрос, касающийся различных криптокошельков, криптообменников, остается открытым. Страны имеют в отношении данного вопроса индивидуальный подход, и единого концепта не выработано. Вопросы идентификации клиента должны быть решены, и директива, выпущенная Евросоюзом [3], трактует данные вопросы прежде всего в контексте отмывания денежных средств и в рамках борьбы с терроризмом.

Говоря об особенности криптовалют — третьем элементе упомянутой выше финансовой системы, следует сказать, что исторически деньги выполняют функцию средства сбережения, средства обмена и меры стоимости. Первые две функции исполнялись лучшим образом разными видами денег. Функция сохранения стоимости лучше выполнялась золотом, товарными деньгами, а XX в. говорит нам о том, что с точки зрения инструмента платежа как средства осуществления транзакций электронные деньги (безналичные) выполняют свою функцию значительно лучше. Достаточно посмотреть на объем транзакций, осуществляющихся в системе VISA, MASTERCARD, на биржах и т. д., и приходит понимание, что количество транзакций там измеряется сотнями тысяч и золото в том виде, в котором оно существует, не сможет обеспечивать подобного рода транзакционную гибкость и эффективность. Две указанные функции всегда находились в некоей конфронтации, и в этой связи неоднократно выдвигались попытки объединения их в единую структуру. Криптовалюты могут претендовать на успешную реализацию и первой функции, и второй одновременно. Если они будут ограничены в изменении своей стоимости (монетаристская теория отчасти выступает

примером) в том плане, что сохранение стоимости было косвенно зафиксировано путем становления предельного темпа роста объема денежных средств, то есть косвенным образом стремились обеспечить сохранение стоимости фиатных денег, то в данном случае существуют различные идеи по реализации такого рода проекта в рамках различных классификаций криптовалют, то есть идеи по эффективному сохранению стоимостной величины и получению высокой эффективности в контексте осуществления большего числа транзакций на данный момент обретают высокую вероятность реализации. Поэтому основной смысл указанного типа денег заключается в попытке объединения двух свойств и создании третьего элемента, который позволит выдвинуть денежную систему на следующий уровень развития.

Методологически рассмотрев свойства электронной составляющей, универсальной доступности, наличия ЦБ и обращения в формате *peer-to-peer* (от человека к человеку), можно структурно, разделяя по кластерам, распределить деньги, о которых известно мировой финансовой системе, и предположить, какими свойствами могли бы обладать деньги, которые до настоящего времени не были созданы.

Цифровые активы ЦБ (далее — ЦАЦБ) страны подпадают под категории *Fedcoin* и *CADcoin*, находящиеся рядом с безналичными и наличными денежными средствами. ЦАЦБ занимают два сектора и соотносятся с теми направлениями, в рамках которых в настоящее время успешно развиваются проекты, связанные с выпуском ЦБ цифровых денег.

Первое направление представляет собой выпуск цифровых наличных, то есть выпуск денег, которые могли бы дать возможность пользователям (владельцам указанных денег) реализовать весь тот набор функциональных свойств и сервисов, обеспечиваемый наличными денежными средствами. Основная задача заключается в создании децентрализованной системы денежного обращения. Наличные деньги, если убрать эмиссионную составляющую в момент выпуска и их уничтожения, можно сделать вывод о том, что по большому счету они являются си-

стеймой децентрализованной, основанной на *peer to peer* транзакциях. В данном направлении существует несколько проектов (например, *Dinero electronico*), которые были реализованы или претендовали на выполнение указанной функции [4].

Полный обзор возможностей, который предоставляют цифровые деньги, представлен в проекте ФРС под названием «FEDcoin» [5]. Независимое Федеральное агентство представляет подобного рода денежные средства как универсальный инструмент, которые должны существовать в электронном виде и работать круглогодично без перебоев. Ограничений с точки зрения расчетного цикла и иных дополнительных условий для их обращения быть не должно. Необходимо поместить неопределенное количество безналичной национальной валюты на счет в ЦБ, и в обеспечение указанных денег будут выпущены электронные деньги. У данной технологической особенности существует одно серьезное последствие: в случае если это будет реализовано, то это может привести к кардинальному изменению всей системы денежного обращения, так как если распространить идею в более существенных масштабах и активно предлагать, то возникнет ряд сложностей и рисков в отношении счетодержателей в банках.

Примечания

1. Too Big to Fail. URL: <https://www.investopedia.com/terms/t/too-big-to-fail.asp> (дата обращения: 09.10.2022).

2. Daily Treasury Bill Rates. URL: https://home.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/interest-rates/TextView?type=daily_treasury_bill_rates&field_tdr_date_value=all&data=billratesAll (дата обращения: 09.10.2022).

3. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2018/1673 от 23 октября 2018 г. о борьбе с отмыванием денег посредством уголовно-правовых мер.

4. Dinero electrónico. URL: <https://economipedia.com/definiciones/dinero-electronico-2.html> (дата обращения: 11.10.2022).

5. What Is a Central Bank Digital Currency (CBDC). URL: <https://www.investopedia.com/terms/c/central-bank-digital-currency-cbdc.asp> (дата обращения: 11.10.2022).

А. С. Сысоева,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *М. А. Кириллов*

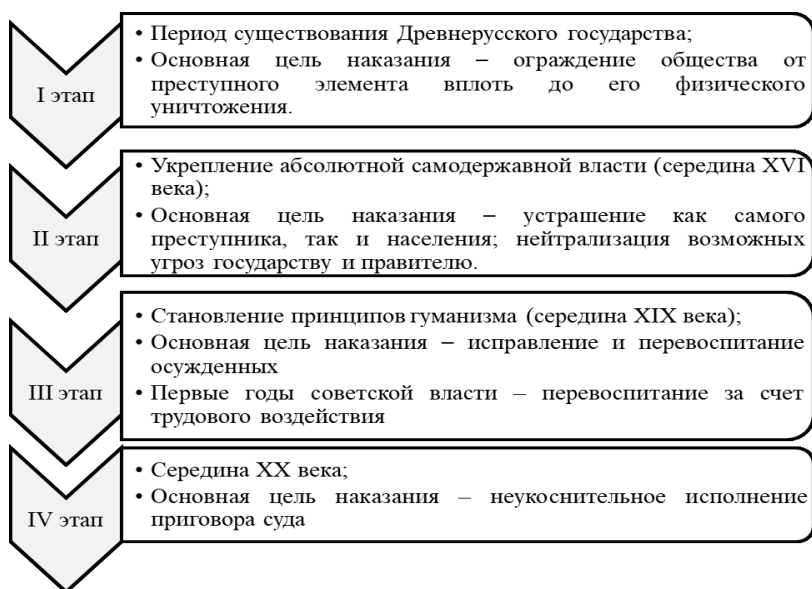
**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
НАЗНАЧЕНИЯ И ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ,
В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Система исполнения наказаний — единая и комплексная структура органов и учреждений, которые осуществляют функции по исполнению различных видов наказаний. Среди всех видов уголовных наказаний особое место занимает лишение свободы, поскольку оно является одним из наиболее серьезных и требует повышенного внимания со стороны государства. Лишение свободы в отношении женщин подлежит глубокому и всестороннему исследованию, поскольку женская преступность является индикатором состояния общества, уровня прав и свобод граждан, социальной стабильности и благополучия. Нельзя отрицать серьезных успехов нашего государства, которые достигнуты как в законодательной базе, так и в практике ее реализации в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы [1].

Общетеоретические основы лишения свободы в отношении женщин рассматриваются с позиций трех структурных элементов: историко-правовой анализ, нормативное регулирование и криминологическая характеристика.

Проведенный историко-правовой анализ показал, что развитие любого явления в историческом контексте требует его

периодизации. Обращаясь к трудам ряда ученых, в частности, Б. П. Морозова, А. В. Наумова, В. В. Сверчкова, И. Я. Фойницкого, мы выделили существующие в науке уголовного права подходы к периодизации как самого уголовного законодательства, так и пенитенциарной системы России. В рамках работы нами был представлен авторский подход к периодизации истории развития наказания в виде лишения свободы в России. Ключевым фактором перехода между периодами обозначена смена ключевой цели наказания. Именно смена цели наказания, по нашему мнению, становилась толчком для коренных преобразований в пенитенциарной системе. Авторский подход к периодизации истории института лишения свободы в России возможно представить в виде следующей схемы (рис.).

**Рис. Этапы развития института наказания
в виде лишения свободы**

Институт лишения свободы в отношении женщин закономерно претерпевал изменения параллельно преобразованиям во

всей пенитенциарной системе. Так, прослеживается эволюция в данной сфере: от дискриминационных положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства до установления льгот и привилегий в отношении осужденных женщин. Признание равенства людей по половому признаку, развитие международного права, принятие высокой социальной роли женщины как матери в процессе исторического развития обусловили глобальные изменения в пенитенциарной сфере относительно отбывания наказания осужденными женщинами.

В качестве следующего шага проанализировано правовое регулирование назначения и отбывания наказаний, связанных с лишением свободы в отношении женщин. В настоящее время процесс консолидирования Российской Федерации и мирового сообщества затруднен в связи с рядом внешнеполитических и внутригосударственных проблем. В таких условиях наблюдается переосмысление международно-правовых обязательств государств, а также нормативного регулирования международных отношений. Это приводит к необходимости переоценки всей структуры нормативно-правового регулирования различных сторон общественной жизни. Наибольший интерес для нас представляет построение единой и непротиворечивой системы нормативных актов в сфере назначения и отбывания наказаний, связанных с лишением свободы в отношении женщин с учетом актуальных изменений на международной арене. Установление места и роли международных актов в системе российского права является актуальным вопросом, требующим более глубокого и детального рассмотрения. Нами поставлена задача выстроить структуру нормативных правовых актов, регулирующих рассматриваемую сферу.

Проведенный сравнительный анализ позволил нам сделать ряд выводов. Международные правовые акты в сфере назначения и отбывания наказаний, связанных с лишением свободы в отношении женщин, устанавливают общие принципы и формируют правовую базу, оставляя при этом возможность дальнейшего развития и детализации данных положений в национальном законодательстве. Россия, следуя принципам гума-

низма, принимает на себя ряд обязательств по реформированию пенитенциарной системы и приведению ее в соответствие с международными стандартами, однако сделанный сравнительный анализ показал, что не все принципы, закрепленные на международном уровне, закрепляются на внутригосударственном уровне. Лишение свободы как специфичный вид уголовного наказания требует более основательной и глубокой разработки фундаментальных основ его исполнения, в том числе в виде расширения принципов уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Правовое положение осужденных женщин регулируется большим числом нормативных правовых актов различного уровня. Нами отмечена тенденция законодательного установления ряда льгот и привилегий по отношению к женщинам, совершившим преступления. Тем не менее, по нашему мнению, такие льготы нельзя признавать проявлением дискриминации или нарушением принципов равенства, справедливости и гуманизма. Существование подобных привилегий объясняется социальным статусом женщины как продолжательницы рода. Именно социальная роль женщины, а не половая принадлежность обуславливает законодательные послабления. В этой связи закономерным представляется увеличение объема таких привилегий в отношении имеющих малолетних детей и беременных женщин. Государство устанавливает приоритет материнства и детства, что и объясняет поддержку женщин, даже в случае совершения ими преступления.

Нами предлагается система нормативных источников в рассматриваемой области. Такая система, по нашему мнению, должна выглядеть следующим образом:

- 1 уровень – Конституция РФ [2];
- 2 уровень — федеральное законодательство России, ядром которого является УК РФ[3];
- 3 уровень — международные нормативные правовые акты, ратифицированные Российской Федерацией;
- 4 уровень — подзаконные нормативные правовые акты;

5 уровень — ведомственные нормативные акты, центральное место среди которых занимают Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений [4].

Проведенный анализ международно-правового регулирования назначения и отбывания наказаний, связанных с лишением свободы в отношении женщин, показал, что надгосударственные источники исходят из всеобщего признания равенства и принципов гуманности в уголовно-исполнительной сфере. Закрепленные на международном уровне принципы не в полном объеме находят отражение в национальном законодательстве. Тем не менее именно регламентация принципов как фундаментальных основ деятельности должна быть не просто декларативной, а в действительности обеспечивающей возможность реализации закрепленных принципов. В этой связи представляется целесообразным расширение тех принципов, которые закрепляются Уголовно-исполнительным кодексом РФ как в количественном отношении, так и в плане их практического воплощения.

Наконец, при рассмотрении общетеоретических основ лишения свободы в отношении женщин нами дана криминологическая характеристика соответствующего вида преступности. Комплексную проработку женской преступности невозможно представить без ее криминологического анализа. В рамках данного направления нами ставятся две основные задачи. Во-первых, построение целостного криминологического портрета осужденной женщины. Во-вторых, обоснование тезиса о том, что лишение свободы является фактором формирования и укрепления противоправной направленности личности женщины. Иными словами, в структуре криминологической характеристики женской преступности нам необходимо выделить такую специфическую группу, как женщины в местах лишения свободы.

Криминологический портрет осужденной женщины, по нашему мнению, строится следующим образом:

1) социально-демографические признаки — средний возраст от 26 до 45 лет; не состоит в официальном браке; имеет среднее (полное) общее, основное общее или среднее профес-

сиональное образование; не имеет постоянного источника доходов;

2) уголовно-правовые и уголовно-исполнительные признаки — отбывает наказание преимущественно за преступления против собственности; личности, здоровья населения и общественной нравственности. Категории совершенных преступлений — тяжкие и особо тяжкие; совершила преступление во второй или более раз; редко допускает нарушение режима;

3) социальные связи по мере длительности пребывания в условиях заключения модифицируются. Социально полезные связи и контакты утрачиваются, а им на смену приходят группы противоправной направленности, которые могут перерасти в преступные;

4) нравственно-психологические признаки — для женщин специфической чертой является эмоциональная основа формирования криминальной мотивации, а в условиях изоляции от общества такие качества еще больше обостряются, а противоправная мотивация укрепляется; формируются маскулинные черты и качества личности;

5) физические (биологические) характеристики обусловлены принадлежностью по половому признаку к женщинам. В условиях изоляции от общества женщины в большей степени подвержены развитию хронических и приобретению инфекционных и иных заболеваний.

Нами также обоснован тезис о том, что лишение свободы является фактором формирования и укрепления противоправной направленности личности женщины. Это подтверждается как статистическими данными о злостных нарушениях режима и рецидивной преступности, так и социально-ролевыми, психологическими, мотивационными аспектами личности осужденных женщин.

Таким образом, мы выявили основные факторы формирования современной пенитенциарной системы России. Нами обозначена правовая база с учетом актуальных внешнеполитических изменений, а также проанализирована криминологическая характеристика преступности женщин, отбывающих

наказание в виде лишения свободы. Исследование общетеоретических основ позволило нам сформировать общее представление о состоянии женской преступности, о женских исправительных учреждениях, об их месте в уголовно-исполнительной системе России. Так, нами достигнута цель работы и проведен общетеоретический анализ основ назначения и отбывания наказаний, связанных с лишением свободы в отношении женщин в России.

Примечания

1. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // СЗ РФ. 2021. № 20, ст. 3397.

2. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

4. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 № 110 // Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 06.07.2022).

В. А. Тимошкина,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *В. В. Терехин*

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ
КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ
«ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ»**

Институт уголовно-процессуального принуждения является неотъемлемым правовым механизмом в деятельности органов предварительного расследования. Стоит учитывать, что законодательное закрепление возможности применения мер государственного принуждения заставляет лицо действовать в соответствии с требованиями норм права. Применение мер пресечения повсеместно связано с ограничениями конституционных прав участников уголовного судопроизводства, которые являются необходимыми при осуществлении разбирательства по материалам уголовного дела. Для минимизирования необоснованного ущемления прав и свобод человека и гражданина правовая политика в сфере уголовного судопроизводства постоянно претерпевает изменения. В этой связи представляется необходимым рассмотреть введенную в апреле 2018 г. меру пресечения — запрет определенных действий [1]. Подразумевается увеличение практики избрания принудительных мер, которые не связаны с лишением свободы.

На первый взгляд «запреты» как составляющий элемент «сущности» рассматриваемой меры пресечения, а также общие правила их применения определены законодателем. Часть 6

ст. 105¹ УПК РФ регламентирует исчерпывающий перечень запретов и ограничений, которые могут быть применены к подозреваемому или обвиняемому [2]. Особое научно-теоретическое значение для анализа имеющихся пунктов-запретов имеет мнение К. Б. Калиновского, который считает: «запрет определенных действий имеет смешанный характер, потому что сочетает в себе признаки психолого-принудительных и физически-принудительных мер воздействия на личность подозреваемого или обвиняемого» [3, с. 9].

Необходимо упомянуть об исключительном праве суда на избрание рассматриваемой меры пресечения, однако пункты-запреты, которые могут быть избраны подозреваемому или обвиняемому, выбирает орган предварительного расследования, исходя из целесообразности каждого ограничения и соразмерности совершенного деяния. Полагаем, комбинированный характер системы пунктов-запретов представляется положительным аспектом, поскольку этот фактор позволяет определять отдельные ограничения подозреваемому или обвиняемому в каждом случае индивидуально.

Так, ст. 97 УПК РФ предусмотрено право органа предварительного расследования на избрание исключительно одной принудительной меры в отношении подозреваемого или обвиняемого. Нельзя не согласиться с мнением О. Д. Вастьяновой, которая полагает, что законодатель, вводя запрет определенных действий, отошел от принципа применения исключительной меры пресечения в рамках отдельной меры пресечения, а также в совокупности с залогом и домашним арестом [4, с. 4].

Таким образом, практика реального применения «запрета определенных действий» нередко высвечивает пробелы и противоречия имеющейся процессуальной формы избрания этой меры. Данное обстоятельство, несомненно, влияет на качество соблюдения конституционных прав и свобод лиц, подвергаемых уголовному преследованию.

В итоге рассмотрения данного вопроса стоит сказать, что усиление внимания к этой мере пресечения, в части ее осмысления и применения, в настоящее время связано с наличием

некоторого количества сложных и пока не решенных проблем: с одной стороны, в силу своей новизны данная мера пресечения сравнительно редко применяется на практике; с другой — в той же правоприменительной практике явно обозначилась тенденция возрастающей популярности «запрета определенных действий»¹, поскольку избрание этой «гибкой» меры пресечения рассматривается как оптимальный элемент системы пунктов-запретов, позволяющей соблюдать права и свободы участников уголовного судопроизводства.

Таблица 1

**Количество ходатайств об избрании и продлении
запрета определенных действий как самостоятельной
меры пресечения**

год	запрет определенных действий	продление срока запрета определенных действий	возложение обязанности по соблюдению запретов при избрании домашнего ареста или залога
2018	301	458	877
2019	1246	2537	1913
2020	1850	3486	2012
2021	2565	4709	2281

Анализируя данные, представленные в таблице 1, стоит отметить увеличивающуюся тенденцию к избранию запрета определенных действий. В 2021 г., по сравнению с 2018 г., количество удовлетворенных ходатайств увеличилось в 8 раз. Удовлетворенных ходатайств о продлении срока запрета опре-

¹ Согласно статистике судебного департамента при Верховном Суде (далее — СДЭБ) и Единой межведомственной информационно-статистической системе (далее — ЕМИСС), количество избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий возросло с 347 ходатайств (в 2018 г.) до 2 565 (в 2021 г.).

деленных действий с 2018 по 2021 г. стало в 10 раз больше, что говорит о приоритете избрания более «мягких» мер пресечения. Данное обстоятельство подтверждает процесс активного внедрения в правоприменительную практику запрета определенных действий.

Если обратить внимание на статистические данные при избрании запрета как дополнительной меры пресечения (возложение обязанности по соблюдению запретов при избрании залога или домашнего ареста), количество удовлетворенных ходатайств также возросло в 2,6 раза. Таким образом, процесс «индивидуализации» ограничений, применяемых к подозреваемым или обвиняемым, при производстве предварительного расследования, видится исключительно положительной тенденцией.

Примером может послужить постановление Преображенского районного суда об избрании меры пресечения по уголовному делу № 3/*/18 в отношении гражданина А.М.Х, которому предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «а, г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, относящейся к категории «тяжких». В отношении обвиняемого были избраны запреты, регламентированные пунктами 1, 2, 4 и 5 части 6 статьи 105¹ УПК РФ [5].

Логично предположить, что запрет, который закреплен в п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, избирается на срок, установленный органом суда для его действия (ч. 9 ст. 105¹ УПК РФ), в то время как запреты, предусмотренные п. 2–6 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, продолжают применяться до отмены или изменения меры пресечения. Представляется уместным высказать мнение о необходимости дополнительного разъяснения в тексте постановления, что подразумевается под «увесилительными мероприятиями», с целью обеспечения предупреждения нарушения избранной меры.

Центральной проблемой в исследовании является определение эффективных технических средств, с помощью которых осуществляется контроль за исполнением запретов, предусмотренных мерой пресечения. Здесь уместно обратить внимание на

отсутствие четкого процедурного механизма реализации установленных запретов, который приводит к неопределенности органов предварительного расследования, соответственно, правоохранительным органам легче избрать заключение под стражу.

Так, ч. 11 ст. 105¹ УПК РФ предусматривает, что обеспечение контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов и ограничений, установленных судом, на уголовно-исполнительные инспекции входит в структуру (ФСИН) [6]. Стоит заметить, что мерой пресечения предусмотрено шесть запретов, которые могут быть возложены на подозреваемого/обвиняемого. Отдельным дискуссионным вопросом видится запрет на управление автомобилем и иным транспортным средством, изложенный в п. 6 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, поскольку регулирование рассматриваемого аспекта еще законодательно не закреплено в УПК РФ.

Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 (с изм. от 24 ноября 2018 г.) «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» [7].

В данном постановлении указан перечень технических средств, обеспечивающих контроль за исполнением запретов:

- браслет электронный;
- стационарное контрольное устройство;
- мобильное контрольное устройство;
- ретранслятор;
- персональный трекер;
- сервер мониторинга;
- сервер аудиовизуального контроля;
- стационарный пульт мониторинга;
- мобильный пульт мониторинга.

Указанные технические средства позволяют обеспечить отслеживание передвижения и коммуникации лица, на которое наложен один или несколько запретов, предусмотренных мерой пресечения. Поскольку механизм отслеживания запретов на коммуникацию все еще не ясен, отсутствие эффективных средств контроля ставит под сомнение оптимальность избрания запретов.

Д. С. Костенко и А. Д. Назаров в своей монографии рассмотрели результаты аудита по использованию оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее — СЭМПЛ), которые в 2018 г. показали 44,3 % неисправного оборудования [8, с. 27], то есть неэффективность использования имущества, на закупку которого были израсходованы денежные средства, пропорциональна неэффективности одной из целей введения меры пресечения: экономия средств федерального бюджета [1].

Поскольку запреты на коммуникацию, предусмотренные п. 3–5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, обязуют подозреваемого или обвиняемого ограничиваться от общения с некоторым кругом лиц, отправлять или получать телеграфные отправления и почту, а также необходимость выхода в сеть «Интернет». Одним из путей «обхода» доступа в сеть может быть использование лицом зашифрованного подключения — VPN, вследствие чего необходимость осуществления усиленного контроля за выходом в Интернет возрастает.

В распоряжении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций имеется автоматизированная система мониторинга VPN, прокси-серверов и поисковиков, направленная на соблюдение требований по блокировке запрещенных в Российской Федерации интернет-ресурсов.

Считаем целесообразным с целью повышения эффективности механизма контроля за исполнением запретов на коммуникацию, предусмотренных п. 3–5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, внести изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 [3], дополнив п. 3

«Технические средства и устройства региональных информационных центров» Перечня средств контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения следующим подпунктом: *«средства блокировки VPN и прокси-серверов»*.

Система будет работать посредством письменного уведомления провайдеров мобильной связи, используемой подозреваемым или обвиняемым, на которого наложен запрет на коммуникацию. Система будет направлена на проверку лица, решившего обойти запрет на доступ к сети «Интернет».

Таким образом, правовое регулирование «запрета определенных действий» и практика применения соответствующих уголовно-процессуальных норм сопряжены с проблемами, которые требуют дальнейшей научной проработки. В этой связи дополнение вышеуказанного пункта постановления позволит повысить эффективность достижения задач и цели уголовного судопроизводства по контролю за исполнением запретов, предусмотренных мерой пресечения.

Примечания

1. К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста): пояснительная записка. URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2022).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921.

3. Калиновский К. Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 9.

4. Вастьянова О. Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2022.

5. Постановление Преображенского районного суда г. Москвы об избрании меры пресечения по делу № 3/29/18. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2022).

6. Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: приказ МВД России № 603 от 31 августа 2020 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2022).

7. О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 (с изм. от 24.11.2018 г.) // СЗ РФ. 2018. № 48, ст. 7419.

8. *Костенко Д. С., Назаров А. Д.* Запрет определенных действий в системе мер пресечения в уголовном судопроизводстве России: монография. Москва, 2022.

Р. Р. Умярова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *Н. Н. Ковтун*

**ОСОБЕННОСТЬ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ,
СВЯЗАННОГО С ОГРАНИЧЕНИЕМ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ НА ТАЙНУ
ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ,
ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ**

Конфиденциальный характер следственных действий в уголовном судопроизводстве определяет скрытую форму спора, когда одна из сторон прямо не выражает своего намерения перед судом, но потенциально выступает участником спора. Тем самым инициирование следственными органами производства конфиденциальных следственных действий приводит к спору стороны обвинения и заинтересованных лиц, в отношении которых планируется реализация следственного действия.

Судебный контроль в рамках следующих следственных действий направлен на защиту конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ).

Среди отдельных следственных действий, включающих и осмотр, и выемку, законодатель выделяет наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст. 185 УПК РФ). В доктрине существует множество позиций относительного данного следственного действия. А. П. Рыжков [1] видит его как комплексное уголовно-процессуальное

явление, в состав которого входит и мера процессуального принуждения (арест) и отдельные следственные действия (осмотр и выемка). Особенность, по его мнению, заключается в специфических условиях производства и специальном объекте. В. В. Кальницкий, Д. А. Солодов, О. Я. Баев [2, 3] считают рассматриваемое следственное действие единым, другие выделяют в нем два следственных действия.

Мы придерживаемся логики А. П. Рыжакова о его комплексном характере, о чем свидетельствует взаимосвязь всех трех элементов: необходимость производства выемки определяется только после осуществления осмотра (выемка не является обязательным элементом), а осмотр невозможен без соответствующего задержания. О самостоятельности же свидетельствует факт осуществления всех действий по единому судебному решению для достижения единой цели.

Фактическим основанием наложения ареста на почтово-телеграфные отправления является наличие достаточных данных (доказательств и оперативно-розыскной информации), свидетельствующих о том, что в бандеролях, посылках или иных почтово-телеграфных отправлениях (письмах, мелких пакетах, контейнерах и др.), в телеграммах или радиограммах имеются сведения, предметы или документы, имеющие значение для уголовного дела. Перечень и интерпретация всех видов почтово-телеграфной корреспонденции содержится в приказе Минкомсвязи России от 31 июля 2014 г. № 234 [4].

При наличии оснований субъект расследования выносит ходатайство о производстве наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку. В данном документе следователь помимо обязательных составляющих постановления (даты, времени, места и т. п.) и фактических оснований производства рассматриваемого следственного действия указывает полностью фамилию, имя, отчество лица, почтово-телеграфные отправления которого должны задерживаться; его адрес; виды почтово-телеграфных отправлений, которые должны быть задержаны; конкретное учреждение связи, руководство которого должно будет осуществить за-

держание отправлений определенного субъекта. Причем последний должен будет незамедлительно произвести уведомление должностного лица, который ходатайствовал о данном следственном действии.

В доктрине существует дилемма относительно возможности наложения ареста на исходящую корреспонденцию. Отдельные ученые утверждают о возможности задержания как входящей, так и исходящей корреспонденции [5], другие, что арест может быть наложен только на входящие отправления [1]. Первая позиция авторов, на наш взгляд, является правильной, так как ни в законе, ни в иных источниках запрета на арест исходящих отправлений не предусмотрено.

«Было удовлетворено ходатайство старшего следователя о наложении ареста на почтовые отправления (письма) — входящую и исходящую корреспонденцию Шитова В. Э.» [6].

Однако относительно исходящих отправлений существует проблема установления учреждения связи, откуда субъект контроля будет направлять письмо, бандероль или иное отправление, так как невозможно точно установить почтовое отделение отправки. Или адресантом будут указаны неверные личные данные. Выходом в таком случае может быть направление следователем/дознавателем поручения на производство оперативно-розыскных мероприятий, в основе — наблюдения. Или, как предлагает А. Н. Иванов [7], можно установить лиц, которым интересующий органы следствия субъект может направить какую-либо корреспонденцию. Конечно, при наличии достаточных оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 185 УПК РФ.

Тем самым законодатель не устанавливает конкретный перечень субъектов, в отношении которых может быть произведено наложение ареста на корреспонденцию. Причем, по утверждению В. В. Кальницкого [2], круг лиц, на почтово-телеграфные отправления которых может быть наложен арест, не ограничивается перечнем участников уголовного судопроизводства.

Остается вопрос относительно направления корреспонденции в адрес юридического лица. Закон не предусматривает

запрета на наложение ареста и в последующем осмотра и выемки на почтово-телеграфную корреспонденцию юридического лица, но в ст. 185 УПК РФ предусмотрено обязательное указание личных данных физического лица (получателя) и его адрес, что свидетельствует о невозможности ареста и осмотра корреспонденции юридического лица.

В постановлении (помимо основных положений) суд в резолютивной части указывает собственно решение на арест; какие почтово-телеграфные отправления подлежат аресту; личные данные лица, отправления которого должны задерживаться; его адреса; решение относительно осмотра и выемки этой корреспонденции; указание конкретного отделения учреждения связи и возложение обязанности по задержанию корреспонденции и немедленного уведомления субъекта расследования на руководителя учреждения связи.

Арест почтово-телеграфных отправлений выражается в недопущении передачи адресату корреспонденции без указания субъекта расследования, который ходатайствовал о наложении такого ареста. Само задержание производится работниками учреждения связи после получения руководителем заверенной копии постановления суда о наложении ареста на отправление конкретного субъекта.

Производство осмотра и выемки возможно только после задержания почтово-телеграфной корреспонденции и уведомления руководителем учреждения связи следователя/дознателя. Осмотр и выемка производятся в общем порядке субъектом расследования и протоколируются отдельными процессуальными документами. Частью осмотра может быть процесс снятия копий почтово-телеграфной корреспонденции. Последнее особенно актуально, если лицо, в отношении которого проводится данное следственное действие, не должно узнать о производстве такового. Выемка в связи с ее специфическим характером объекта производится только после осмотра. Причем последнее реализуется не всегда, а только при наличии к тому оснований, возникших после производства осмотра.

Контроль и запись переговоров — комплексное следственное действие, состоящее из записи телефонных или иных переговоров, а впоследствии осмотра и прослушивания фонограмм. Фактическим основанием его производства является наличие достаточных данных, указывающих на то, что телефонные или иные переговоры включают в себя информацию, имеющую значение для уголовного дела или при наличии угроз насилия или совершения иных преступлений в отношении конкретных лиц (потерпевшего, свидетеля, их родственников или иных близких лиц), однако относительно последних судебный контроль может и не функционировать, так как ч. 2 ст. 186 УПК РФ говорит о том, что при личном письменном заявлении таковых следственное действие может проводиться без санкции суда по постановлению следователя. Соответственно, круг субъектов, в отношении которых производится это следственное действие, достаточно обширен.

В ходатайстве следователя должен быть указан номер уголовного дела со ссылкой на норму УК РФ, в рамках которого планируется производство прослушивания переговоров. При чем специфическим условием в данном случае является тяжесть совершенного деяния. Контроль и запись переговоров законно осуществлять только в отношении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких, что является обязательным условием для проверки судом при вынесении решения.

Так, судья районного суда г. Саратова отказал в удовлетворении ходатайства о производстве контроля и записи телефонных переговоров, так как преступление, по признакам которого было возбуждено уголовное дело — ч. 1 ст. 199 УК РФ, в силу ч. 2 ст. 15 УК РФ относится к категории преступлений небольшой тяжести [8].

В резолютивной части постановления следователю нужно указать личные данные лица, чьи переговоры подлежат прослушиванию; перечислить принадлежащие лицу номера (мобильный, служебный, домашний), с которых могут осуществляться переговоры, в контексте которых будут содержаться сведения, необходимые для расследования по уголовному делу;

обозначить срок, в период которого ожидается производство данного следственного действия (до 6 месяцев); указать орган, на который накладываются обязанности по выполнению технической стороны контроля и записи переговоров.

Если при контроле почтово-телеграфных отправок суд самостоятельно направлял поручение для задержания корреспонденции в учреждении связи, то при контроле и записи переговоров эта функция возложена на следователя, который совместно с сопроводительным письмом направляет в подразделение, указанное в постановлении суда для реализации технических мероприятий для записи переговоров.

Безусловно, разговоры иных лиц, которые участвуют в переговорах с субъектом контроля, прослушиваются без судебного решения на ограничение тайны телефонных и иных переговоров (ст. 23 Конституции РФ), однако разрешить данную «проблему» не представляется реально возможным, хотя отдельные авторы предлагают решения — устранять записи разговоров лиц, не относящихся к расследованию по делу: устанавливать запрет на применение таких данных в качестве доказательств [9].

Завершающим перечень обозначенных следственных действий является относительно новое действие — получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186¹ УПК РФ). Оно заключается в установлении данных о времени, дате, периоде соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами, номерах абонентов и получении иной информации, в том числе сведений о номерах и месте расположения приемо-передающих базовых станций (п. 241 ст. 5 УПК РФ), то есть в этом случае следователь получает информацию об абонентских номерах (производившего и принявшего вызов); датах и времени соединений; продолжительности соединений; местоположения абонентского устройства в момент соединения относительно базовой станции, обслуживающей вызов/сообщения; о IMEI-коде абонентского устройства; местоположения компьютерной техники в соответствии с адресами в глобальной или локальной

компьютерной сети (для сообщений, передаваемых в рамках компьютерных сетей).

Упоминая понятие «абонент», законодатель подразумевает пользователя услугами связи (с кем составлен договор) при наличии конкретного абонентского номера или уникального кода идентификации [10]. Абонент может быть пользователем не только услуг телефонной связи. Абонентское устройство — это пользовательское (оконечное) оборудование (техническое средство), подключаемое к абонентским линиям и находящееся в пользовании абонентов или предназначенное для таких целей [11]. К таковым относятся: телефон, планшет, факс, таксофон, абонентская станция и др.

А. П. Рыжаков акцентирует внимание на том, что под абонентом подразумевается не лицо, фактически использующее абонентский номер, а тот, с кем заключен договор о предоставлении услуг связи. Для органов следствия, безусловно, интересен фактический пользователь, однако не всегда следствию получается точно установить, в чьем пользовании находится тот или иной абонентский номер, поэтому фактическим основанием вынесения следователем ходатайства о производстве получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами является совокупность результатов следственных действий и оперативно-розыскной информации, которая в данном случае является основополагающей.

Апелляционным постановлением Мосгорсуда признано законным и обоснованным постановление судьи Пресненского районного суда. В жалобе заявителя было указано, что при подаче ходатайства следователем не было предоставлено в суд доказательств, свидетельствующих о точной принадлежности номера (по которому производится получение информации о соединениях между абонентами) конкретному субъекту. Этот номер, по жалобе заявителя, принадлежит и находится в пользовании иного лица (не являющегося обвиняемым по уголовному делу, соединения которого ожидалось установить судом), что подтверждается договором оказания услуг. Заявитель фокусирует внимание на том, что такие

документы следствием не были затребованы у соответствующих органов.

Суд апелляционной инстанции признает такое постановление законным, обоснованным и мотивированным в связи с тем, что органом расследования были предоставлены сведения, указывающие на достаточность оснований полагать, что информация о сетевых соединениях конкретного субъекта имеет значение для уголовного дела. Интересующее следствие лицо само указало в ходе производства предварительного расследования на принадлежность ему этого номера. Условие юридической принадлежности абонентского номера иному лицу не оказывает влияния на законность и обоснованность принятого судом решения [12].

Перед вынесением ходатайства субъектом расследования и получением резолюции руководителя следственного органа/прокурора необходимо установить персональную принадлежность абонентских номеров путем письменного запроса органа предварительного расследования на имя руководителя оператора связи.

В ходатайстве следователя дополнительно к основному перечню обязательных элементов требуется указывать наименование организации, где впоследствии должна быть получена информация о соединении между абонентами и период, за который ее нужно получить. При этом важно указать, что требуемые сведения могут запрашиваться «на будущее», то есть соединения абонентов в перспективе на срок до 6 месяцев и за определенный период в прошлом. Причем, как указывает В. Ю. Стельмах, отсутствие разграничений этих вариантов влечет за собой некоторые коллизии практического характера, в особенности, когда суды дают разрешение на получение данных о соединениях между абонентами за прошедший период времени, ограничиваясь шестью месяцами [13]. Мы считаем, что такие ограничения носят неоправданный характер, а срок не может быть ограничен. Получение сведений за уже фактически произошедшие соединения носит разовый характер, так как субъект расследования целенаправленно выходит

в суд для получения разрешения на производство рассматриваемого следственного действия относительно конкретной ситуации в прошлом, отталкиваясь от имеющихся доказательств. Например, для подтверждения местоположения подозреваемого во время совершения преступления (например, 19 июля 2021 г. с 09:30 по 16:00 в округе ул. Ильинки г. Нижнего Новгорода).

Принимая решение по ходатайству, суд не может установить больший, чем требуется следователем срок, однако ограничить период, в течение которого получение информации о соединениях между абонентами будет осуществляться, суд имеет право при наличии фактических оснований.

На сегодняшний день существует неопределенность относительно субъектного состава, в отношении которого может производиться данное следственное действие. Судебная практика складывается разнопланово. С одной стороны, суд видит законным и обоснованным возможность получения информации о соединениях между неопределенным кругом лиц:

районный суд разрешил следователю осуществить получение сведений обо всех соединениях абонентских устройств, обсуждавшихся базовой станцией, в целях поиска возможных лиц, причастных к совершению хищения из железнодорожного состава, следовавшего через город [14].

С другой стороны, ходатайства в отношении неопределенного круга лиц судьями отклоняются или впоследствии отменяются вышестоящими судами:

В кассационном определении суд указал, что «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в качестве следственного действия может производиться в отношении конкретно определенных абонентов и абонентских устройств. Положения ч. 2 ст. 186¹ УПК РФ не свидетельствуют об отсутствии у следователя (дознателя) обязанности указания в соответствующем ходатайстве сведений о том, какую именно информацию ему необходимо получить, в частности сведения о конкретных абонентах и (или) абонентских устройствах. Информация,

указанная в ходатайстве дознавателя, может быть получена путем проведения соответствующего оперативно-розыскного мероприятия» [14].

Мы согласны с первой указанной позицией, так как в ст. 186¹ УПК РФ не предусмотрено положение, регулирующее субъектный состав. Нет прямого предписания о единичности лица, и нет запрета на производство такого следственного действия в отношении неограниченного круга лиц, находившихся в конкретное время в определенном месте (в пределах базовой станции).

Таким образом, рассмотрение конфиденциальных следственных действий, подверженных судебному контролю, дает основание утверждать об их достаточно четком нормативном регулировании. При изучении судом ходатайства относительно вышеобозначенных следственных действий сторона защиты и иные заинтересованные лица не обладают правом участия в судебном заседании, однако существует и спектр значимых проблем, которые должны быть урегулированы в законодательном порядке.

Примечания

1. *Рыжаков А. П.* Обыск, выемка и осмотр в отношении адвоката: как трактовать УПК // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 57–61.

2. *Кальницкий В. В.* Следственные действия: учебное пособие. Омск, 2003.

3. *Баев О. Я., Солодов Д. А.* Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие. Москва, 2010.

4. Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи: приказ Минкомсвязи России от 31 июля 2014 г. № 234. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2022).

5. Уголовный процесс России: учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; науч. ред. В. Т. Томин. Москва, 2003.

6. Решение Петрозаводского городского суда от 8 апреля 2013 г. № 2-168/33-2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8GueuOvLYQNR/> (дата обращения: 25.07.2022).

7. *Иванов А. Н.* Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления: сущность и тактические основы // Вестник криминалистики. 2011. № 4 (40). С. 28–35.

8. Справка о результатах обобщения практики рассмотрения судами Саратовской области дел и материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных (в том числе оперативно-технических) мероприятий в рамках оперативно-розыскной деятельности за 2009 г. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 28.07.2022).

9. *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 5-е изд. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

10. О связи: федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

11. *Рыжаков А. П.* Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Новое следственное действие. Москва, 2011.

12. Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 октября 2020 г. № 10-185270/2020. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 04.08.2022).

13. *Стельмах В. Ю.* Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // LexRussica. 2017. № 3. С. 141–153.

14. Кассационное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 22 октября 2012 г. № 22-14129/12. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).

Е. С. Храмцов,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
к.ю.н., доцент *М. В. Лапатников*

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

Развитие общества происходит параллельно во всех его сферах, в том числе информационной и технологической, что, в свою очередь, позволяет создавать новые способы коммуникации между людьми и приводит к изменению способов совершения преступлений, посягающих на собственность.

В настоящее время активно используется понятие «информационно-телекоммуникационные технологии», однако в российском законодательстве данный термин не закреплен. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет информационные технологии как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов, а информационно-телекоммуникационную сеть определяет как технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники [1]. В этой связи предлагаем рассматривать информационно-телекоммуникационные технологии как про-

цессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов посредством технологических систем, предназначенных для передачи по линиям связи информации, доступ к которым осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Так, в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий появились новые способы совершения преступлений, посягающих на собственность. В свою очередь данное обстоятельство выявило некоторые актуальные проблемы предварительного расследования в области доказывания по определенной категории уголовных дел, активно исследуемых в научном сообществе, и приведенных нами в статьях: «Проблемные вопросы доказывания по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» [2], «Оптимизация уголовно-процессуального законодательства в области доказывания по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» [3].

Приведение общей характеристики преступлений против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, необходимо для более углубленного исследования выявленных проблем, поиска путей их решения, выработки оптимальной процедуры сбора, проверки и оценки доказательств, совершенствования методики расследования уголовных дел о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также дальнейшего развития уголовного процесса в рамках международного сотрудничества, что, в свою очередь, позволит совершенствовать уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в исследуемой области.

По данным ГИАЦ МВД России, в январе 2022 г. зарегистрировано 38 689 преступлений, совершенных с использова-

нием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 4 % превышает аналогичный показатель прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25 % в январе 2021 г. до 25, 9 % в январе 2022 г. Раскрываемость таких преступлений составляет всего 31, 7 % от общего количества зарегистрированных преступлений указанной категории [4].

Часть 2 ст. 8 Конституции РФ [5] предусматривает равное признание и равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. В соответствии со ст. 35 Конституции РФ право частной собственности охраняется законом; каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами; никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения; право наследования гарантируется.

Исполнение вышеуказанных положений Конституции РФ и в отрасли гражданского права урегулированы нормами, содержащимися в разделе II ГК РФ «Право собственности и другие вещные права» [6].

Исполнение вышеуказанных положений Конституции РФ в отрасли уголовного права урегулировано в том числе нормами, содержащимися в гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности» [7], предусматривающими уголовную ответственность за совершение:

1. Кражи (ст. 158 УК РФ).
2. Мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158¹ УК РФ).
3. Мошенничества (ст. 159 УК РФ).
4. Мошенничества в сфере кредитования (ст. 159¹ УК РФ).
5. Мошенничества при получении выплат (ст. 159² УК РФ).
6. Мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159³ УК РФ).

7. Мошенничества в сфере страхования (ст. 159⁵ УК РФ).
8. Мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ УК РФ).
9. Присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ).
10. Грабежа (ст. 161 УК РФ).
11. Разбоя (ст. 162 УК РФ).
12. Вымогательства (ст. 163 УК РФ).
13. Хищения предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ).
14. Причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ).
15. Неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ).
16. Умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ).
17. Уничтожения или повреждения имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ).

При классификации данных преступлений их можно разделить на корыстные преступления, содержащие признаки хищения, за которые предусмотрена ответственность ст. 158, 158¹, 159, 159¹, 159², 159³, 159⁵, 159⁶, 160, 161, 162, 163, 164 УК РФ, и на корыстные преступления, не содержащие признаков хищения, за которые предусмотрена ответственность ст. 163, 165 УК РФ, а также некорыстные преступления, за которые предусмотрена ответственность ст. 166, 167, 168 УК РФ.

Общим объектом в исследуемой категории преступлений являются отношения в сфере экономики. Видовым объектом является собственность, состоящая в фактической и юридической принадлежности к конкретному физическому или юридическому лицу.

Объективную сторону данных преступлений будут составлять исключительно действия, содержащиеся в диспозиции соответствующей нормы уголовного закона.

Субъектами преступлений против собственности являются вменяемые физические лица, достигшие возраста 16 лет за совершение преступлений, предусмотренных ст. 158¹, 159,

159¹, 159², 159³, 159⁵, 159⁶, 160, 164, 165, 168 УК РФ, либо достигшие возраста 14 лет за совершение преступлений, предусмотренных ст. 158, 161, 162, 163, 166, 167 УК РФ.

Субъективной стороной данных преступлений является внутреннее психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию в форме прямого умысла.

Предметом данных преступлений всегда является чужое имущество и право на него.

Однако практически исследуемую категорию преступлений составляют корыстные деяния, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159, ст. 159³, ст. 163 УК РФ. При этом общими у данных преступлений являются такие факультативные признаки субъективной стороны, как корыстный мотив и цель в виде незаконного извлечения имущества, а также такой факультативный признак объективной стороны, как способ их совершения — с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (процессов, методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способов осуществления таких процессов и методов посредством технологических систем, предназначенных для передачи по линиям связи информации, доступ к которым осуществляется с использованием средств вычислительной техники).

Таким образом, в практическом значении преступлениями против собственности, совершенными с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, являются умышленные, виновные, противоправные деяния, совершенные вменяемым физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, из корыстных побуждений, с использованием процессов, методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способов осуществления таких процессов и методов посредством технологических систем, предназначенных для передачи по линиям связи информации, доступ к которым осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Примечания

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 27.04.2022).

2. *Храмцов Е. С.* Проблемные вопросы доказывания по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 141–144.

3. *Храмцов Е. С.* Оптимизация уголовно-процессуального законодательства в области доказывания по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 239–243.

4. Информация ГИАЦ МВД России «Состояние преступности январь 2022 года». URL: <https://мвд.рф/files/application/2354902/> (дата обращения: 25.03.2022).

5. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.04.2022).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 51, ст. 3301.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

Р. В. Хутиев,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *В. А. Толстик*

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Одним из приоритетных прав граждан в Российской Федерации, закрепленных в Конституции РФ, является право на бесплатную медицинскую помощь. Здоровью и жизни человека отдается приоритетное значение при выборе направления политики государства, поэтому проблема не оказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи носит критический характер, угрожающий нормальному функционированию общества, становлению социального государства. В науке преступления в медицинской сфере принято называть ятрогенными.

Понятие «ятрогения» представлено в методических рекомендациях, утвержденных директором РЦСМЭ А. В. Ковалевым. Так, ятрогения – это любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнения медицинских мероприятий, развившихся в результате как ошибочных, так и правильных действий или бездействия врача [1].

Расследование данной категории уголовных дел представляет огромную сложность для следователей по нескольким

причинам. В первую очередь сказывается отсутствие у следователя специальных медицинских знаний. В материалах уголовного дела содержится огромное количество документов, наполненных медицинской терминологией. Решается данная проблема при помощи использования специальных знаний, а именно комиссионной судебно-медицинской экспертизы (далее — СМЭ).

В науке существует огромное количество классификаций судебных экспертиз, однако уголовно-процессуальное законодательство дифференцирует их так:

- 1) первичная;
- 2) дополнительная;
- 3) повторная;
- 4) комиссионная;
- 5) комплексная.

Комиссионная экспертиза может быть первичной, повторной или дополнительной. Комиссионный характер экспертизы определяется: большим количеством объектов, представленных на исследование, необходимостью проведения высокотехнологичных лабораторных исследований и привлечения дополнительных специалистов различного профиля, круг которых определяется лицом, производящим предварительное следствие либо руководителем экспертного учреждения. Юридическим основанием производства экспертизы является постановление следователя о назначении комиссионной экспертизы в соответствии с требованиями ст. 195–207, 283 УПК РФ.

В ходе выполнения исследования автором было проведено неформальное интервьюирование заведующего отделом сложных экспертиз КГБУЗ «Красноярское краевое бюро» (далее — ККБСМЭ) А. И. Бушуева, который пояснил, что наибольшие трудности возникают у должностных лиц именно с составлением постановления о назначении СМЭ по так называемым врачебным делам. А. И. Бушуев пояснил, что практически в каждом постановлении о назначении комиссионных СМЭ по рассматриваемой категории уголовных дел отсутствует информация о разрешении начальнику ККБСМЭ привлекать

в качестве членов экспертной комиссии узких врачей клиницистов, не состоящих в штате ККБСМЭ, в таком случае заключение эксперта может быть признано недопустимым доказательством. В постановлении Пленума ВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 указано следующее: «в случае поручения производства экспертизы лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, разъяснение прав и обязанностей, предусмотренных ст. 57 УПК РФ, возлагается на следователя, суд, принявших решение о назначении экспертизы.

Исходя из этого, следователю еще до поступления материалов в экспертное учреждение необходимо определить эксперта, не состоявшего в штате, без которого производство экспертизы невозможно.

В пункте 5 указано, что «в тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, отсутствует эксперт, производство СМЭ может быть поручено экспертным учреждениям, обслуживающим другие территории, негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении...».

Таким образом, если требуется привлечение врача какой-либо определенной специальности (терапевт, невролог, рентгенолог и т. д.) или специалиста неврачебной специальности, следователь может напрямую поручить экспертное исследование любому соответствующему специалисту, не состоящему в штате ККБСМЭ.

Также А. И. Бушуев обратил внимание на то, что должностные лица при назначении СМЭ по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи формулируют очень большое количество вопросов в постановлении. Так, в среднем формулируется от 80 до 100 вопросов, в 2018 году в отдел сложных экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ поступило постановление, в котором было поставлено перед экспертом более 400 вопросов.

Следствием постановки вопросов, ответы на которые не имеют значения для уголовного дела, является увеличение сроков производства экспертизы, что, в свою очередь, недопу-

стимо при ограниченном сроке расследования. С целью недопущения нарушения разумного срока уголовного судопроизводства считаем целесообразным привести краткий алгоритм действий должностных лиц при назначении СМЭ:

1. Перед тем как принять решение о необходимости назначения экспертизы, следователь должен определить, нужна ли вообще экспертиза?

2. Если нужна, то какова ее цель (что вы хотите получить в итоге?), какие задачи необходимо поставить перед экспертом?

3. Руководствуясь целью и задачами экспертизы, составить вопросы, после чего определить экспертное учреждение и/или эксперта необходимой специальности.

4. При возникновении трудностей с формулированием вопросов необходимо проконсультироваться с экспертом, производящим данный вид экспертиз, однако стоит отметить, что цель экспертизы устанавливается следователем, эксперт поможет ее только верно изложить.

5. Вынести соответствующее постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы.

В процессе расследования, уже после назначения рассматриваемого вида экспертиз, следователь сталкивается с еще одной немаловажной проблемой — со сроком производства экспертизы. Указания на сроки производства какой-либо экспертизы в УПК РФ отсутствуют. Делегируя полномочия по регулированию сроков производства экспертиз ведомственным структурам, законодатель добился дифференциации сроков их производства в зависимости от сложности и трудоемкости исследований.

Судебная экспертиза считается назначенной «со дня вынесения соответствующего постановления следователем, судьей» [2]. Фактически срок производства экспертизы определяется моментом поступления материалов в экспертное учреждение и моментом поручения ее производства конкретному эксперту.

Информации о сроках судебно-медицинской экспертизы ни УПК РФ, ни ведомственные правовые акты не содержат.

К критериям разумности сроков производства комиссионных СМЭ следует относить:

1. Количество вопросов, поставленных на разрешение экспертам.

2. Количество объектов, предоставленных экспертам на исследование.

3. Своевременность предоставления следователем материалов экспертам.

4. Сложность и количество исследований, необходимых для дачи исчерпывающих ответов на поставленные следователем вопросы.

5. Необходимость привлечения к производству комиссионной СМЭ специалистов, не состоящих в штате бюро СМЭ.

6. Транспортная доступность экспертного учреждения для своевременного предоставления материалов эксперту (Таймыр — Красноярск).

7. Фактическая нагрузка по другим экспертизам, выполняемым экспертом в рамках исполнения служебных обязанностей, хотя УПК РФ не относит это к критериям разумности сроков уголовного судопроизводства.

Таким образом, сроки производства СМЭ необходимо урегулировать на законодательном уровне. В настоящее время есть необходимость разработки ведомственного нормативного правового акта, в соответствии с которым руководитель экспертного учреждения будет устанавливать конкретный срок производства экспертизы, предварительно согласовав его с лицом, назначившим СМЭ.

Заключительная проблема, подлежащая рассмотрению, — сложности в определении причинно-следственной связи между действием/бездействием сотрудников здравоохранения и наступившими последствиями. Ее установление является обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности в случае, если состав преступления является материальным. Процесс доказывания наличия причинной связи доставляет немало проблем лицу, производящему расследование. Что касается ятрогенных преступлений, то по некоторым

уголовным делам установить прямую причинно-следственную связь порой не представляется возможным. В медицине существуют такие понятия, как «основное заболевание», «сопутствующее заболевание», «тяжесть заболевания или состояния», которые в свое время могут оказать влияние на наступление неблагоприятных последствий. При одном и том же основном заболевании два человеческих организма могут отреагировать по-разному. Виной тому бывает иммунитет человека, возрастные особенности, а также сопутствующие заболевания.

Следователь по вышеназванным причинам не в силах самостоятельно установить данную связь. Данную задачу может решить комиссия судебно-медицинская экспертиза. Так, в методических рекомендациях по производству данного вида экспертиз указано, что при проведении судебно-медицинской экспертизы установление наличия или отсутствия причинной (прямой) связи между действием (бездействием) медицинского работника и наступлением у пациента неблагоприятного исхода для экспертной комиссии является обязательным [3].

Законодательно не урегулирована ситуация, при которой в действии/бездействии медика обнаруживается косвенная причинно-следственная связь. Так, следствием установлено, что малолетняя Г. с повышенной температурой тела, амбулаторно, обратилась на прием к врачу стоматологу М4 с диагнозом: обострение хронического периодонтита. Впоследствии законный представитель малолетней неоднократно обращалась за скорой медицинской помощью ввиду явного ухудшения состояния здоровья Г. и повышения температуры тела последней, в результате чего в вечернее время малолетняя Г. была доставлена в больницу, где в тяжелом состоянии была госпитализирована. По результатам осмотра, проведенного в этот же день врачами педиатром М, врачом инфекционистом М2, врачом-реаниматологом М3, малолетняя Г. была переведена в палату интенсивной терапии хирургического отделения больницы с предварительным диагнозом гипертиреоз, где днем малолетняя, не приходя в сознание, скончалась.

Следователем была назначена комиссия судебно-медицинская экспертиза [4], в ходе которой был задан вопрос экспертам: «Имеется ли прямая причинно-следственная связь между действиями педиатра М, врача инфекциониста М2, врача-реаниматолога М3, стоматолога М4 и наступившей смертью Г.?» В действиях врачей М, М1, М2 прямая причинно-следственная связь между выявленными дефектами оказания медицинской помощи и наступлением ее смерти не имеется, однако между действиями (бездействием) врача стоматолога М4, которая не провела полное своевременное обследование, не оценила тяжесть состояния ребенка Г., наличие у нее сопутствующей патологии, не назначила адекватное лечение и наступившими последствиями в виде смерти ребенка имеется косвенная причинно-следственная связь. Вопрос наступления уголовной ответственности при косвенной причинно-следственной связи носит дискуссионный характер. Некоторые ученые полагают, что лицо должно понести наказание в таком случае, но правоприменительная практика следует по другому пути.

Подводя итоги, стоит отметить, что ятрогенные преступления посягают на конституционные ценности граждан Российской Федерации, что требует детального и тщательного исследования имеющихся проблем в данной области и принятия решений для их устранения. Расследование уголовных дел данной категории представляет немалую сложность как для самого следователя, так и для экспертов, производящих комплексную судебно-медицинскую экспертизу. Необходимо в первую очередь добиться правового урегулирования пробелов законодательства, таких как отсутствие указания на сроки производства экспертизы, а также решить вопрос о привлечении экспертов, не состоящих в штате учреждения, производящего экспертизу. Во-вторых, разработка методики по назначению рассматриваемого вида экспертиз, так как постановка необоснованных, неправильных и зачастую лишних вопросов увеличивает объем произведенной работы экспертом, но не способствует установлению истины по уголовному делу. Тре-

буется толкование некоторых статей УК РФ, касающихся ответственности за ятрогенные преступления, в частности, установление причинно-следственной связи. По нашему мнению, состав преступления образуется только в том случае, если между действиями лечащего врача и наступившими последствиями установлена прямая причинно-следственная связь.

Примечания

1. *Ковалев А. В.* Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: методические рекомендации. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2017. С. 2.

2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015). Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.06.2021); Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации: приказ Минздравсоцразвития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.06.2021).

3. *Ковалев А. В.* Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: методические рекомендации. Москва, 2017. С. 5.

4. Комиссионная СМЭ по материалам уголовного дела назначена в отдел сложных экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ в 2020 г., проведена экспертной комиссией отдела (заключение эксперта № *** от 06.08.2020 г.). Документ опубликован не был.

А. М. Черкасова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д.ю.н., профессор *Н. Н. Ковтун*

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ
ПРИМЕНЕНИЯ ПОРЯДКА И ИСЧИСЛЕНИЯ
СРОКОВ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА
РЕАБИЛИТИРОВАННОМУ**

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации гарантирует защиту прав и законных интересов потерпевших, равно как и защиту людей от «произвола» государства, в виде незаконного ограничения в правах граждан.

К сожалению, в следственной и судебной практике возникают ошибки и просчеты, совершаемые лицами, представляющими государственную власть. Результатом таких действий становится незаконное и необоснованное ограничение в правах невинных людей. С целью восторжествования справедливости и «заглаживания» причиненного вреда органами государственной власти, законодателем уголовно-процессуальным законом введена гл. 18 «Реабилитация».

Неоднократные обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобами лиц по поводу несоответствия Конституции РФ положений УПК РФ, связанных с институтом реабилитации, свидетельствуют о несовершенстве уголовно-процессуального регулирования реабилитационных отношений.

Необходимость изучения проблем реализации института реабилитации, предложения путей преодоления проблем и

разрешения спорных вопросов диктуют и статистические данные судебно-следственной практики.

Так, опираясь на информацию, представленную Единой межведомственной информационно-статистической системой ЕМИСС, удельный вес ущерба, который был причинен в связи с противоправным деянием и впоследствии возмещен, составляет в 2017 г. — 13,9 %, в 2018 г. — 27,9 %, в 2019 г. — 13,4 %, в 2020 г. — 38,1 %, в 2021 г. — 52,2 % [1].

Представленные данные свидетельствуют о том, что реабилитированным лицам не в полной мере возмещается причиненный ущерб, однако в последние три года прослеживается положительная тенденция, можно заметить значительное увеличение суммы возмещенного ущерба.

Стоит отметить, что уголовно-процессуальным законом предусмотрена возможность возмещения не только имущественного вреда, но и компенсация морального. Остановимся на нем более подробно, поскольку он вызывает наибольший интерес в связи с неоднозначностью оценивания его размеров.

Прежде стоит упомянуть о том, что законодатель не закрепил определение дефиниции «моральный вред» в современном УПК РФ. В настоящее время толкование рассматриваемой дефиниции на законодательном уровне можно найти только в ст. 151 ГК РФ, где под ним понимаются физические и нравственные страдания [2]. Остается открытым вопрос: что следует относить к таким страданиям? Какова должна быть их степень? Как их оценить? Данную проблему попытался устранить официальный орган толкования правовых норм — Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении, в котором пояснил, что вышеуказанные страдания причиняются гражданину действиями, посягающими на его имущественные или неимущественные права, а также нематериальные блага [3].

На монографическом уровне можно найти разнообразные вариации истолкования «морального вреда». Так, например, В. В. Владимирова под ним понимает нравственные или физические страдания, которые были причинены потерпевшему и причинили вред личным имущественным, неимущественным и

нематериальным благам [4, с.17]. На наш взгляд, в данном случае автор использовал ограничительное толкование, поскольку рассматривается моральный вред, причиненный исключительно потерпевшему, но не упоминается о лицах, незаконно привлеченных к уголовной ответственности, необоснованно подвергнутых уголовному преследованию.

И. И. Потеружа связывает его причинение с неблагоприятным психическим состоянием [5, с. 3]. Критикуя высказанную ученым позицию, отметим, что моральный вред может быть причинен не только в связи с посягательством на права лица. Так, например, он может быть причинен родственнику (супругу с ребенком) лица, незаконно заключенному под стражу или необоснованно отбывающему наказание.

Показательным примером является практика развития нормативно-правового регулирования законодательств стран СНГ, способствующая устранению «судебной путаницы». К примеру, в УПК Белоруссии перечислены с раскрытием содержания все виды вреда, который может быть причинен лицу. Кроме того, в УПК Белоруссии закреплено определение морального вреда [6], оно аналогично тому, что содержится в ГК РФ.

Правоприменительная практика Белоруссии, касающаяся возмещения морального вреда, свидетельствует, что процессуальное разъяснение рассматриваемого нами вреда облегчает принятие судебных решений. В связи с этим считаем целесообразным внедрить положительный опыт иностранного законодательства в КПК РФ с учетом российской специфики.

Отсутствие единого подхода процессуалистов к пониманию термина «моральный вред» – одна из нескольких актуальных проблем, существующих в настоящее время в теоретическом поле и влияющих на практику применения института компенсации морального вреда и института реабилитации лица.

Главным вопросом, возникающим при возмещении морального вреда реабилитированному, является определение размера его компенсации.

Вопрос о моральном вреде, причиненном лицу в порядке уголовно-процессуальных отношений, подлежит рассмотрению через призму гражданского законодательства России.

Порядок и основания компенсации морального вреда ввиду незаконного и необоснованного уголовного преследования перечислены в ст. 1070 и 1100 ГК РФ. Законодатель упоминает, что причиненный вред возмещается из казны государства «в полном объеме независимо от вины должностных лиц» [2], однако на практике оценочные критерии определения размера компенсации морального вреда не реализуются в полной мере, не соответствуют принципу полной ответственности государства за вред реабилитированному.

С закреплением правовой нормы о праве на компенсацию морального вреда по настоящий момент не разработана методика оценки размера материальной компенсации морального вреда ни на законодательном уровне, ни в судебной практике, что отрицательно влияет на сложившуюся правоприменительную практику.

Анализ принятых судебных решений свидетельствует о том, что истец, как правило, заявляет максимальный размер морального вреда, полагаясь на то, что суд все равно существенно его уменьшит. Для того чтобы не быть голословными, рассмотрим несколько примеров:

1) гражданин С. обратился с иском в суд о компенсации морального вреда в порядке реабилитации. При рассмотрении уголовного дела в суде гражданин С. был оправдан в соответствии с вердиктом коллегии присяжных заседателей, однако в процессе судопроизводства к нему были применены меры пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу, в процессе чего ему был причинен моральный вред, который он оценил в 4 190 000 рублей. Суд лишь частично удовлетворил сумму вреда (только 1 300 000 рублей), ссылаясь на завышенность и неразумность требований истца. Стоит отметить, что суд высчитал данную сумму исходя из дней примененных мер пресечения (каждый день содержания

под стражей — 2 000 рублей, каждый день домашнего ареста — 1 000 рублей) [7];

2) гражданина Т. признали невиновным и оправдали за отсутствием состава преступления (размер наркотического средства не соответствовал размеру, указанному в нормах уголовного законодательства) по возбужденному в отношении него уголовному делу по признакам преступления, предусмотренным ч. 1 ст. 228¹ УК РФ. Причиненный ему моральный вред в период уголовного преследования он оценил в 1 000 000 рублей, однако суд удовлетворил его иск частично, в 15 000 рублей [8].

При рассмотрении судебной практики суды при расчете морального вреда указывают на принцип разумности и справедливости, но каким образом они производят расчеты? Как определяют сумму возмещения морального вреда?

Акцентирует внимание на данной проблеме также профессор Н. Н. Ковтун, он приходит к выводу о том, что судебная практика формируется таким образом, что суды стремятся к «максимальной минимизации выплат государства реабилитированным» [9, с. 25].

Отдельными регионами России разработаны рекомендации нижестоящим судам в виде таблиц, отражающих средние значения компенсации морального вреда с целью упорядочения оценки ее компенсации [10, 11].

Различные методики оценки размера возмещения морального вреда неоднократно предлагались практическими сотрудниками и учеными-процессуалистами, которые представляли формулы с учетом обстоятельств, способствующих причинению лицу страданий, позволяющие установить базисные критерии размера морального вреда.

Еще три года назад в Государственную Думу России был внесен законопроект, позволяющий регулировать установление минимального размера компенсации морального вреда [12]. Предлагается установить, что незаконное уголовное преследование не может быть ниже 1 тыс. рублей за каждый день преследования. Каждый день применения меры пресечения,

за исключением заключения под стражу — не менее 5 тыс. рублей. Незаконное заключение под стражу или применение мер медицинского характера или воспитательного воздействия — не менее 15 тыс. рублей за день, однако законопроект получил отрицательное заключение Правительства РФ и был возвращен авторам. Дальнейшая его судьба непонятна.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о возмещении морального вреда, выраженного в неимущественной (неденежной) компенсации.

В правоприменительной практике существует масса примеров с заявлением реабилитированного о требовании официального извинения прокурора от имени государства за причиненный вред лицу, однако уголовно-процессуальным законодательством не регламентировано, какой прокурор и как именно должен извиниться перед реабилитированным.

Исследователи предлагали разные процедуры принесения извинения невиновному прокурором. Д. А. Тазиев [13, с. 57] и В. С. Раменская [14, с. 9, 18] считали, что извинение должно быть выражено в виде письменного официального документа. П. Константинов и А. Стуканов настаивали на устной форме извинения в течение 30 дней с признания уголовного преследования незаконным, но если это невозможно, то применять письменную форму [15, с. 41]. А. А. Орлова предлагает совместить вышевысказанные позиции и использовать устную и письменную формы извинения [16, с. 234–235].

В настоящее время законодательный пробел устранен изданным указанием Генерального прокурора РФ [17], в котором указана форма и срок такого извинения. На наш взгляд, необходимо изменить рассматриваемый акт, а также ч. 1 ст. 136 УПК РФ и закрепить обязанность прокурора приносить извинения в письменной форме от лица государства в срок не позднее 30 суток с момента возникновения у лица права на реабилитацию, а при ходатайстве реабилитированного и в устной форме в тот же срок.

Следует рассмотреть еще одну форму нематериального возмещения морального вреда — опровержение сведений в

СМИ. Данный порядок опровержения, ее объем, месторасположение, форма и содержание закреплены в соответствующем законе [18].

В последнее время все большую популярность набирает сеть «Интернет», печатные издания мало кто покупает и читает, всю информацию находят при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, поэтому целесообразно опровержение о лице, незаконно и необоснованно подвергнутом уголовному преследованию, публиковать в Интернете. Анализируя судебную практику, нами выявлены случаи отказа в опубликовании опровергаемой информации о реабилитированном в сети «Интернет». *Так, например, гр. С был оправдан по уголовному делу по реабилитирующему основанию, в последующем он подал заявление о его реабилитации в сети «Интернет». Ему было отказано на основании того, что в ст. 136 УПК РФ нет указания на Интернет [19].*

В связи с этим считаем необходимым внести изменения в ч. 3 ст. 136 УПК РФ и дополнить ее положение о публикации в Интернете сведений о реабилитации лица [20].

Открытым и дискуссионным остается вопрос о порядке и сроках подачи иска о компенсации морального вреда. Согласно нормам ГК РФ исковая давность не распространяется на личные неимущественные права, отсюда право требовать компенсацию морального вреда не ограничено во времени, однако на монографическом уровне пытаются опровергнуть данную позицию, указывая на то, что если лицо не подало иск в течение трех лет, то навряд ли оно испытывало страдания [21, с. 73].

Применяя порядок, утвержденный нормами гражданского закона, по общему правилу исчисление срока подачи иска о компенсации морального вреда начинается с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении такого права. Фактически рассматриваемый нами вред причиняется лицу во время его незаконного ограничения в правах, а юридически – с вынесения процессуального документа должностным лицом, в котором признают право на реабилитацию лица, и извещением об этом последнего. Когда лицо имеет

право подать иск о компенсации морального вреда: с момента получения страданий или объявления о соответствующем праве государственными органами? Кроме того, на практике возникают ситуации, при которых должностные лица умалчивают (нарочно или в силу своей небрежности) и не указывают о праве на реабилитацию и (или) не разъясняют об этом лицу, тем самым оставляя его в неведении о праве пользоваться восстановительными процедурами. На наш взгляд, целесообразно внести изменения в действующий уголовно-процессуальный закон и закрепить обязанность за должностными лицами, признающими за лицом право на реабилитацию, прикреплять к процессуальному акту, в котором вынесено данное право, копию извещения с подписью лица, которому оно вручено.

Подводя итог вышесказанному, следует выделить следующее:

1) на законодательном уровне определение понятия «моральный вред» закреплено только в гражданском законодательстве. Среди ученых-процессуалистов и практиков расходятся мнения о том, что следует понимать под этим понятием, что отрицательно сказывается на правоприменительной практике. Мы считаем целесообразным разработать и закрепить норму-дефиницию термина «моральный вред» в УПК РФ;

2) большие проблемы у правоприменителя вызывает отсутствие процессуального порядка определения и возмещения морального вреда в виде имущественной компенсации. Считаем необходимым разработать и закрепить на законодательном уровне методику оценки размера возмещения морального вреда;

3) мы считаем необходимым изменить положения ст. 136 УПК РФ: закрепить за прокурором обязанность приносить извинения в письменной форме и при указании об этом в заявлении реабилитированного — в устной; ч. 3 дополнить положениями о публикации в сети «Интернет» сведений о реабилитации лица [20]. Также внести изменения в ст. 134 УПК РФ и закрепить за уполномоченными лицами признавать лицо реабилитированным к процессуальному документу, в котором признается это право, приобщать копию

извещения лица с разъяснением порядка реабилитации с подписью реабилитированного.

Примечания

1. ЕМИСС государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 01.10.2022).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

3. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 // БВС РФ. 1995. № 3.

4. *Владимирова В. В.* Компенсация морального вреда — мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе. Москва, 2010.

5. *Потеружа И. И.* Потерпевший в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1960.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 // Континент. URL: http://continent-online.com/document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 03.10.2022).

7. Уголовное дело № 2-242/2021 // Архив Ярославского районного суда Ярославской области.

8. Уголовное дело № 2-358/2021 // Архив Шарьинского районного суда Костромской области.

9. *Ковтун Н. Н.* Высоконравственные основы реабилитации в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина, практика // Российский судья. 2021. № 12. С. 22—30.

10. Российская газета. Экономика Поволжья. 2014. № 6309. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2022).

11. Справка по вопросам, возникающим в связи с рассмотрением дел по присуждению должной компенсации морального вреда, а также возмещению убытков в связи с фактами пыток, бесчеловечного, унижающего человеческое достоинство обращения // Архив Саратовского областного суда. 2019.

12. О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части установления минимального размера компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование (внесен 17.07.2020 депутатами ГД РФ С. М. Мироновым, М. В. Емельяновым, О. А. Ниловым): проект федерального закона № 990771-7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2022).

13. *Тазиев Д. А.* Реабилитация на досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005.

14. *Раменская В. С.* Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

15. *Константинов П., Стуканов А.* Институт реабилитации // Законность, 2004. № 7. С. 37–41.

16. *Орлова А. А.* Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе: монография. Москва, 2013.

17. О порядке реализации положений части 1 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: указание Генпрокуратуры России от 3 июля 2013 г. № 267/12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2022).

18. О средствах массовой информации: закон РФ от 27 декабря 1991 № 2124-1 // РГ. 1992. № 32.

19. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2007 г. // БВС РФ, 2008. № 9.

20. *Черкасова А. М.* Институт реабилитации: понятие, сущность и значение в уголовно-процессуальном законодательстве России: выпускная квалификационная работа. Нижний Новгород, 2022. 70 с.

21. *Колесникова М. М.* Применение правил об исковой давности при взыскании компенсации морального вреда // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 3 (32). С. 70–74.

К. С. Щекалева,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
к.э.н., доцент *О. М. Елфимов*

**ВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ АЛГОРИТМА
ВЫЯВЛЕНИЯ ЛИЦ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ИХ
НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Федеральная налоговая служба, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, прокуратура, полиция, Федеральная служба по финансовому мониторингу, антимонопольная служба и субъекты банковской системы способны уличить злоумышленников в сфере предпринимательства. При взаимодействии возникают проблемы, связанные с временными рамками, дополнительной документацией и определением функциональных обязанностей. Наиболее эффективное выявление указанных лиц возможно при налаженной совместной работе ведомств, которой можно достичь путем воплощения одной из разработанных нами моделей.

Модель «Взаимодействие, основанное на доминировании власти» (см. рис. 1). Для более эффективной работы с лицами, занимающимися незарегистрированной предпринимательской деятельностью, необходимо наладить взаимодействие между ведомствами. Настроить эту связь можно путем построения цепочки участников межведомственной рабочей группы. В межведомственную рабочую группу входят председатель, его заместитель, ответственный секретарь и представители различных ведомств, которые являются членами данной группы. Как

правило, данная группа решает вопросы на федеральном уровне, частные вопросы решаются редко. Для этого необходимо установить связь между территориальными органами ФНС, МВД, банков, Роспотребнадзора, прокуратуры, Росфинмониторинга и антимонопольной службы с этими же и другими ведомствами на высшем уровне. В рамках построения данной модели предлагается сформировать рабочие группы по городам, в которые будут входить несколько инспекторов ФНС, ЭБиПК МВД России, банков, Роспотребнадзора, прокуратуры, Росфинмониторинга и антимонопольной службы, например, не более двух человек на малые города, на большие — в зависимости от величины района. В рамках межведомственной рабочей группы на уровне города будут обсуждаться проблемы, возникающие при совместной работе, а также у территориальных органов ФНС, МВД, банков, Роспотребнадзора, прокуратуры, Росфинмониторинга и антимонопольной службы будет возможность обратиться непосредственно к руководству для решения сложных вопросов.

К функциям рабочей группы на уровне города можно отнести следующие:

- деятельность. Выявление и пресечение преступлений, совершенных или совершаемых незарегистрированными предпринимателями;

- интерактивная. Оказание взаимопомощи ФНС, МВД, банкам, Роспотребнадзору, прокуратуре, Росфинмониторингу и антимонопольной службе; их взаимодействие;

- контролирующая. Проведение ежеквартальных совещаний, на которых будут рассматриваться отчеты за текущий период и устанавливаться приоритетные вопросы для разрешения на будущий период;

- аналитическая. Анализ состояния бизнеса, его законности на обслуживаемой территории.

В свою очередь межведомственная рабочая группа города будет подчиняться межведомственной рабочей группе по субъектам для структурирования и дисциплинированности системы. Обязательным представляется установление сроков для отчетности между каждой ступенью данной системы. Самые

оптимальные сроки для отчетности по проведенной работе, текущему состоянию регистрации бизнеса и экономической преступности в целом — ежеквартальные, однако если возникнет вопрос, требующий срочного решения, то проблема должна быть отдана на рассмотрение председателю межведомственной рабочей группы в течение двух рабочих дней.

Руководители рабочих групп по субъектам должны отчитываться начальникам рабочих групп по округам, которые напрямую подчиняются руководителю межведомственной рабочей группы на федеральном уровне [1, с. 6].

Такая модель способствует своевременному и эффективному решению вопросов, в том числе по выявлению и пресечению деятельности лиц, ведущих незарегистрированную предпринимательскую деятельность.

Плюсы создания межведомственной рабочей группы:

1. Специалисты разных ведомств.
2. Слаженная работа.
3. Эффективное выявление незарегистрированных предпринимателей и пресечение их деятельности.
4. Краткие сроки работы по конкретному делу.

Минусы создания межведомственной рабочей группы:

1. Необходимо время на регулирование работы.
2. Возможная утечка информации.
3. Накладывание на работников дополнительной работы и ответственности.

Рис. 1. Модель «Взаимодействие, основанное на доминировании власти»

Модель «Создание отдельного ведомства» (см. рис 2). Суть такого варианта состоит в движении информации от сотрудников ФНС, МВД России, банков, Роспотребнадзора, прокуратуры, Росфинмониторинга и антимонопольной службы в единый орган, который будет анализировать имеющиеся данные, принимать решение по выявленным незарегистрированным предпринимателям, а также отслеживать их дальнейшую деятельность. Данный орган может предлагать законодательству некоторые изменения, которые способны минимизировать деятельность незарегистрированных предпринимателей. Такой способ может снять ряд полномочий с Федеральной налоговой службы. Данный вариант предусматривает создание дополнительных рабочих мест, а также дополнительные крупные затраты на воплощение идеи. При этом сотрудники нового ведомства будут наделены следующими функциями:

- интерактивная. Взаимодействие с ФНС, ЭБиПК МВД России, банками, Роспотребнадзором, прокуратурой, Росфинмониторингом и антимонопольной службой по всем вопросам, требующим решения; незамедлительный ответ на запросы от других членов отдельного ведомства;

- законодательная. Инициатива по совершенствованию налогового законодательства;

- санкционная. Применение санкций к налогоплательщикам, исходя из особенностей случая;

- контрольно-аналитическая. Проведение ежемесячных собраний с ФНС, ЭБиПК МВД России, банками, Роспотребнадзором, прокуратурой, Росфинмониторингом и антимонопольной службой для оценивания и анализа обстановки на закрепленной территории и составление ежемесячной отчетности и ее анализ.

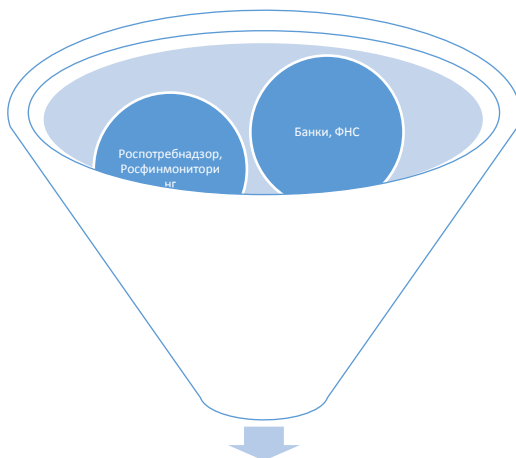
Плюсы создания ведомства:

1. Дополнительные рабочие места.
2. Специалисты разных ведомств.
3. Слаженная работа.
4. «Разгрузка» других ведомств.

Минусы создания ведомства:

1. Нужно перекрывать ушедшие кадры.
2. Возможно бóльшие сроки работы.
3. Необходимо время на регулирование работы.
4. Возможная утечка информации.
5. Запросы.

Указанные проблемы в общем могут решиться только спустя некоторое время, однако избавиться от документооборота возможно, применяя предложенный вариант повышения эффективности сотрудников указанных ведомств в выявлении незарегистрированных предпринимателей.

Новое ведомство, занимающееся выявлением незарегистрированной предпринимательской деятельности

Рис 2. Модель «Создание отдельного ведомства»

Модель «Единая информационная база» (см. рис 3). Особенность такой модели взаимодействия органов государственной власти заключается в объединении работы МВД, ФНС России, банков, Роспотребнадзора, прокуратуры, Росфинмониторинга и антимонопольной службы путем созда-

ния единого элемента, обладающего определенными свойствами.

Данная информационная база (далее — ИБ) позволит ведомствам пользоваться в рамках своей деятельности конфиденциальной информацией о налогоплательщиках, их расчетных счетах, их контрагентах в целях обеспечения экономической безопасности и контроля уплаты налогов, а также данная единая информационная система позволит сократить сроки на передачу запросов, так как документооборот будет реализован в электронной форме. К функциям сотрудников ФНС, ЭБиПК МВД России, банков, Роспотребнадзора, прокуратуры, Росфинмониторинга и антимонопольной службы, взаимодействующим по вопросам выявления незарегистрированных предпринимателей в рамках данной модели, будут относиться:

- информационная. Заполнение базы о налогоплательщиках, а также внесение изменений в информационную базу; соблюдение сроков внесения изменений и дополнений в ИБ;

- перцептивная. Обязательное указывание добросовестности налогоплательщиков;

- деятельностная. Своевременное выполнение работы;

- защитная. Пользование базой только сотрудниками, имеющими специальное разрешение;

- репрезентационно-контрольная. Запрет на использование данных информационной базы в личных целях;

- императивная. Запрет на передачу информации, взятой из информационной базы, сотрудникам, не имеющим доступа (касается секретной информации).

Для того, чтобы сотрудники не использовали данную информацию не по назначению, необходимо ввести ограниченный доступ к предложенной единой информационной системе.

Такой прием можно внедрить на стадии первичного выявления незарегистрированных предпринимателей, то есть когда ФНС вынесла решение по физлицу, являющемуся незарегистрированным предпринимателем. Удаление из такой базы возможно с момента регистрации указанного лица.

Существует аналог единой информационной системы — СПАРК. Данный источник, собирая всю доступную информацию о компаниях и извлекая из нее знания, помогает бизнесу снижать риски и эффективно работать с контрагентами [2]. Однако есть минусы пользования такой системой: ей может воспользоваться любой гражданин, информацию можно получить только на платной основе. Пользование СПАРКом в рамках взаимодействия невозможно, так как если перенести всю информацию, полученную вышеперечисленными органами государственной власти, в СПАРК, банковская и иные тайны становятся раскрытыми и общедоступными даже при наличии платной подписки на ресурс.

Главное отличие предложенной нами единой информационной базы от СПАРКа — ведомственное пользование базой, пополнение секретной информацией, соблюдение ответственности за разглашение секретных сведений.

Плюсы единой информационной базы:

1. Доступ у специалистов разных ведомств.
2. Единый свод информации.
3. Сокращение временных рамок получения информации.
4. Отсутствие бумажного документооборота (запросов в другие ведомства).
5. Бесплатное пользование.

Минусы единой информационной базы:

1. Возможная утечка информации.
2. «Перегрузка» отдельных работников.
3. Несвоевременное обновление информации.

Если же первая проблема решается путем наложения ответственности на сотрудников, у которых будет доступ к такой базе, то вторую проблему можно решить уменьшением нагрузки таких сотрудников по другим направлениям работы, а третью — путем назначения из числа сотрудников ФНС России ответственных лиц за пополнение и обновление информационной базы, но создание такой базы влечет организацию определенного ведомства (структурного подразделения), о котором говорилось выше.

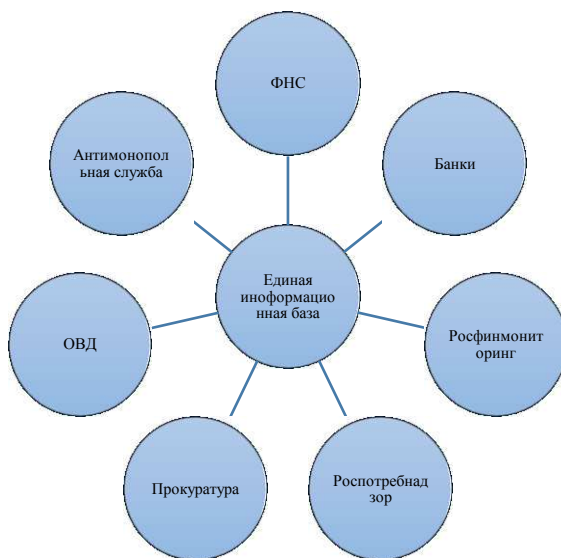

Рис 3. Модель «Единая информационная база»

Таким образом, на основе анализа предложенных вариантов повышения эффективности взаимодействия ведомств по выявлению незарегистрированных предпринимателей можно сделать вывод о том, что второй вариант является предпочтительней для реализации намеченного плана выявления ведения бизнеса без регистрации.

При этом необходимо усовершенствовать работу банков: отдел мониторинга, занимающийся анализом финансовых операций, должен согласно критериям выявления незарегистрированного предпринимателя предоставлять такую информацию в налоговые органы. Критерии, в свою очередь, ФНС России необходимо закрепить на законодательном уровне в виде Письма.

Таким образом, банки будут опираться не на свое субъективное мнение о причастности лица к незарегистрированной предпринимательской деятельности, а на положения нормативного правового акта.

Краткая характеристика описанных выше моделей повышения эффективности взаимодействия ФНС, ЭБиПК МВД России, банков, Роспотребнадзора, прокуратуры, Росфинмониторинга и антимонопольной службы представлена в таблице.

Таблица

Модели повышения эффективности взаимодействия ФНС, ЭБиПК МВД России, банков, Роспотребнадзора, прокуратуры, Росфинмониторинга и антимонопольной службы при выявлении и пресечении деятельности незарегистрированных предпринимателей

Модель	Характеристика	Инструменты осуществления взаимодействия
Взаимодействие, основанное на доминировании власти	Подчинение руководителю межведомственной рабочей группы межведомственных рабочих групп по федеральным округам, субъектам, городам	Исполнение нормативных правовых актов
Создание отдельного ведомства	Передача информации в орган, отвечающий за выявление и пресечение деятельности лиц, занимающихся незарегистрированной предпринимательской деятельностью	Взаимодействие ФНС, ЭБиПК МВД России, банков, Роспотребнадзора, прокуратуры, Росфинмониторинга и антимонопольной службы с отдельным ведомством
Создание единой информационной базы	Объединение практической работы сотрудников ФНС, ЭБиПК МВД России, банков, Роспотребнадзора, прокуратуры, Росфинмониторинга и антимонопольной службы	Единая информационная база

На основе вышеизложенного можно отметить, что мы разработали алгоритмы выявления незарегистрированных предпринимателей в офлайн-пространстве. Следующий шаг в нашем исследовании состоит в переносе возможных моделей на онлайн-выявление предпринимателей, работающих без регистрации.

Примечания

1. *Кудакова К. С., Елфимов О. М.* Актуальные вопросы взаимодействия подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной налоговой службы России по вопросам «фирм-однодневок» (на материалах Нижегородской области) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 2. № 3(46). С. 101–108.

2. О системе СПАРК. URL: <https://spark-interfax.ru/about?ysclid=19841eh2s3115928639> (дата обращения: 14.10.2022).

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
АДЪЮНКТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ

Выпуск 28

Сборник статей

Редакторы: *Т. Ю. Булганина, Н. А. Елизарова, Н. Б. Помадина*
Компьютерная верстка *А. Е. Горячковой*
Дизайн обложки *Д. В. Ростова*

Подписано в печать 12.12.2022. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 14,61
Тираж 40 экз. Заказ 316

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России

603144, Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, 3